

MODERN ORIENTAL STUDIES

СОВРЕМЕННЫЕ
ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

16+

VOL.3, №2
TOM 3, №2

2021

Publisher of the magazine: ANO "Association of Chinese Language Teachers of the Volga Federal District". Issues of the journal are placed in the RSCI databases (www.elibrary.ru) on the basis of a license agreement with the Scientific Electronic Library, RSL, TASS, Cyberleninka. The journal is published in compliance with all the requirements of the Higher Attestation Commission

Frequency of the journal's publication: 4 issues per year.

The mission of the journal is to integrate and consolidate the scientific potential of orientalists from Russia and abroad.

The main goal of the journal is to highlight the main scientific achievements in the field of oriental philology, history, culture and philosophy of the East.

The objectives of the journal:

Coordination and popularization of oriental studies.

Ensuring a wide exchange of ideas, experience, and results of oriental studies.

Carrying out joint scientific research with leading scientists of foreign centers of oriental studies.

Organization of joint scientific events (forums, conferences, seminars) with leading domestic and foreign associations and research centers of oriental studies.

Studying the experience of leading foreign centers of oriental studies.

The journal accepts articles in the following specialties:

10.02.00. Philological sciences:

10.02.20. Comparative-historical, typological and comparative linguistics

10.02.22. Languages of peoples of foreign countries of Europe, Asia, Africa, aborigines of America and Australia

07.00.00. Historical sciences:

07.00.03. General History

07.00.09. Historiography, source studies and methods of historical research

07.00.15. History of international relations and foreign policy

09.00.00. Philosophical Sciences:

09.00.03. History of Philosophy

The journal accepts articles in 8 languages: Russian, English, Chinese, Turkish, Arabic, Japanese, Korean, Vietnamese.

Издатель журнала: АНО «Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа». Выпуски журнала размещаются в базах РИНЦ (www.elibrary.ru) на основании лицензионного договора с Научной электронной библиотекой, РГБ, ТАСС, Cyberleninka. Журнал издается с соблюдением всех требований Высшей аттестационной комиссии.

Периодичность выхода журнала: 4 номера в год.

Миссия журнала — интеграция и консолидация научного потенциала востоковедов России и зарубежья.

Цель журнала — освещения основных научных достижений в области восточной филологии, истории, культуры и философии Востока.

Задачи журнала:

Координация и популяризация востоковедческих исследований;

Обеспечение широкого обмена идеями, опытом, результатами востоковедческих исследований;

Проведение совместных научных исследований с ведущими учеными зарубежных центров востоковедения;

Организация совместных научных мероприятий (форумов, конференций, семинаров) с ведущими отечественными и зарубежными ассоциациями и научно-исследовательскими центрами востоковедения;

Изучение опыта ведущих зарубежных центров востоковедения.

В журнал принимаются статьи по следующим специальностям:

10.02.00. Филологические науки:

10.02.20. Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

10.02.22. Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии

07.00.00. Исторические науки:

07.00.03. Всеобщая история

07.00.09. Историография, источниковедение и методы исторического исследования

07.00.15. История международных отношений и внешней политики

09.00.00. Философские науки:

09.00.03. История философии

В журнал принимаются статьи на 8 языках: русском, английском, китайском, турецком, арабском, японском, корейском, вьетнамском.

Founder: ANO Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District (ACTV)

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media

Registration certificate: ПИ No. ФС 77 - 76298 dated 26.07.2019

Year of foundation: 2019

Frequency: 4 issues per year

The journal is distributed by subscription. Subscription index — BH018379. The price is not fixed

Distribution territory: Russian Federation, foreign countries

Publisher: ANO Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District (ACTV)

Publisher's address: Prospekt Pobedy 226a, Kazan, Rep. Tatarstan, Russia, 420088

The postal address of the editorial office: 420008, RT, Kazan, st. Martyna Mezhlauka, 3, office. 117, tel +7 (843) 22 133 21

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

The journal is placed and indexed in abstract and full-text databases: Russian Science Citation Index (RSCI). The price is not fixed.

Release date: 07.06.2021. Offset paper. Digital printing. Format 60x84 1/8. The total circulation is 500 copies. Order No. ____ Printed from the finished layout at the «ФЭН» Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan

Layout and prepress: Dionisis Publishing

Printing house address: Bauman st., 20, Kazan, Russia, 420111

Tel.: +7 (843) 292-49-14

EDITORIAL AND PUBLISHING GROUP:

Editor-in-Chief: Dmitry Martynov, Doctor of History, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Scientific editor: Ramil Valeev, Doctor of History, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Chief Editor: Alfiya Alikberova, Candidate of History, Associate Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Managing Editor: Rustem Mukhametzyanov, Candidate of History, Associate Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Secretary: Dmitry Balakin, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Chairman of the Editorial Board: Elmira Khabibullina, Candidate of Philology, Associate Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

EDITORIAL TEAM:

Irina Popova, Doctor of History, Professor, Corresponding Member, Director of the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Aleksandr Storozhuk, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Chinese Philology, Faculty of Oriental Studies, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Artyom Kobzev, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of the Far East, Leading Researcher at the Institute

of Philosophy, Head of the China Department of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr Semyonov, Candidate of History, Associate Professor, Professor of the Department of Oriental Languages, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Mariya Repenkova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Turkic Philology, Institute of the History of Asian and African Countries, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yakov Grishin, Doctor of History, Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Valery Letyaev, Doctor of Law, Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Bulat Akhmetkarimov, Ph.D (philosophy), Associate Professor of the Institute International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Apollinaria Avrutina, Doctor of Philology, Associate Professor, Director of the Center for Research on Contemporary Turkey and Russian-Turkish relations, St. Petersburg State University

Aleksandr Lychagin, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Oriental Languages and Cultural Linguistics of the Institute of international relations and world history, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

Alfiya Yusupova, Doctor of Philology, Professor Institute of Philology and Intercultural Communication, Director of the Institute Kayuma Nasyri, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Emilia Taisina, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia

Ko Young Cheol, Ph.D (Pedagogics), Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Norihiro Naganawa, Ph.D (Regional Studies), Professor at the Center for Slavic and Eurasian Studies, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Chun Hyunju, Ph.D (Translation Studies), Associate Professor, Shinhan University, Seoul, Republic of Korea

Kim Jin Young, Ph.D (Sociology), Professor, Jeju University, Jeju, Republic of Korea

Tashansu Turker, Doctor of History, Professor, Ankara University, Ankara, Turkey

Ekrem Kalan, Doctor of History, Professor, Rector of the University of Alanya Alaaddin Keykubat, Alanya, Turkey

Phan Cuog Anh, Ph.D (Cultural Studies), Professor, Ho Chi Minh University of Culture, Ho Chi Minh City, Vietnam

Yang Ke, Ph.D (Russian), Professor, Director of the Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Languages and International Trade, Guangzhou, China

Kang Cheng, Ph.D (Comparative Literature), Professor, South China Normal University, Guangzhou, PRC

Учредитель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77 – 76298 от 26.07.2019

Год основания журнала: 2019 г.

Периодичность: 4 выпуска в год

Журнал распространяется по подписке. Подписной индекс — ВН018379. Цена свободная.

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Издатель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Адрес издателя: Проспект Победы 226а, г. Казань, Респ. Татарстан, Россия, 420088

Почтовый адрес редакции: 420008, РТ, г. Казань, ул. Мартына Межлаука, д. 3, каб. 117, тел +7(843) 22 133 21

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

Журнал размещается и индексируется в реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Дата выхода выпуска в свет: 07.06.2021. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 60x84 1/8. Общий тираж 500 экз. Заказ №___ Отпечатано с готового оригинал-макета в Издательстве «Фэн» Академии наук РТ

Верстка и доредакционная обработка: Dionisis Publishing

Адрес типографии: ул. Баумана, 20, г. Казань, Россия, 420111

Тел.: +7(843)292-49-14

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА:

Главный редактор: Мартынов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Научный редактор: Валеев Рамиль Миргасимович, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Шеф-редактор: Аликберова Альфия Рафисовна, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Выпускающий редактор: Мухаметзянов Рустем Равилевич, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Ответственный секретарь: Балакин Дмитрий Александрович, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет г. Казань, Россия

Председатель редакционной коллегии: Хабибуллина Эльмира Камилевна, кандидат филологических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Попова Ирина Федоровна, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент, директор Института восточных рукописей, Российская академия наук, г. Санкт-Петербург, Россия

Сторожук Александр Георгиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой китайской филологии Восточного факультета, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Кобзев Артём Игоревич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока,

ведущий научный сотрудник Института философии, руководитель Отдела Китая Института востоковедения, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Семенов Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры восточных языков, Дипломатическая Академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Россия

Репенкова Мария Михайловна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой тюркской филологии Института истории стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Гришин Яков Яковлевич, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Летяев Валерий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Ахметкаримов Булат Гумарбаевич, Ph.D (философия), доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Аврutiна Аполлинария Сергеевна, доктор филологических наук, доцент, директор Центра исследований современной Турции и российско-турецких отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Лычагин Александр Иванович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой восточных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Юсупова Альфия Шавкетовна, доктор филологических наук, профессор Института филологии и межкультурной коммуникации, директор Института Каюма Насыри, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Тайсина Эмилия Анваровна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Казанского государственного энергетического университета, г. Казань, Россия

Ко Ен Чоль, Ph.D (педагогика), профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Норихиро Наганава, Ph.D (регионоведение), профессор Центра славянских и евразийских исследований, университет Хоккайдо, г. Саппоро, Япония

Чон Хенджу, Ph.D (переводоведение), доцент, университет Шинхан, г. Сеул, Республика Корея

Ким Джин Енг, Ph.D (социология), профессор, университет Чеджу, г. Чеджу, Республика Корея

Ташансу Тюркер, доктор исторических наук, профессор, университет Анкары, г. Анкара, Турция

Экрем Калан, доктор исторических наук, профессор, ректор университета Аланьи Алааддина Кейкубата, г. Аланья, Турция

Фан Куог Ань, Ph.D (культурология), профессор, Хошиминский университет культуры, г. Хошимин, Вьетнам

Ян Кэ, Ph.D (русский язык), профессор, директор Института европейских языков и культур, Гуаньдунский университет иностранных языков и международной торговли, г. Гуаньчжоу, КНР

Кан Чэн, Ph.D (сравнительное литературоведение), профессор, Южно-Китайский педагогический университет, г. Гуаньчжоу, КНР

SECTIONS

PHILOLOGICAL SCIENCES

Chi Daojia

The Contrastive Analysis of Chinese Prepositions "Zài(在), Cóng(从)" and Corresponding Uzbek Affixes/Auxiliaries 176

Minsafina A. I., Develi H.

Linguistical structures of scientific terminology of the Turkic languages in a comparative aspect 183

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Dashkin G.I., Grosheva A.P.

Gongsun Long-tzu and features of his dialectics 194

Laktionova E.A., Martynova Y.A.

The influence of philosophical and religious teachings on the Chinese culture of Song dynasty (960-1279) 200

HISTORICAL SCIENCES

Bulgakov S.A.

The main trends in the economic development of Shaanxi province in the 2000s 206

Harutyunyan A.A.

The lion and the dragon: a new stage in sino-iranian strategic partnership 214

Takayama K.

Evolution of the Chinese economic security doctrine from 1949 to the XXI century 243

Valeev R.M., Rashitov D.D.

Iranian-Ottoman influence on Tatar jewelry: forms and techniques 256

Hoai Tr.T.T., Lestev A.E.

The past, the present and the future of Vietnam's oil and gas industry 262

Zorya R.S.

The development of the archaeological school of the TASSR in the post-war years: the funds of the Kazan archives 270

Kuusela Y.S., Epshteyn V.A.

The economic policy of the People's Republic of China in relation to the Tibet Autonomous Region in 1949-2014 282

YOUNG SCIENTISTS

Sorokina Y.S.

The mental image of fox in the Japanese linguistic world view 295

Balakin D.A., Kudryavtseva D.A.

Genesis of the gender system in Vietnam. 304

REVIEW

Martynov D.E., Martynova Y.A.

Review: The History of Chinese Civilization: in 4 vols. Yuan Xingpei et al.; trans. from Ch. edited by I. F. Popova 318

РАЗДЕЛЫ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Чи Даоцзя

Сравнительный анализ китайских предлогов "Zài (在), Cóng (从)" и соответствующих узбекских аффиксов/вспомогательных 176

Минсафина А. И., Девели Х.

Лингвистические особенности научной терминологии в тюркских языках в сравнительном аспекте 183

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Дашкин Г.И., Грошева А.П.

Гунсунь Лун-цзы и особенности его диалектики 194

Лактионова Е.А., Мартынова Ю.А.

Влияние философско-религиозных учений на культуру Китая эпохи Сун (960–1279 гг.) 200

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Булгаков С.А.

Основные тенденции экономического развития провинции Шэньси в 2000-е гг. 206

Арутюнян А.А.

Лев и дракон: новый этап китайско-иранского стратегического партнёрства 214

Такаяма К.

Эволюция китайской доктрины экономической безопасности с 1949 по XXI век 243

Валеев Р.М., Рашитов Д.Д.

Ирано-османское влияние на ювелирное дело татар: формы и техники 256

Хоай Ч.Т.Т., Лестев А.Е.

Прошлое, настоящее и будущее нефтяной и газовой промышленности Вьетнама 262

Зоря Р.С.

Развитие археологической школы ТАССР в послевоенные годы: фонды казанских архивов 270

Куусела Ю.С., Эшттейн В.А.

Экономическая политика КНР по отношению к Тибетскому автономному району в 1949-2014 гг. 282

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ

Сорокина Е.С.

Образ лисы в японской языковой картине мира 295

Балакин Д.А., Кудрявцева Д.А.

Генезис гендерной системы во Вьетнаме 304

РЕЦЕНЗИИ

Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А.

Рецензия: История китайской цивилизации: в 4 т. / Гл. редколл. Юань Синпэй и др.; пер. с кит. под ред. И.Ф. Поповой 318

The Contrastive Analysis of Chinese Prepositions "Zài(在), Cóng(从)" and Corresponding Uzbek Affixes/Auxiliaries

Сравнительный анализ китайских предлогов "Zài(在), Cóng(从)" и соответствующих узбекских аффиксов/вспомогательных

迟道加 (Chi Daojia)

Tashkent State University of Oriental Studies

daojiachi@gmail.com

DOI: 10.24412/2686-9675-2-2021-176-182

АННОТАЦИЯ

Китайский язык — изолированный. Предлоги используются для выражения грамматических значений. Как правило, предложные фразы формируются с помощью существительных. Целые предложные фразы в основном используются в качестве наречий перед сказуемым. В узбекском же языке аффиксы и вспомогательные средства связи применяются в изобилии. Для выражения грамматических значений, таких как местоположение, время и объект, вспомогательные части речи фиксируются после основных частей речи. В узбекском языке нет классификации "предлогов", и большинство из них соответствуют китайским как "аффиксы или вспомогательные слова". В данной статье показаны четыре этапа "контрастивного анализа". Во-первых, описание китайских предлогов "Zai (at), Cong (from)" и соответствующие им узбекские аффиксы или вспомогательные слова. Во-вторых, китайские предлоги "Zai (at), Cong (from)" сравниваются с соответствующими узбекскими вспомогательными аффиксами. Наконец, на основе результатов контрастивного анализа в данной

ABSTRACT

Chinese is an isolated language. Prepositions are used to express grammatical meanings. Generally, prepositional phrases are composed of nouns. The whole prepositional phrases are mostly used as adverbials in front of sentence predicates. Uzbek is a cohesive language, affixes and auxiliaries are abundant. Affixes are placed after body parts of speech to express grammatical meanings such as location, time and object. There is no "preposition" classification in Uzbek, and most of them correspond to Chinese prepositions as "affixes or auxiliaries". This paper adopts four steps of "contrastive analysis". Firstly, it describes the Chinese prepositions "Zài (at), Cóng (from)" and its corresponding Uzbek affixes or auxiliaries. Secondly, the Chinese prepositions "Zài (at), Cóng (from)" are compared with the corresponding Uzbek affixes or auxiliaries. Finally, based on the results of contrastive analysis, this paper predicts the transfer in the acquisition of Chinese prepositions "Zài (at), Cóng (from)" by Uzbek speakers.

статье прогнозируется усвоение узбекскими носителями китайских предлогов "Zai (at), Cong (from)".

Ключевые слова: китайский язык, узбекский язык, предлог, контрастивный анализ, языковой перенос

Для цитирования: Чи Даоцзя. Сравнительный анализ китайских предлогов "Zài (在), Cóng(从)" и соответствующих узбекских аффиксов/вспомогательных. Современные востоковедческие исследования. 2021; 3(2): 176-182.

1. Introduction

The so-called "contrastive analysis" refers to a method of linguistic analysis that compares the systems of the two languages to reveal their similarities and differences (Liu Xun 2000:185). In 1957, Lado pointed out in the book *Intercultural Linguistics* that projects that are similar to the learner's mother tongue are easier for them, and it is difficult to learn from their different mother tongue projects (Cited by D. J. Chi & S. Hashimova, 2019). Therefore, a systematic comparison of the two languages can predict where the learner may or may not have difficulty in learning the target language, thus adopting more effective second language teaching measures in the teaching. According to Lado(1957), the process of contrastive analysis generally has four steps (Cited by D. J. Chi 2019):

First, description. The target language and the learner's first language are described in detail and in detail as the basis for comparison.

Second, selection. Choose some meaningful language projects or structures to compare between the two languages.

Third, comparison. Compare the selected language items or language structures in the two languages to find the same points and differences between the two languages.

Keywords: Chinese language, Uzbek language, preposition, contrastive analysis, language transfer.

For citation: Chi Daojia. *The Contrastive Analysis of Chinese Prepositions "Zài(在), Cóng(从)" and Corresponding Uzbek Affixes/Auxiliaries*. *Modern Oriental Studies*. 2021; 3(2): 176-182.

Fourth, prediction. On the basis of comparison, predict the difficulties and errors that may occur in the learning of second language .

Chinese and Uzbek belong to two completely different grammatical systems. Chinese belongs to the Sino-Tibetan language family and is an isolated language. Uzbek belongs to the Altai language family and is an adhesive language. The grammatical structure of the two languages is quite different. There is no "preposition" in Uzbek, only some "affixes" or "auxiliaries" corresponding to Chinese prepositions. Therefore, many Uzbek students find it difficult to learn. In addition, Chinese prepositions themselves are rich and diverse, and their usage is changeable, if the teaching methods used by teachers are not scientific enough, it will inevitably lead to a large number of errors in the use of Chinese prepositions by beginners.

According to "The Eight Hundred Words of Modern Chinese" (Lu Shuxiang ed. 1999). The space-time prepositions "Zài(at)" and "Cóng (from)" are selected to contrast with its corresponding Uzbek affixes/auxiliaries. The following is a detailed introduction of the usage of the 2 prepositions and contrast with the corresponding Uzbek.

2. Contrastive Analysis of Chinese Prepositions "Zài(at), Cóng(from)" and Corresponding Uzbek Affixes/Auxiliaries

2.1 The preposition "Zài (at)"

According to "The Eight Hundred Words in Modern Chinese" edited by Lu Shuxiang, there are five usages of the preposition "Zài (at)":

1) Indicates time. E.g:

Chinese: Wǒ **zài** dà xuéde **shíhòu** xuéxí hànyǔ hěn nǜlì.(as adverbial)

Uzbek: Men universitetda o'qiyotganimda xitoy tilini tirishqoqlik bilan o'rganganman.

English: When I was in university, I studied Chinese very hard.

Chinese: Wǒ zuótiān **zài** shíyīdiǎn shuìjiào de. (as adverbial)

Uzbek: Men kecha soat 11da uxladim.

English: I slept at eleven o'clock yesterday.

Chinese:Wǒ chūshēng **zài** 1998nián. (as complement)

Uzbek: Men 1998-yilda tug'ilganman.

English: I slept at eleven o'clock yesterday.

Chinese: ***Zài** xiàtiān tǎshén'gān fēicháng rè. (×)

Xiàtiān tǎshén'gān fēicháng rè. (√)

Uzbek: Yozda Toshkent juda issiq

English: Tashkent is very hot in summer.

Chinese: Wǒ yìbān **zài** shíyīdiǎn **yǐqián** shuìjiào.

Uzbek: Men odatda soat 11dan oldin uxlayman.

English: I usually go to bed before eleven o'clock.

"Zài" means that time can be used as adverbial (sentence ①) or complement (sentence ③). Its sentence pattern is generally expressed as "Zài + time ", but in a sentence with time as the subject,

there is no need to add "Zài" (sentence ④). "Zài... shíhòu"(when) and"Zài...yǐqián "(before) can be used as a fixed phrase(sentence ①⑤).The affix corresponding to the preposition "Zài" in Uzbek is "-da", and its usage is generally expressed as "time + da". "-da" can't be a single word, it can only be attached to the "root".But sometimes "Zài" is used in Chinese, while "-da" is not used in Uzbek (sentence ⑤). When it means "Zài...yǐqián "(before) in Uzbek, it does not use "-da",but "-dan oldin".

2) Indicate the location. E.g:

Chinese: wǒ **zài** běijīng xuéxí hànyǔ. (as adverbial)

Uzbek: Men pekinda xitoy tilini o'rganyapman.

English: I am studying Chinese in Beijing.

Chinese: wǒmen dōu zhù**zài** tǎshén'gān. (as complement)

Uzbek: Biz barchamiz Toshkentda yashaymiz.

English:We all live in Tashkent.

Chinese:***Zài** tǎshén'gān hěn piàoliang.(×)

Tǎshén'gān hěn piàoliang.(√)

Uzbek:Toshkentda juda chiroyli.

English:It's beautiful in Tashkent.

When "Zài" indicate the location, it similar to the first usage, and also can be used as adverbial (sentence ①) or complement (sentence ②). Its sentence pattern is generally expressed as "Zài + place ". Uzbek sentence pattern is generally expressed as "place + da". "-da" can not be used as a word alone, but can only be attached to the "root". When the sentence with place as the subject, there is no need to add "Zài" in Chinese ,but we need to add "-da" ni Uzbek (sentence③).

3) Indicates the scope. E.g:

Chinese: **Zài** wǒmen chūjībān lǐ, Lín nà xuéxī zuìhǎo.

Uzbek: Bizning guruhimiz**da**, Linnaning o'qi-shi eng yaxshisi.

English: Linna studies best in our junior class.

Chinese: **Zài** suóyǒu shuǐguǒ zhōng, wǒ zuì xǐhuan chī píngguǒ.

Uzbek: Barcha mevalar ichi**da** men eng yoqti-radiganim olma.

English: Among all the fruits, I like apples the most.

"Zài" indicates the scope, generally in the sentence as a adverbial, its sentence is generally expressed as "Zài + scope". There is also a corresponding usage in Uzbek, and its sentence is generally expressed as "scope + da".

4) Indicates conditions. E.g:

Chinese: **Zài** péngyou de bāngzhù xià, tā zhōngyú chénggōng le.

Uzbek: Do'stlarining yordami tufayli(bilan), u oxir-oqibat muvaffaqiyatga erishdi.

English: With the help of his friends, he succeeded at last.

Chinese: **Zài** dàjiā de nǚlì xià, wèntí hěnkuài jiějué le.

Uzbek: Hammaning tirishqoqligi tufayli (bilan), muammo juda tez hal qilindi.

English: With everyone's efforts, the problem was solved soon.

"Zài" indicates conditions, and is generally used as an adverbial in the sentence. Its sentence pattern generally appears as "Zài+condition". There is no corresponding usage in Uzbek, only through free translation, its sentence is generally

expressed as "condition + tufayli/bilan".

Indicates the subject of the act. E.g:

Chinese: **Zài** tā kànlái , xuéxī hànǚ hěn yǒuyìsi.

Uzbek: Uning fikricha, xitoy tilini o'rganish juda qiziqarli.

English: In his opinion, learning Chinese is very interesting.

Chinese: **Zài** hěnduō rén kànlái , zhè jīhū shì bù kěnéng de.

Uzbek: Ko'p kishining fikricha, bu deyarli imkonsiz.

English: In many people's opinions, this is almost impossible.

"Zài" Indicates the subject of the act, often used in the "Zài...kànlái" (in one's opinion) fixed format. There is no corresponding translation in Uzbek, only through right translation. After the translation, the affix "-da" is lost.

2.2 The preposition "Cóng(from)"

According to "The Eight Hundred Words of Modern Chinese" edited by Lu Shuxiang, there are generally four usages:

1) Indicates the starting point of time. E.g:

Chinese: Xuéxiào **cóng** yīyuè yīhào kāishǐ fàngjià.

Uzbek: Maktabda 1-yanvardan boshlab ta'tilga chiqishadi.

English: The school is on holiday from October 1st.

"Cóng" indicates the starting point of time and is generally used as adverbial in sentences. Its sentence pattern is generally expressed as "Cóng+Time". The affix corresponding to the

preposition "Cóng" in Uzbek is "-dan", and its sentence pattern is generally expressed as "time + dan". "-dan" can not be used as a word alone, but can only be attached to the "root".

2) Indicates the location. E.g:

Chinese: Wǒ **cóng** tǎshén'gān lái .

Uzbek: Men Toshkent**dan** kelganman.

English: I am coming from Tashkent.

Chinese: Wǒmen **cóng** zhètiáolù zǒu ba .

Uzbek: Biz shu yo'**ldan** yura qolaylik.

English: Let's go from this road.

"Cóng" can indicate the starting point of a place (sentence ①) or the place through which it passes (sentence ②). In a sentence, it is generally used as an adverbial, and its sentence pattern is generally expressed as "Cóng + place". Uzbek also has its corresponding usage, and its sentence pattern is generally expressed as "place + dan".

3) Indicates the scope. E.g:

Chinese: **Cóng** lǎorén dào xiǎohái dōuqù cānjiāle zhège huódòng

Uzbek: Qariyalard**dan** to yosh bolalarg**acha** bu tadbirda qatnashdilar.

English: Everyone from the old to the young participated in the activity.

"Cóng" indicates the scope and is often used in "Cóng...dào"(from...to) fixed format. Uzbek also has its corresponding usage, and its sentence pattern is generally expressed as "-dan...-gacha".

4) Indicates the source or basis. E.g:

Chinese: **Cóng** tāde shuōhuà **láikàn**, tā jīntiān bù kāixīn.

Uzbek: Uning gaplarid**an** ko'rinib turibdiki, u bugun xursand emas.

English: Judging from what he said, he is un-

happy today.

"Cóng" indicating the source or basis, often used in the "Cóng...láikàn"(From the point of view of...) fixed format. Uzbek also has its corresponding usage. Its sentence pattern is generally expressed as "source/basis+dan".

Chinese prepositions are rich and varied, and they are difficult to use. Students often avoid using them because "the use of prepositions and collocations is limited. It is this limitation that enables learners to use only one preposition in combination with other words and master prepositions in syntactic changes "(Zhao Kuixin 2002).

3. Conclusion

Based on the above contrastive analysis, the following transfer predictions of Chinese prepositions "Zai" and "Cong" are proposed for Uzbek native speakers.

Generally speaking, the Chinese prepositions "Zai" and "Cong" have corresponding affixes/auxiliary usages in Uzbek, but the word order of affixes or auxiliaries in Uzbek language is different from that in Chinese prepositions. Therefore, for beginners, there will be some negative transfer during they acquire Chinese preposition "Zai" and "cong". The details are as follows:

Affected by Uzbek affixes order, learners may place Chinese prepositions after body parts, which may cause word order errors. E.g: the preposition "Zai/Cong" is generally expressed as "Zai/Cong + time / location noun", the affix corresponding to the preposition "Zai/Cong" in Uzbek is "-da/-dan", and its usage is generally expressed as "time/ location noun + -da/-dan".E.g:"Wǒ **zài** běijīng xuéxí hànǚ(Men pekinda xitoy tilini o'rganyapman)", the learner may produce errors "*Wǒ běijīng **zài** xuéxí hànǚ".

Uzbek is a cohesive language, with abundant auxiliary words and affixes. Affected by the habits

of mother tongue, learners may like to add a preposition in front of words related to meanings such as time, space and objects, resulting in negative mother tongue transfer. E.g: "Tǎshén'gān hěn piàoliang (Toshkentda juda chiroyli)", learners may produce errors "*Zài tǎshén'gān hěn piàoliang".

Some prepositions in Chinese have no corresponding translation in Uzbek, and these prepositions are easy to produce errors. E.g: the fixed format "Zài...kànlái" (in one's opinion), there is no corresponding translation in Uzbek, but only through right translation, while after the translation, the affix "-da" is lost. Therefore, learners are prone to negative transfer of target language knowledge due to they do not master this usage.

Литература

1. 2001 National Chinese Proficiency Test Committee Office Examination Center "Chinese Level Vocabulary Chinese Character Grade Outline", China: Economic Science Press.
2. 2002 Chinese Language Proficiency Test Department of the Chinese Language Proficiency Test Office, "Chinese Proficiency Level Standards and Grammar Grades" Higher Education Press.
3. Brown, H. D. 2005. Principals of language learning and teaching (5th ed.). New York: Pearson Education.
4. Chi Daojia 2019 The Contrastive Analysis of Modern Chinese and Uzbek Consonants. American Journal of Research, No.3-4, Michigan, USA.
5. Chi Daojia, Hashimova S. 2019 The Contrastive Evaluation On Modern Chinese and Uzbek Vowels. International Journal of Engineering and Advanced Technology (IJEAT), Volume-9 Issue-1. India: Blue Eyes Intelli-

6. Gass & Selinker 2008 Second language acquisition: An introductory course (Third edition). New York: Routledge.
7. Gulibanumu 2015 Uzbek Language Course, Beijing: Central University for Nationalities Press
8. Huang Borong, Liao Xudong 2011 Modern Chinese (updated five editions), Beijing: Higher Education Press.
9. James, C. 1980. Contrastive Analysis. London: Longman.
10. Liu Xun 2000 Introduction to Teaching Chinese as a Foreign Language, Beijing: Beijing Language and Culture University Press.
11. Liu Xun 2002 Practical Chinese Textbooks [M], Beijing: Business Press
12. Lu Shuxiang 1999 "Modern Chinese 800 Words" (Revision), Beijing: Commercial Press
13. Shao Jingmin 2008 General Introduction to Modern Chinese (2nd Edition), Shanghai: Shanghai Education Press.
14. Whitman, R. L., 1970. Contrastive Analysis: Problems and Procedures. Language Learning, Volume 20, pp.191-197.
15. Yang Jizhou 1999 Chinese Course, Beijing Language and Culture University Press
16. Zhao Kuixin, 2002, "Investigation of Foreign Students Studying and Using Chinese Prepositions" World Chinese Teaching, No. 2, P100-106

References

1. 2001 National Chinese Proficiency Test Committee Office Examination Center "Chinese Level Vocabulary Chinese Character Grade Outline", China: Economic Science Press.

2. 2002 Chinese Language Proficiency Test Department of the Chinese Language Proficiency Test Office, "Chinese Proficiency Level Standards and Grammar Grades" Higher Education Press.
3. Brown, H. D. 2005. Principals of language learning and teaching (5th ed.). New York: Pearson Education.
4. Chi Daojia 2019 The Contrastive Analysis of Modern Chinese and Uzbek Consonants. American Journal of Research, No.3-4, Michigan,USA.
5. Chi Daojia, Hashimova S. 2019 The Contrastive Evaluation On Modern Chinese and Uzbek Vowels. International Journal of Engineering and Advanced Technology (IJEAT), Volume-9 Issue-1. India: Blue Eyes Intelligence Engineering & Sciences Publication
6. Ellis, R. 1985. Understanding second language acquisition. Oxford: Oxford University
7. Gass & Selinker 2008 Second language acquisition: An introductory course (Third edition). New York: Routledge.
8. Gulibanumu 2015 Uzbek Language Course, Beijing: Central University for Nationalities Press
9. Huang Borong, Liao Xudong 2011 Modern Chinese (updated five editions), Beijing: Higher Education Press.
10. James, C. 1980. Contrastive Analysis. London: Longman.
11. Liu Xun 2000 Introduction to Teaching Chinese as a Foreign Language, Beijing: Beijing Language and Culture University Press.
12. Liu Xun 2002 Practical Chinese Textbooks [M], Beijing: Business Press
13. Lu Shuxiang 1999 "Modern Chinese 800 Words" (Revision), Beijing: Commercial Press
14. Shao Jingmin 2008 General Introduction to Modern Chinese (2nd Edition), Shanghai: Shanghai Education Press .
15. Whitman, R. L., 1970. Contrastive Analysis: Problems and Procedures. Language Learning, Volume 20, pp.191-197.
16. Yang Jizhou 1999 Chinese Course, Beijing Language and Culture University Press
17. Zhao Kuixin, 2002, "Investigation of Foreign Students Studying and Using Chinese Prepositions" World Chinese Teaching, No. 2, P100-106

Информация об авторе

Чи Даоцзя

Ташкентский государственный университет востоковедения

Ташкент, Республика Узбекистан

daojiachi@gmail.com

Information about Author

Chi Daojia

Tashkent State University of Oriental Studies

Teshkent, the Republic of Uzbekistan

daojiachi@gmail.com

Статья одобрена рецензентами: 30.04.2021

Статья принята к публикации: 11.05.2021

Reviewed: 30.04.2021

Accepted: 11.05.2021

**Linguistical structures of scientific terminology
of the Turkic languages in a comparative aspect²**

**Лингвистические особенности научной терминологии
тюркских языков в сравнительном аспекте¹**

**Karşılaştırmalı olarak Türk dillerinde bilimsel
terimlerin dil yapıları³**

Минсафина Алина Ильдаровна, Хаяти Девели

Стамбульский университет

minsafina@yandex.com

DOI: 10.24412/2686-9675-2-2021-183-193

АННОТАЦИЯ

Терминология — это особый лексический пласт, используемый в определенной научной сфере. Термины, как правило, однозначны и служат для оформления, упорядочения и сохранения научных знаний. Тюркские языки до XIX века развивались в едином культурном континууме, поэтому терминология в каждом из тюркских языков до XIX века прошла аналогичные этапы развития. С образованием Советского Союза в 1922 и Турецкой Республики в 1923 году развитие тюркских языков продолжилось в разных направлениях. Развитие терминологии также стало приобретать отличительные черты. В данной статье рассматривается процесс развития терминологии в тюркских языках с начала XX века до сегодняшних

ABSTRACT

Terminology is a specific part of lexicology. They prevent ambiguity and help in organizing and preserving the knowledge. Till the 19th century the Turkic languages were developing in the same cultural environment, so their terminology also went through the same development stages. With the establishment of the Soviet Union in 1922 and the Republic of Turkey in 1923, the development of terminology in the Turkic languages continued in different directions since the languages were involved in different language politics and language planning processes. This article focuses on the ways of creating terminology in the Turkic languages since the beginning of the 20th century to the present day. The basic material of this research is linguistic and physics-mathematics terminology

¹ Данное исследование было проведено в рамках докторской диссертации «Возможности и методы создания общей терминологии в тюркских языках» (Çağdaş Türk Dillerinde Ortak Terminoloji Geliştirme İmkân ve Yöntemleri).

² This research was carried out as a part of doctoral dissertation “Possibilities and Methods for Creating Common Terminology for the Turkic Languages” (Çağdaş Türk Dillerinde Ortak Terminoloji Geliştirme İmkân ve Yöntemleri).

³ Bu araştırma, Çağdaş Türk Dillerinde Ortak Terminoloji geliştirme İmkân ve Yöntemleri adlı doktora tezi çerçevesinde yapılmıştır.

дней. Материалом для исследования послужила лингвистическая и физико-математическая терминология пяти тюркских языков (азербайджанский, казахский, татарский, турецкий, узбекский). Для анализа лингвистических особенностей терминологии в упомянутых языках были выделены четыре основных способа образования научной терминологии. В результатах даётся информация о том, насколько часто используется каждый из способов создания терминологии, рассматриваются общие и отличительные языковые черты научной терминологии в пяти тюркских языках.

Ключевые слова: тюркские языки, терминология, способы образования терминологии

Для цитирования: Минсафина А. И., Девели Х. *Лингвистические особенности научной терминологии в тюркских языках в сравнительном аспекте. Современные востоковедческие исследования. 2021; 3(2): 183-193.*

ÖZET

Terimler, belli bir konu alanında özel anlama sahip olan sözcüklerdir. Anlam bulanıklığını önleyen terimler, tek anlama sahip olup uzmanlık alanındaki konuların düzenlenmesinde, bilginin biçimlendirilmesinde ve ona ulaşılmasında yardımcı olan unsurlardır. XIX. yüzyıla kadar aynı kültürel çerçevede gelişen Türk dillerinin bilimsel terminolojileri de bu döneme kadar aynı gelişme evrelerinden geçmiştir. 1922 yılında Sovyetler Birliği'nin ve 1923 yılında Türkiye Cumhuriyeti'nin kurulmasıyla Türk dillerinin gelişimi farklı yollardan gitmiş ve terimbilimin gelişme süreçleri de farklılaşmaya başlamıştır. Bu çalışmada günümüzden XX. yüzyılın başlarına kadar olan süreçte Türk dillerinde terim yapma konusunda hangi yolların takip edildiği ana hatlarıyla değerlendirilecektir. Çalışmanın temel malzemesini beş Türk dilinin (Azerbaycan Türkçesi,

of five Turkic languages (Azerbaijani, Kazakh, Tatar, Turkish, Uzbek). In order to analyze the linguistic structures of terminology in the Turkic languages, four main ways of creating terminology were identified. The results provide the information on how often each of the ways of terms formation is used in every language and examines common and distinctive linguistic features of scientific terminology in five Turkic languages.

Keywords: Turkic languages, terminology, ways of creating terminology

For citation: Minsafina A. I., Develi H. *Linguistical structures of scientific terminology of the Turkic languages in a comparative aspect. Modern oriental studies. 2021; 3(2): 183-193.*

Kazakça, Tatarca, Türkiye Türkçesi, Özbekçe) dilbilim ve fizik-matematik terimleri oluşturmaktadır. Adı geçen beş Türk dilindeki terimlerin dil yapılarını incelemek amacıyla 4 temel terim yapma yolu belirlenmiştir. Çalışmanın sonuç kısmında, bu terim yapma yollarının hangi dilde ne kadar çok kullanıldığı, Türk dillerindeki terimlerin dil yapılarının ortak ve ortak olmayan özellikleri gösterilmiştir.

Anahtar kelimeler: Türk dilleri, terminoloji, terim yapma yolları

Atıf için: Minsafina A. I., Develi H. *Karşılaştırmalı olarak Türk dillerinde bilimsel terimlerin dil yapıları. Modern oriental studies. 2021; 3(2). 13-23*

GİRİŞ

Terimler, bir bilim alanındaki uzmanlar arasında etkin bir iletişim sağlamak için gereken leksik unsurlardır. *Dilbilim Sözlüğü*, terimi “*belli bir konu alanında özel bir anlamı olan sözcük*” olarak tanımlar ve terimlerin uzmanlar arasında “*anlam bulanıklığını*” önlediğini, “*kavramların saydamlaşmasını ve tekanlanlılığını*” sağlayarak “*uzmanlık alanındaki konuların düzenlenmesinde, bilginin biçimlendirilmesinde ve ona ulaşılmasında*” rol oynadığını dile getirir [İmer, Kocaman, Özsoy, 2011, S. 240].

Türk dilleri XIX. yüzyıla kadar aynı kültürel çerçevede geliştiği için bu çalışmada ele alınacak Türk dillerindeki (Azerbaycan Türkçesi, Kazakça, Tatarca, Türkiye Türkçesi, Özbekçe) bilimsel terminolojinin de XIX. yüzyıla kadar aynı gelişme evrelerinden geçtiğini söylemek mümkündür. X. yüzyıla kadar toplumsal hayat tarzları, dinî inançlar çerçevesinde farklı terminolojik söz varlıklarının geliştiği günümüze kadar gelebilen belgelerden anlaşılrsa da⁴ bu yüzyıldan itibaren Türk halkları arasında İslâmîliğin yayılmasıyla birlikte esasen Arapça temelli bilim terminolojisi yerleşmeye başlamış, bu ortak İslâmî bilim terminolojisi XIX. yüzyılın ortalarına kadar birçok bilim dalında varlığını sürdürmüştür.

1922 yılında Sovyetler Birliği'nin ve 1923 yılında Türkiye Cumhuriyeti'nin kurulmasıyla Türk dillerinin gelişimi farklı yollardan gitmiş ve terimbilimin gelişme süreçleri de farklılaşmaya başlamıştır. Yeni kurulan Türkiye Cumhuriyeti'nde terimbilim, 1932'den itibaren başlatılan Türk Dil Devrimi süreci çerçevesinde gelişmiştir. Bu dönem içinde Arapça ve Farsçanın Türkiye Türkçesi üzerindeki etkisi azaltılmış, Türkçe köklerden

Türkçe eklerle terim türetilmiş; kimi zaman da Latin – Grek menşeli terimler alınmıştır. Sovyetler Birliği'ndeki Türk dillerinde ise terim standartlaşma çalışmaları başlamıştır. Baskakov [1959]'a göre Azerbaycan Türkçesi, Kazakça, Tatarca ve Özbekçe gibi Türk dillerinde ana dil kullanımı orta öğretim ile sınırlı olduğu için bu dillerde tüm bilim alanlarında terminoloji geliştirilmesi zorunlu değildi. İhtiyaç duyulan sosyo-politik ve ilmi-teknik terminolojiye ek olarak söz konusu Cumhuriyetin ekonomisi veya kültüründe geniş bir şekilde temsil edilen özel alanlar için terminoloji geliştirilmesi yeterliydi, mesela Özbekistan'da pamuk ve ipekböceği yetiştiriciliği, Azerbaycan'da petrol, Kazakistan'da sığır yetiştiriciliği gibi. Arapça ve Farsça kökenli kelimelerin kavrama tekabül ettiği durumlarda bu kelimeler terim olarak bırakılsa da Türk dillerine Rus dilinden ve Rus dili aracılığıyla Batı dillerinden pek çok yeni terim girmiştir. Bu alıntı terimler Türk dillerinin kurallarına uyularak alınmış olsa da bu süreç içinde terimlerle birlikte bazı yapım ekleri de ödünçlenmiş; Türk yapım ekleri nadir kullanılmıştır.

Bu çalışmada yer alan beş Türk dilinden dördü (Azerbaycan Türkçesi, Kazakça, Tatarca ve Özbekçe) terminoloji geliştirme sürecinde Sovyet politikalarına paralel olarak Rusçadan etkilenmiş olduğundan, Rus dilindeki terim oluşturma yöntemlerinin gözden geçirilmesi önemlidir. Rus terimbilimci S. Grinev-Grineviç [2008] terim oluşturma yöntemlerini dört başlık altında toplamış olup bunlar, semantik, morfolojik, sentaktik ve morfo-sentaktik yöntemlerdir

Azerbaycanlı bilim adamı Gasimov [1973], terim oluşturma yöntemlerinin sözcük türetme

⁴Eski Türk inanç sistemi ve hayat tarzı ile Budist ve Manihaist Uygurların inanç ve hayat tarzları İslamlaşmadan önceki başlıca iki kültür havzasını oluştururlar. Dolayısıyla bilhassa dinî literatürde önemli farklılaşmalar görülür. Bk.: Arat, R. R. Uygurlarda İstilahlara Dair // Türkiyat, VII-VIII/1, 1942. S. 56-80.

prensiplerine benzediğini dile getirerek, Azerbaycan dilinde beş terim oluşturma yolunu göstermektedir: 1) semantik yol; 2) morfolojik yol; 3) sentaktik yol; 4) копья⁵ (yabancı dilden terimi birebir çevirme); 5) kısaltma. S. Sadıqova [2005] da Azerbaycan dilinde aynı terim oluşturma yöntemlerini vermektedir.

Tatarcada bilişim terimleri üzerine yapılan çalışmada 5 terim yapma yöntemi sıralanmıştır: 1) dilin mevcut söz varlığındaki sözcükleri terim olarak kullanma; 2) dilin iç kaynakları temelinde terimler oluşturma (kök+ek; kök+kök); 3) diğer Türk dillerinden terim alma; 4) Türkçe dışındaki dillerden terim alma; 5) çeviri (копья) yoluyla terim oluşturma [Сулейманов, Галимянов, 2013].

Kazakçada altı temel terim oluşturma yöntemi mevcuttur: 1) semantik (Kazakça sözcüklerin terim kavramını açıklamak için kullanılması); 2) morfolojik yöntem; 3) sentaktik yöntem; 4) kısaltma; 5) копья; 6) ödünçleme [Айтбайулы, 2014].

H. A. Dadaboyev [2016], Özbek dilinde terim yapma yolları olarak morfolojik (ekler yardımıyla), sentaktik ve semantik yolların kullanıldığını dile getirmektedir.

Türkiye Türkçesinde terim yapma yolları üç farklı kaynaktan açıklanmıştır. Terim üretilmesi üzerine yapılmış ilk teorik çalışmada Özdemir [1973, S. 23] terim yapma yollarını dört başlık altında toplamıştır: Türetme, birleştirme, birden çok sözcükle karşılama ve anlam aktarımı.

Zülfikar [1991], *Terim Sorunları ve Terim Yapma Yolları* adlı çalışmada 7 farklı terim yapma yolu tespit etmiştir: 1) Yapım ekleriyle kök ve gövdelerden terim türetme; 2) kelime birleştirme; 3) kelime türlerini değiştirme; 4) genel dilden kelime aktarma; 5) halk ağızlarından kelime aktarma; 6) tarihî Türkçe metinlerden kelime

aktarma; 7) yaşayan Türk lehçelerinden yararlanma. Zülfikar'a göre terim söz varlığının geliştirilmesi için standart dil söz varlığı dışında, halk ağzı, tarihî Türkçe metinler ve yaşayan Türk dillerinden de istifade edilmelidir [Zülfikar, 1991, S. 178-180].

Türkiye'de terimbilim üzerine yayımlanan en son çalışma da Karaman [2017]'dir. Bu çalışmada Türkiye'de terim yapma yolları şöyle sıralanmıştır: 1) Yeniden adlandırma; 2) takılama veya türetme (Türkçe köklerden ekleme yoluyla yeni terim türetilmesi); 3) birleştirme veya birleşik terim (en az iki sözcüğün bir araya getirilmesiyle terim oluşturma); 4) örnekseme (yeni terimi, var olan bir terimin morfolojik yapısına uygun şekilde oluşturma); 5) birebir çevirme (terimlerin başka dilden Türkçeye birebir çevrilmesi); 6) uluslararasılaştırma (bazı terimlerin, kaynak dildeki şekliyle Türkçeye aktarılması) [Karaman, 2017, S. 41-48].

Görüldüğü gibi, terim yapma yolları, küçük detaylar dışında, incelediğimiz Türk dillerinde aynıdır. Bu bağlamda açıklanması gereken iki terim yapma yöntemi копья ve kısaltmadır. Копья yöntemi, yabancı dilin leksik birimleri ile ifade edilen bilimsel kavramların ana dilde anlamca karşılığı olan leksik birimlerle ifade edilmesidir. Bu yöntem, anlam düzeyinde yeni bir terim oluşturma yöntemi olarak görülse de yeni kavramların karşılanması için dilin iç imkanları kullanıldığından dolayı yapı bakımından ya türetme ya da söz birleşmesidir. Kısaltma sırasında ise yeni bir kavramın karşılanması için yeni bir terim oluşmadığı için yapısal bakımdan kısaltmalar bu çalışma bağlamında yeni terim oluşturma yolu olarak sayılamaz.

İlk aşamada yapılan araştırma sırasında terimlerin yapı bakımından tek sözcükten (Örn.:

⁵Lars Johanson, diller arasındaki çeviri için 'копья' terimini kullanmıştır. Bk.: Johanson L. Türkçe dil ilişkilerinde yapısal etkenler, Çev. Nurettin Demir. 2014, Ankara. 200 s.

alfabe, harf, zaman, ek, boğaz vs.) veya birden fazla sözcükten (Örn.: *gelecek zaman, yapım eki, ses telleri*) oluştuğunu söyleyebiliriz. Tek sözcükten oluşan terimler, yalın sözcük (Örn.: *alfabe, zaman, boğaz*) ve türemiş sözcük (Örn.: *boğumlanma, çokanlamlılık*). Özellikle Türkiye Türkçesinde görülen *lehçebilim, atasözü, yantümce* gibi terimler birleşik sözcüklerdir. Bunların bitişik yazılması onları tek sözcük haline getirmez; bitişik veya ayrı yazılması, bir imlâ sorunudur. Bu tür yapılar birden fazla sözcüğün bir araya gelmesi ile oluşmakta ve sentaktik yolla yapılan terimler olarak değerlendirilmiştir. Yalın sözcük yapısındaki terimler çoğu durumda anlam değişmesine uğramış sözcükler olup bunlar semantik yolla yapılan terimlerdir. Yapı itibarıyla türemiş olan terimler değişik eklerin yardımıyla türetilmiş olup bunlar morfolojik yolla, yani türetme yoluyla yapılmış terimlerdir. Birden fazla sözcüğün bir araya gelmesiyle oluşan terimler ise sentaktik yolla, yani söz birleşmesi yoluyla yapılan terimlerdir.

Türk halkları, ortak terminoloji kaynağı olarak esasen Arapça ve Farsça söz varlığını kullanmışlardır. Bu iki dilden kadim zamanlarda dile giren ve Türk dilinin söz varlığına dâhil olan kelimeler terim yapımında kullanılmaya devam etmektedir. Bundan dolayı yalın sözcük yapısındaki terimler Arapça ve Farsça kökenli olduğu durumlarda bu terimler semantik yolla yapıldığını kabul edeceğiz (Örn.: *zaman, harf, alfabe*)⁶.

Türk dillerinde terimlerin büyük kısmı Batı dillerinden giren kelimelere dayanmaktadır. Bu çalışmada genel olarak Grek-Latin kökleri bazında oluşan ve yalın sözcük yapısında olan terimler

leksikal (ödünçleme) yolla yapılan terimler olarak ele alınmıştır.

Böylece bu çalışma çerçevesinde terimlerin dil yapıları dört terim yapma yoluna göre incelenmiştir:

Morfolojik yol (türetme yolu): Taban+ek yapısında olan, tabanın türetme eklerin eklenmesiyle oluşturulmuş terimler;

Sentaktik yol (söz birleşmesi yolu): Yapısında birden fazla sözcük barındıran, birleşik sözcük veya söz öbeği yapısında olan terimler;

Semantik yol (anlam değişmesi): Dilin genel söz varlığında bulunan sözcüklerin terim işlevinde kullanılması;

Leksikal yol (ödünçleme yolu): Grek-Latin kökler bazında oluşan terimler.

ARAŞTIRMA YÖNTEMİ

Bu çalışmanın temel malzemesini 5 Türk dilinin (Azerbaycan Türkçesi, Kazakça, Tatarca, Türkiye Türkçesi, Özbekçe) bilim terminolojisi oluşturmaktadır. Terminoloji tahlilini yapmak üzere sosyal bilimlerden (dilbilim) ve fen bilimlerden (fizik-matematik) yüz elliser kavram seçilerek Rusça terim listeleri hazırlanmıştır. Bu kavramların beş Türk dilinde de karşılıkları bulunmuştur. Türk dillerindeki karşılıkları seçilirken ilgili bilim alanında oturmuş, sürekli kullanılan ve anlaşılabilir terimlerin ele alınması önemliydi. Bundan dolayı terim kaynakları olarak ikidilli terim sözlükleri kullanılmıştır. İkidilli terim sözlüklerine ulaşamadığımız durumlarda ilgili bilim alanının tek dilli terminolojik sözlüklerden ve

⁶ Türkiye'de *Dil Devrimi* sürecinde tamamen farklı anlayışlar hâkim olmuş, dildeki bütün Arapça ve Farsça kökenli kelimeler 'yabancı' sayılarak 'tasfiye' edilmeye çalışılmıştır. Ciddi anlamda amacına ulaşan bu sürece rağmen Türkiye Türkçesinde hâlâ Arapça ve Farsça kökenli pek çok kelime ve bunlardan türemiş terimler vardır. Biz dilbilimsel yaklaşım gereği bu gibi kadim alıntıları Türk dillerinin kendi sözvarlığına dâhil olarak değerlendirdik. Bu çalışmada Türk dilleri için alıntı (yani yabancı) sayılan kelimeler esasen Grek ve Latin kökenli, Batı dillerinden alınma kelimelerdir.

ansiklopedik sözlüklerden istifade edilmiştir. Bazı durumlarda terimin yaygın kullanılan biçiminin yapı ve işlev özelliklerini ortaya koymak için eğitim materyallerine (orta okul, lise ve üniversite ders kitapları, okul sözlükleri) baş vurulmuştur. Belli bir terimin ders kitaplarında bulunması, terimin ilgili bilim alanının temelini kurduğu, çoktandır kullanıldığını ve oturmuş olduğunu göstermektedir.

Morfolojik, yani türetme yoluyla yapılan terimlerde tabana getirilen ekler tespit edilmiş, en yaygın kullanılan ekler ortaya konulmuştur. Söz birleşmesi yoluyla meydana gelen terimlerde, terimi oluşturan söz öbeği unsurlarının hangi sentaktik ilişkilere girdikleri incelenmiştir. Semantik yolla yapılan terimler Türkçe ve Arapça-Farsça kaynaklı olarak ayrılmıştır. Ödünçlenmiş terimlerde kaynak dil tespit edilmiştir.

Terim listeleri Rusça olarak hazırlandığı için bazı kavramların Türk dillerinde birkaç karşılığının bulunduğu görülmüştür. Bu durumlarda bütün karşılıklar incelenmiştir.

ARAŞTIRMA SONUÇLARI

Rusça olarak belirlediğimiz temel 300 bilimsel kavramı karşılamak için Azerbaycan Türkçesinde (Azb.) 322, Kazakçada (Kaz.) 328, Tatarcada (Tat.) 335, Türkiye Türkçesinde (Tür.) 395, Özbekçede (Özb.) 315 karşılık bulunmuştur. İncelediğimiz terimler arasında bazı kavramları karşılamak için birden fazla terimin kullanıldığı görülmüştür. Genel olarak bazı kavramların iki karşılığı mevcuttur. Bu durumun başlıca sebebi, yabancı kökenli terimin yanında Türkçe ya da Türkçeleştirilmiş karşılığının da bulunmasıdır. Örneğin,

Tat.: *икебуын – бином, колач – амплитуда, алфавит – алифба* veya

Tür.: *tekterimli – monom, yerçekimi – gravite, benzeşme – asimilasyon*. Azerbaycan Türkçesinde bazı kavramların birisi Arapça kökenli olup, öbürü de Grek-Latin kökenlidir: *gravitasiya – caziba, inersiya – atalət, minus – mənfi*. Türkçe terimlerde aynı kavramı karşılamak üzere birden fazla karşılığının bulunmasının başka sebebi de, farklı Türkçe köklerin kullanılması ya da aynı köke farklı eklerin gelmesidir. Örneğin,

Kaz.: *жүту – жұтылу, сығылу – қысылу, күшейткіш – нығайтқыш* ve

Özb.: *ютиш – ютилиш, парчалаш – парчаланиш*.

Üçüncü neden olarak da bir kavramın karşılanması için birden fazla Türkçe kökenli veya Türkçeleştirilmiş terimlerin kullanılması gösterilebilir. Örneğin,

Tat.: *калын сузык – арткы рәт сузыгы, туган тел – ана теле;*

Azb.: *incə sait – dilönü sait, çıxışlıq hal – bölüşdürücü hal;*

Kaz.: *сөз тудырушы аффикс – сөзжасам аффикстері;*

Özb.: *орқа қатор – қаттиқ қатор*.

Bu durum özellikle Türkiye Türkçesinde yaygındır: *belirsiz geçmiş zaman – öğrenilen geçmiş zaman, duyulan geçmiş zaman, hece düşmesi – hece yutumu, sedalı ünsüz – ötümlü ünsüz – yumuşak ünsüz – tonlu ünsüz, kalın ünlü – art ünlü, ince ünlü – ön ünlü*.

Çalışmamızın temel sorunsalına cevap bulabilmek için terimlerin dil yapılarının incelenmesi önemliydi. Bu amaçla derlenen terimlerin dil yapıları incelenmiş, tespit edilen yapılar ve bunların oranları aşağıdaki tabloda gösterilmiştir:

	Azb.	Kaz.	Tat.	Tür.	Özb.
semantik	%20,2	%8,5	%10,2	%10,9	%13
ödüncleme	%17,4	%22,5	%21,8	%27,6	%20,6
morfolojik	%25,1	%29	%29,5	%13,4	%30,5
sentaktik	%37,3	%40	%38,5	%48,1	%35,9

Таблица 1. Способы создания терминов и коэффициенты использования (%)

Table 1. Ways to make terms and usage rates (%)

Tablo 1. Terim yapma yolları ve kullanım oranları (%)

Tablodan da görüldüğü gibi sıraladığımız dört terim yapma yolundan en nadir kullanılan yöntem semantik yöntemdir. Semantik yöntemde genel dil söz varlığında kullanılan sözcük yan veya mecaz anlam kazanarak terim kavramını karşılamaya başlamıştır. Örneğin, Azb. *dalğa* – Kaz. *толқын* – Tat. *дулкын* – Tür. *dalğa* – Özb. *тўлқин*.

Morfolojik yöntemle yapılan terimlerin sayısı her beş dilde de neredeyse aynıdır (~%25). Türemiş kökler çoğu zaman çatı eklerini almış fiil tabanlarıdır. Türetme sırasında kullanılan ekler aşağıdaki tabloda özetlenmiştir:

	Azb.	Kaz.	Tat.	Tür.	Özb.
+IXk	+lıq/+lik/ +luq/+lük	+дық/+дік/ +тық/+тік/ +лық/+лік	+лык /+лек	+lık/+lik/ +luk/+lük	+лик
+CX	+çl/+çl/ +çu/+çü	+шы/+ші	+чы/+че	+çl/+çl/ +çu/+çü/ +çl/ +çl/ +cu/+cü	+чи
+Lx	+lı/+li/ +lu/+lü	+ды/+ді/ +ты/+ті/ +лы/+лі	+лы/+ле	+lı/+li/ +lu/+lü	+ли
+sXz	+sız/+sız/ +suz/+süz	+сыз/+сіз	+сыз/+сез	+sız/+sız/ +suz/+süz	+сиз

	Azb.	Kaz.	Tat.	Tür.	Özb.
+mA	+ma/+mә	-ma/-me/ -ba/-be/ -pa/-pe	-ma/-mә	-ma/-me	+ma
-(X)m	-(i)m/-(i)m/ -(u)m/-(ü)m	-ым/-ім	-ым/-ем	-(i)m/-(i)m/ (u)m/-(ü)m	-(и)M/ -(y)M
-(X)ş	-(y)ış/-(y)iş -(y)uş/-(y)üş	-ыш/-еш	-ыш/-еш	-(y)ış/-(y)iş/ -(y)uş/-(y)üş	-(и)ш

Таблица 2. Обычные суффиксы, используемые при создании терминов

Table 2. Common attachments used during term creation

Tablo 2. Terim oluşturma sırasında kullanılan ortak ekler

Leksikal yöntemle yapılan terimlerin sayısı Kazakça, Tatarca ve Özbekçede yaklaşık aynıdır. Azerbaycan Türkçesinde rakam biraz daha da küçüktür. Türkiye Türkçesinde ise diğer Türk dillerine göre bu rakam en düşük orandadır. Bunu, XX. yüzyılda dilde Türkçeleştirme faaliyetlerinin yoğunluğu ile açıklamak mümkündür. Diğer Türk dillerinde yabancı kökenli terimler kullanılmaya devam ederken Türkiye Türkçesinde bu kavramlar

Türkçe kökenli sözcüklerle değiştirilmiştir (*katsayı, çizgi, düzlem, ek, özne, yüklem*).

Uzun zamandır Rusça etkisi altında kalan Azerbaycan Türkçesi, Kazakça, Tatarca ve Özbekçe bu dilden çok sözcük almıştır. Bu terimler, Latince ve Eski Yunanca köklere dayanmaktadır. Türkiye Türkçesinde de aynı kökler kullanıldığı için bu terimler bakımından beş dilde de ortaklık sağlanmaktadır:

Azb.	Kaz.	Tat.	Tür.	Özb.
<i>aksiom</i>	<i>аксиома</i>	<i>аксиома</i>	<i>aksiyom</i>	<i>аксиома</i>
<i>absis</i>	<i>абсцисса</i>	<i>абсцисса</i>	<i>apsis</i>	<i>абсцисса</i>
<i>elektroliz</i>	<i>электролиз</i>	<i>электролиз</i>	<i>elektroliz</i>	<i>электролиз</i>
<i>faktorial</i>	<i>факториал</i>	<i>факториал</i>	<i>faktöriyel</i>	<i>факториал</i>
<i>akustika</i>	<i>акустика</i>	<i>акустика</i>	<i>akustik</i>	<i>акустика</i>
<i>morfem</i>	<i>морфема</i>	<i>морфем</i>	<i>morfem</i>	<i>морфема</i>
<i>etimologiya</i>	<i>этимология</i>	<i>этимология</i>	<i>etimoloji</i>	<i>этимология</i>
<i>argo</i>	<i>арго</i>	<i>арго</i>	<i>argo</i>	<i>арго</i>

Таблица 3. Общие термины, образованные с греко-латинскими корнями

Table 3. Common terms formed with Greek-Latin roots

Tablo 3: Grek-Latin kökleri yardımıyla oluşan ortak terimler

Sentaktik yolla yapılan terimler çoğu durumda iki sözcüğün birleşmesiyle türetilmiştir. Herhangi bir biçimbirimsel gösterge bulunmadığında iyeliksiz tamlama⁷ (Tür.: *açıortay, gamma-bozunma, ışıl akım, kökenbilim*) ve sıfat tamlaması (Tür.: *elektrik akım, diferensiyel denklem, şimdiki zaman*) yapıları söz konusudur. Kazakça ve Tatarcada az sayıda olsa da isim-fiil grubunun örnekleri mevcuttur (Tat.: *парга әйләнү, жылылык күчү, сүз ясау*; Kaz.: *сәулә шығару, жылу беру*). Söz birleşmesi sonucunda ekler kullanıldığında belirtisiz isim tamlaması yapıları söz konusudur.

SONUÇLAR

Türk dillerinde terimlerin dil yapıları ile ilgili aşağıdaki sonuçlara varılmıştır:

Her beş dilde de semantik yolla yapılan terimlerin sayısı düşüktür. Bu terimler ya öz Türkçe köklere ya da Arapça-Farsça köklere dayanmaktadır. Türk dilli topluluklarda Arapçanın X. yüzyılında din ve bilim dili olarak, Farsçanın ise edebiyat dili olarak kullanılması Türk dillerine çok sayıda sözcük kazandırmıştır. Bu sözcükler genelde bilim alanlarında temel kavramları karşılamaktadır (Tür.: *harf, alfabe, zaman, nokta, madde*; Azb.: *hərif, əlifba, zaman, maddə, nöqtə*; Kaz.: *ərip, əlinbi, нүкте, зат*; Tat.: *хәреф, әлифба, заман, нокта, матдә*; Özb.: *харф, алифбо, замон, нуқта, модда*). Azərbaycan Türkçesinde semantik yolla yapılan terim sayısı diğer Türk dillerine göre biraz daha yüksektir. Bu, Azərbaycan Türkçesinde Arapça ve Farsça kökenli sözcüklerin daha fazla olmasından kaynaklanmaktadır (*sait, samit, ünsiyyət, hal, mübtəda, cəm, müqavimət, cərəyan, rəqəm*).

En çok başvurulan terim yapma yöntemi söz birleşmesidir. Her beş Türk dilinde de belirtisiz isim tamlaması ve sıfat tamlaması en yaygın yapılarıdır.

Morfolojik yolla yapılan terimler her Türk dilinde taban+ek yapılarındadır. Taban olarak, yalın kök, türemiş kök, birleşik sözcükler kullanılmıştır. Her Türk dilinde de sıkça başvurulan ekler *+IXK* isimden isim yapma eki ve *-(X)ş, -(X)m, -MA* fiilden isim yapma ekleridir. Türkiye Türkçesi ve Azerbaycan Türkçesinden farklı olarak Kazakça, Tatarca ve Özbekçede *-Uw* fiilden isim yapma eki yaygın kullanılmaktadır (Kaz.: *жұмсару, тарылу, бөлу, өшу, балқу, кеңею*; Tat.: *нечкәрү, тараю, бұлү, сүнү, эрү, киңәю*; Özb.: *ундов*). Özbekçede bu ek nadir kullanılır. Genelde Kazakça ve Tatarcada *-Uw* eki ile olan terimler Özbekçede aynı kök ve *-(i)ş* eki ile karşılanır (*юмшаш, тораиш, бўлиш, сўниш, эриш, кенгайиш*).

Ödünçleme terimler Latince ve Grekçe köklere dayanmaktadır. Bu terimler Azerbaycan Türkçesi, Kazakça, Tatarca ve Özbekçeye Rusça aracılığıyla geçip Rusça yapıları sahiptir. **-ия** ile biten terimler Türkiye Türkçesinde Latince asıllı terimlerde aynı kök ve **-s(z)yon** eki ile (*диффузия – difüzyon, ассимиляция – asimilasyon*), Yunanca asıllı terimlerde aynı kök ve **-i** eki ile (*энергия – enerji, фонология – fonoloji*) karşılanmaktadır. Rusça aracılığıyla alınan terimlerde sonu dişilik eki **-a** Türkiye Türkçesinde doğal olarak düşmektedir (*теорема – teorem, акустика – akustik, формула – formül*).

Türkiye Türkçesinde, diğer Türk dillerine göre dilbilim alanında bir kavramın karşılanması için birden fazla karşılığın buluma durumu daha

⁷ Tamlanan unsurun iyelik eki almadığı tamlamalara ve bazı sıfat tamlamalarına Türkiye Türkçesi dilbilgisi kitaplarında 'takısız tamlama' ifadesi kullanılmaktadır. Cumhuriyet döneminde bazı bilim dallarında iyelik eksiz olarak oluşturulmuş terimler mevcuttur. Dilbilim, katsayı, izdüşüm gibi yapılar Türkçenin isim tamlaması sentaksına aykırı olsalar da dile yerleşip yaygın kullanılmaktadır. Türkiye Türkçesinde ve bazı Türk dillerinde görülen bu yapıları iyeliksiz tamlama olarak ele alınmıştır.

fazladır. Bu durum akademik kurumların veya bilim insanların farklı tercihleri ve bilim anlayışların zamanla değişmesi ile açıklanabilmektedir. Bu durum Türk dillerindeki terim ortalığını olumsuz etkilemektedir. Aynı şekilde Kazakçada da görülen *lehçeye özgülük* Türk dilleri için ayırıcı tesir yaratmaktadır (Türk dillerinde kullanılan fiil yerine Tür. *eylem*, Kaz. *emicmik* gibi).

Литература

1. Айтбайулы У. А. Основы казахской терминологии. Алматы, 2014. 384 с.
2. Баскаков Н. А. Современное состояние терминологии в языках народов СССР. Москва, 1959. 27 с.
3. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. Москва, 2008. 304 с.
4. Дадабоев Ҳ. А. Замонавий ўзбек лексикографиси ва терминологияси модули бўйинча ўқув-услугий мажмуа. Тошкент, 2016. 106 с.
5. Сулейманов Д. Ш., Галимянов А. Ф. Система татарских терминов в компьютерных технологиях и информатике // Обработка тюркских языков. Первая международная конференция: Труды. Астана, 2013. С. 137-144.
6. Arat, R. R. Uygurlarda Istilahlara Dair // Türkiyat, VII-VIII/1, 1942. S. 56-80.
7. Gasimov M. Ş. Azərbaycan dili terminologiyasının esasları. Bakı, 1973. 127 s.
8. İmer K., Kocaman A., Özsoy A. S. Dilbilim sözlüğü. İstanbul, 2011. 352 s.
9. Johanson L. Türkçe dil ilişkilerinde yapısal etkenler, Çev. Nurettin Demir. 2014, Ankara. 200 s.
10. Karaman B. İ. Terimbilimi. İstanbul, 2017. 192 s.

11. Özdemir E. Terim hazırlama kılavuzu. Ankara, 1973. 102 s.
12. Sadıqova S. A. Azərbaycan dilinde terminologiyanın teşekkülü ve inkişafı. Bakı, 2005. 348 s.
13. Zülfikar H. Terim sorunları ve terim yapma yolları. Ankara, 1991. 213 s.
14. Levend A. S. Türk Dilinde Gelişme ve Sadeleşme Evreleri, 3. Baskı. Ankara, 1972. 518 s.

References

1. Ajtbajuly U. A. Osnovy kazahskoj terminologii. Almaty, 2014. 384 s.
2. Baskakov N. A. Sovremennoe sostoyanie terminologii v yazykah narodov SSSR. Moskva, 1959. 27 s.
3. Grinev-Grinevich S. V. Terminovedenie ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij. Moskva, 2008. 304 s.
4. Dadaboev Ҳ. A. Zamonavij ўzbek leksikografisi va terminologiyasi moduli бўйинча ўқув-услугий мажмуа. Toshkent, 2016. 106 s.
5. Sulejmanov D. SH., Galimyanov A. F. Sistema tatarskih terminov v komp'yuternyh tekhnologiyah i informatike // Obrabotka tyurkskih yazykov. Pervaya mezhdunarodnaya konferenciya: Trudy. Astana, 2013. S. 137-144.
6. Arat, R. R. Uygurlarda Istilahlara Dair // Türkiyat, VII-VIII/1, 1942. S. 56-80.
7. Gasimov M. Ş. Azərbaycan dili terminologiyasının esasları. Bakı, 1973. 127 s.
8. İmer K., Kocaman A., Özsoy A. S. Dilbilim sözlüğü. İstanbul, 2011. 352 s.
9. Johanson L. Türkçe dil ilişkilerinde yapısal etkenler, Çev. Nurettin Demir. 2014, Ankara. 200 s.

10. Karaman B. İ. Terimbilimi. İstanbul, 2017. 192 s.
11. Özdemir E. Terim hazırlama kılavuzu. Ankara, 1973. 102 s.
12. Sadıqova S. A. Azərbaycan dilinde terminologiyanın teşekkülü və inkişafı. Bakı, 2005. 348 s.
13. Zülfikar H. Terim sorunları ve terim yapma yolları. Ankara, 1991. 213 s.
14. Levend A. S. Türk Dilinde Gelişme ve Sadeleşme Evreleri, 3. Baskı. Ankara, 1972. 518 s.

Информация об авторе

Минсафина Алина Ильдаровна, PhD

Кафедра современных тюркских языков

Стамбульский университет

34134, Стамбул, Балабанага, ул. Орду, д.6

Турция

minsafina@yandex.com

Хаяти Девели, профессор

Кафедра лингвистики

Стамбульский университет

34134, Стамбул, Балабанага, ул. Орду, д.6

Турция

develi@istanbul.edu.tr

Information about the Authors

Assistant Professor, PhD **Alina Minsafina**

Department of Modern Turkic Languages

Istanbul University

34134, Istanbul, Balabanaga, Ordu str., 6

Turkey

minsafina@yandex.com

Professor, PhD **Hayati Develi**

Department of Linguistics

Istanbul University

34134, Istanbul, Balabanaga, Ordu str., 6

Turkey

develi@istanbul.edu.tr

Статья одобрена рецензентами: 30.04.2021

Статья принята к публикации: 11.05.2021

Reviewed: 30.04.2021

Accepted: 11.05.2021

Gongsun Long-tzu and features of his dialectics

Гунсунь Лун-цзы и особенности его диалектики

Дашкин Геннадий Игоревич¹, Грошева Анна Павловна².

Хунаньский педагогический университет

dashkin.gennadii@rambler.ru

DOI: 10.24412/2686-9675-2-2021-194-199

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается фигура Гунсунь Лун-цзы, как одного из самых ярких представителей китайской школы номиналистов. Несмотря на небольшое количество информации о жизни философа и всего нескольких дошедших до нас глав из его творчества, Гунсунь Лун-цзы по праву должен считаться одним из самых важных материалистов и логиков в китайской философии. Родившись в эпоху Борющихся царств, Гунсунь Лун-цзы в своих дискуссиях опирался не на космические образы и символы, а делал упор на стандартные объекты, которые будут понятны каждому человеку. Именно поэтому, на основании тех немногих глав, что имеются в распоряжении, в статье и будут рассматриваться особенности и техники, с помощью которых Гунсунь Лун-цзы вел свои споры и приводил доводы сообразно логики и фактических данных. Кроме того, будет представлена попытка выяснить, был ли Гунсунь Лун-цзы подвержен эффекту Даннинга-Крюгера, что не позволяло ему согласиться с оппонентом или же он и вправду опирался на принципы «железной» логики, а потому и не мог отступить от своих принципов.

Ключевые слова: Древний Китай, культура Китая, философия, Гунсунь Лун-цзы, материализм, логика.

Для цитирования: Дашкин Г.И., Грошева А.П. Гунсунь Лун-цзы и особенности его диалектики. Современные востоковедческие исследования. 2021; 3(2): 194-199.

ABSTRACT

The article examines the figure of Gongsun Long-tzu, as one of the most prominent representatives of the Chinese school of nominalists. Despite the small amount of information about the life of the philosopher and only a few chapters from his work that have come down to us, Gongsun Long-tzu should rightfully be considered as one of the most important materialists and logicians in Chinese philosophy. Born in the era of the Warring States, Gongsun Long-tzu in his discussions did not rely on cosmic images and symbols, but emphasized standard objects that would be understandable to every person. That is why, based on the few chapters that are available, the article will consider the features and techniques with which Gongsun Long-tzu led his disputes and argued in accordance with logic and factual data. In addition, an attempt will be presented to find out whether Gongsun Long-tzu was subject to the Dunning-Kruger effect, which did not allow him to agree with his opponent, or whether he really relied on the principles of "iron" logic, and therefore could not deviate from his principles.

Keywords: Ancient China, Chinese culture, philosophy, Gongsun Long-tzu, materialism, logic.

For citation: Dashkin G.I., Grosheva A.P. *Gongsun Long-tzu and features of his dialectics*. Modern Oriental Studies. 2021; 3(2): 194-199.

Среди плеяды китайских философов известно достаточное количество неординарных мыслителей и их своеобразных идей. Лао-цзы, Конфуций, Мэн-цзы и многие другие внесли колоссальный вклад в развитие не только китайской, но и мировой философии благодаря совершенно новому подходу к вещам и явлениям.

Одним из самых недооценённых и своеобразных философов в истории древнего Китая можно назвать фигуру Гунсунь Луна. Этот человек неординарного ума, внес существенный вклад в развитие диалектики даже несмотря на то, что да нас дошло не так много его трудов.

О биографии Гунсунь Луна известно достаточно, но все же не так много. Он родился на территории царства Чжао, которое являлось одним из претендентов на роль единственного правителя древнего Китая, и жил приблизительно с 320 г. до н.э. по 250 г. до н.э. (IV – III гг. до н.э.). Более детальной информации о его жизни и том, чем он занимался помимо философских размышлений практически нет. Известно лишь, что он жил в области Пиньюань, «убеждал яньского Чжао-вана прекратить войну, а также просил покончить с войной чжаоского Хуэй-вана» [1, с.59].

Что касается Гунсунь Луна, как философа и личности, то исходя из немногих дошедших до нас источников, можно сделать вывод, что он был ближе к греческим апоретикам по своим убеждениям и методам ведения диалогов. Являясь представителем, так называемой школы имен (мин цзя), которая известна попыткой введения логики в китайскую философскую мысль, Гунсунь Лу являлся одним из самых ярких и самобытных философов именно за счет своей манеры ведения дискуссии. Он был тем,

кого в Китае называли бяньчжэ или спорщиком. Попробуем же, на основе дошедших до нас сочинений Гунсунь Луна понять, что выделяло его философские убеждения на фоне других философов Древнего Китая.

Безусловно, самыми известными и практически единственными сочинениями Гунсунь Луна можно считать главы «О белой лошади», «О проникновении в изменения» и «О твердом и белом». При первом их прочтении, может показаться, что даже несмотря на их небольшой объем, эти главы могут заставить задуматься любого любителя и знатока диалектики. Ведь не зря самое известное утверждение Гунсунь Луна гласит, что «白马非马», что можно трактовать, как «белая лошадь не лошадь». Именно с этого и хотелось бы начать анализ диалектики китайского философа.

Вспоминая даосские притчи и фантастические истории, проникнутые мифологическими образами и символизмами, как в Чжуан-цзы или Дао дэ цзин или конфуцианские беседы, где больший упор делается на реализм, у Гунсунь Луна ключевыми образами являются животные и самые обычные предметы, как например камни.

Это может являться достаточно своеобразным, но при этом в полной мере обоснованным явлением. Такие животные, как лошади и быки, является вполне осязаемыми и стандартными для обычных людей. Это позволяет понимать суть философской беседы намного проще, ведь если говорить и дискутировать о том, что является ли белая лошадь просто лошадью намного яснее для человека, чем спор о цвете материи или о том, что путь это не тот путь, который является общепринятым путем.

Возможно, для Гуньсунь Луна ведение диалектической беседы через общеизвестные предметы или догмы, являлось стратегическим приемом для понимания собеседником его ключевых посылов и идей. Но очевидным остается тот факт, что даже в 21 веке восприятие близких нам образов, будь то животные или другие материальные объекты, становится более осознанным и строится через реалистичное подосознание, а не через фантомно-мифологические образы даосов и буддистов.

Помимо реалистичных образов, в диалектике Гунсунь Лун-цзы присутствует и одно из самых важных умений при ведении любой дискуссии – логика. Образ логики в китайской философии – вещь довольно необычная. Это происходит именно за счет того, что любая философская школа древнего Китая в той или иной степени пользуется логическими суждениями и доводами, хоть и в разной манере. Мысли Гунсунь-Луна, как и многих других представителей китайской школы номиналистов в чем-то пересекаются с идеями поздних моистов, которые усердно занимались укреплением логического подхода и разработкой логики, как таковой.

Гунсунь-Лун, как видный апоретик, в своих немногих сочинениях опирался на логический подход и, пожалуй, одним из самых ярких примеров этому являются его слова во главе «О белой лошади»: «Когда просят лошадь, то можно дать как буланую, так и вороную лошадь. Когда же просят белую лошадь, дать буланую и вороную лошадей нельзя» [2, с.60].

Данное утверждение полностью логично в своей идее и не может трактоваться, как нечто символичное или космическое. По логике Гунсунь-Луна, если мы желаем чего-то общего

или цельного, мы думаем о целой составляющей, не уделяя внимания остальным деталям. В то время, как если мы жаждем конкретного объекта с той или иной формой, цветом или размером, то образ в нашей голове не будет допускать мысли, что вместо белого сойдет и темное, а вместо большого нас устроит и малое. Поэтому логика Гунсунь Луна и является достаточно важным и сильным орудием в его словесных баталиях с окружающими.

Еще одним очень важным умением, которое встречается у Гунсунь Луна, можно считать его умение производить разделение объекта и субъекта дискуссии на подтипы. Приведем пример из главы под названием «О проникновении в изменения»: « Называем ноги петуха: единица; считаем ноги: две; два прибавляем к единице, получаем три ». [3, с.61]

Подобное утверждение выделяет в рассуждениях Гунсунь Луна не только номинативную функцию, присущую школе мин цзя, но и рациональную, что проявляется как раз в разнице итогового результата утверждения. Таким образом, мы, следуя логике Гунсунь Луна, можем не только утверждать, что назвать ноги и посчитать ноги — это принципиально разные понятия, где итог будет различаться. Мы также можем объединить итог номинативного и количественного фактора и получить принципиально новый ответ. Несмотря на сомнительность логики китайского философа в некоторых аспектах и неприятии подобной идеи в 21 веке, можно отметить, что она абсолютно не лишена смысла. Если мы попробуем привести самый обычный пример, опираясь на «О проникновении в изменения», то можно сказать, что говоря о человеке, мы называем ноги

человека: «единица», как общее представление названия, без количественных дополнений; считаем ноги человека — «две», как раз в этом аспекте мы опираемся на количественную, а не общую составляющую, что и позволяет нам вычленивать, что ноги все-таки две, а не больше или меньше.

Больше вопросов может вызвать то, что после подобных подсчетов, мы должны, по мнению Гунсунь Луна, объединить две категории в одну путем сложения и финальный результат будет относиться к тому, что можно называть «сумасбродное нащупывание сущности» [4, с.59]. Получается, что $1+2=3$. Но следует ли из этого утверждения, что у человека три ноги? Скорее всего - нет, потому что два понятия, из которых мы дали подобный результат, а именно номинативное и количественное, по своей сути будут разными проявлениями одной идеи, но каждая из которых важна для глубинного понимания основной сути проблемы.

Развивая любимую тему Гунсунь Луна о номинативном и количественном, все в той же главе «О проникновении в изменения» у Гунсунь Луна неоднократно спрашивают: содержат ли два единицы? На что получают весьма необычный ответ с последующим разъяснением: « Два не содержат единицы, правого или левого. Баран в сочетании с волком не будут лошадью; вол в сочетании с бараном не будут петухом» [5, с.51]. Исходя из этого, можно попытаться сделать небольшой вывод, что, когда мы называем «два», то мы не можем говорить, что в нем есть правое или левое, потому что это будет иметь такой же смысл, как если бы мы пытались сочетать в одном понятии баран с волком и получить лошадь. Каждая из составляющих может иметь свой смысл и значение, то есть

правое может быть не до конца правым по своей сути, так же как единица в составе «два» не может быть абсолютной номинативной или количественной единицей.

Говоря обо всем вышеперечисленном, следует попытаться понять — можно ли считать Гунсунь Лун-цзы великим философом своего времени в области именно материализма, идеализма и логики? Или он был тем, кого в Китае называют термином бьяньчжэ или спорщиком?

Если строить точку зрения касательно Гунсунь Луна, как исключительного диалектика своего времени, тезисы которого просто были сложны для восприятия, то скорее всего лучше начинать со сравнения его с некоторыми древнегреческими философами. Самым очевидным вариантом будет фигура Зенона Элейского, который был известным апориком, который неоднократно пытался доказать противоречия таких концепций, как: множества, пространства и движения. Это очень роднит фигуру древнего грека и Гунсунь Луном, особенно, что касается понятия множества. Еще одним несомненным сходством, можно считать небольшое количество апорий Зенона, которые дошли до нас. В случае сравнения Гунсунь Луна и Зенона, нас интересуют конкретно такие апории древнего грека, как: «Дихотомия» и «Стрела».

Начиная знакомиться с апорией «Дихотомия», попробуем опустить физический и математический смысл. В бытовом понимании, Зенон скорее всего хотел сказать, что чем больше мы думаем и пытаемся разобрать большое дело на все меньшие и меньшие, то можно никогда не дойти до основного решения вопроса. Появляются новые страхи, новые вопросы

и сложности — это и ведет к тому, что основная проблема может стать непосильной.

Эта идея очень перекликается с позицией Гунсунь Луна в главах «О белой лошади» и «О проникновении в изменения». В них вопрошающий к философу пытается не думать о проблеме, как цельном объекте, а пытается разложить каждое целое сначала на два частных, а затем и еще на другие составляющие. Таким образом, даже по тексту можно отметить, что каждый следующий вопрос и последующий ответ, лишь больше запутывает того, кто задается вопросами. Например, в главе «О белой лошади» вместо длинной диалектики о более серьезных деталях касательно тезиса «Может ли белая лошадь не быть лошадью?», можно просто упростить апорию до более простого понимания, которое будет целым, а именно, что белая лошадь не лошадь. Глубинное понимание не должно быть столь важным, а следовательно, и мелкие детали не должны иметь столь существенного значения и влияния для вопрошающего.

Однако, при всем при том, следует отметить, что в каждой из глав творчества Гунсунь Луна может возникнуть ощущение, что сам спор происходит лишь ради спора, а не для достижения истины или глубинной сути проблемы. В психологии есть термин — «Эффект Даннинга-Крюгера». По своей сути, данный эффект заключается в когнитивной искажения, когда человек сталкивается со сложной проблемой или явлением, но ему не хватает знаний или навыков, чтобы в полной мере решить их. При этом, субъект пытается всеми силами уверить других в том, что его утверждения и тезисы верны и неизменны. То есть, если выражаться простым языком, то это мнимая самоуверен-

ность в собственном превосходстве.

В случае с Гунсунь Луном, который относится к непримиримым диалектикам, можно заметить, что он ни разу не признал своей неправоты или упущения. Не было согласия с позицией оппонента даже в самом незначительном аспекте дискуссии. Однако, убеждения и тезисы древнекитайского философа можно считать достаточно разумными, особенно в главах «О белой лошади» и «О проникновении в изменения». Единственное, что вызывает вопросы — это манеры ведения дискуссии Гунсунь Луном. Его позиции и идеи не приемлют второго мнения или даже малейшей гипотезы. На каждый из вопросов у него имеется ответ. И даже когда теоретически можно согласиться с вопрошающим, древнекитайский философ предпочитает лишний раз доказать свою правоту, причем порой углубляясь слишком далеко в своих высказываниях. Но это не дает повода считать его обладателем низкого интеллекта. Скорее он просто был очень самоуверенным и более подкованным в вопросах логики и диалектики, что позволяло ему уверенно доказывать и отстаивать собственную теорию.

Подводя итог, следует отметить, что Гунсунь Лун-цзы, как древнекитайский философ, был одним из самых необычных и своеобразных мыслителей своего времени. Опираясь на материализм и логику, он добивался успеха в каждой из своих немногих апорий. Несмотря на то, что о биографии и основных теориях известно не так много, можно с уверенностью заявить, что фигура Гунсунь Луна была достаточно самобытной и выделялась на фоне других философов и их трактатах в культуре древнего Китая. Единственным существенным недостатком философа следует назвать его излишнюю

самоуверенность и неспособность идти на компромиссы в своих спорах. Именно поэтому его и можно называть термином бьяньчжэ. Однако наличие острого ума и великолепных аргументов позволяет считаться с фигурой Гунсунь Лун-цзы и его апориями, как с равными по значимости с творчеством древнего грека Зенона, а возможно и как самобытными, как по содержанию, так и по своей глубинной сути.

Литература

1. Гунсунь Лун-цзы. Главы 2,3,4. // Древнекитайская философия. Т.2. 1973. С. 59-65.

References

1. Gunsun' Lun-czy. Glavy 2,3,4. // Drevnekitajskaja filosofiya. T.2. 1973. S. 59-65.

Информация об авторах

Докторант 2 курса обучения, **Геннадий Дашкин**

Институт иностранных языков

Хунаньский педагогический университет

dashkin.gennadii@rambler.ru

Магистрант 2 курса, **Анна Грошева**

Институт иностранных языков

Хунаньский педагогический университет

Jagerjacki@rambler.ru

Information about the Authors

2nd year doctoral student, **G. I. Dashkin**

University of the Foreign languages

Hunan Normal University

dashkin.gennadii@rambler.ru

2nd year Master's student, **Anna P. Grosheva**

University of the Foreign languages

Hunan Normal University

Jagerjacki@rambler.ru

Статья одобрена рецензентами: 30.04.2021

Статья принята к публикации: 11.05.2021

Reviewed: 30.04.2021

Accepted: 11.05.2021

The influence of philosophical and religious teachings on the Chinese culture of Song dynasty (960-1279)

Влияние философско-религиозных учений на культуру Китая эпохи Сун (960–1279 гг.)

Лактионова Екатерина Александровна,

Мартынова Юлия Александровна

Казанский (Приволжский) Федеральный Университет

livnerog@rambler.ru

DOI: 10.24412/2686-9675-2-2021-200-205

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию характера и степени влияния философско-религиозных учений на формирование и развитие культуры Китая эпохи Сун. В исследовании был изучен исторический процесс эпохи Сун во всем его многообразии, определена причинность возникновения и изменения философской и культурной сферы китайской цивилизации изучаемого периода, определены аспекты исторического процесса, которые в наибольшей степени повлияли на каждое из философско-религиозных учений, на формирование религиозного синкретизма, а также на их взаимосвязь с китайской культурой.

Ключевые слова: эпоха Сун, философия, культура, литература, живопись.

Для цитирования: Лактионова Е.А., Мартынова Ю.А. Влияние философско-религиозных учений на культуру Китая эпохи Сун (960–1279 гг.). *Современные востоковедческие исследования*. 2021; 3(2): 200-205.

ABSTRACT

The article discusses influence of philosophical and religious teachings on the formation and development of the culture of China in the period of Song dynasty. The research helps to understand historical process of the Song dynasty in all its diversity, the causality of the emergence and changes in the philosophical and cultural parts (mostly poetry and painting) of the Chinese civilization during the studied period, to identify aspects of the historical process that most influenced both philosophical and religious teachings, formation of religious syncretism and its relationship with Chinese culture.

Key words: Song dynasty, philosophy, culture, literature, painting.

For citation: Laktionova E.A., Martynova Y.A. *The influence of philosophical and religious teachings on the Chinese culture of Song dynasty (960-1279)*. *Modern oriental studies*. 2021; 3(2): 200-205.

ВВЕДЕНИЕ

Историю любой страны нельзя рассматривать, учитывая лишь политическую или экономическую составляющие всего исторического процесса, так как еще одной неотъемлемой его частью является культура, которая по мере своего формирования оказывает все большее влияние на массовое мировоззрение, а вследствие этого, и на принятие тех или иных решений в других сферах общественной и государственной жизни. Что же касается истории Восточной Азии в целом и истории Китая в частности, многие исторические процессы данного региона, протекавшие здесь прежде, либо существующие на современном этапе, невозможно исследовать без подробного изучения классической китайской культуры, а также характера и степени влияния философско-религиозных концепций на культурное развитие этой великой страны и всего азиатского региона.

Эпохи Тан (618–907 гг.) и Сун (960–1279 гг.) неслучайно традиционно считаются периодом расцвета культуры Китая и временем формирования китайской культурной традиции. Тогда как эпоха Тан являлась своеобразным фундаментом, заложенным для дальнейшего развития всех направлений китайской культуры, эпоха Сун стала временем возрождения культуры предыдущих эпох и возникновения совершенно новых культурных явлений, формирования классической китайской культуры.

Между эпохами Тан и Сун на территории Китая существовало пять династий и около десятка других государственных формирований, во времена которых культура находилась в застое. Одним из значительных культурных достижений эпохи Пяти династий и десяти царств (907–960 гг.) стало первое печатное издание конфуцианского канона. Это событие стало

толчком в развитии китайской мысли, так как книги постепенно становились более дешевыми, а значит доступными для большего количества читателей; это событие стало одним из важных факторов, которые привели к научному и культурному подъему в эпоху Сун.

Хотя династия Сун является уже третьим в истории Китая периодом объединения китайских земель в единое государство, она во многом не похожа на предыдущие династии Хань и Тан. Именно во времена формирования новой империи Сун китайский народ осознал свою этническую и культурную целостность, по причине чего воссоединение китайских земель перестало рассматриваться как самоцель в рамках имперской захватнической политики, а северные соседи-кочевники объединили в своем образе как угрозу императорской власти и безопасности целостности государства, так и врага китайского народа. Формирование китайского массового сознания привело к преобразованиям в философской мысли и идеологии страны, которые в свою очередь определили направления развития китайской культурной традиции на многие последующие эпохи.

На развитие искусства эпохи Сун, и особенно живописи, повлиял не только синтез религиозно-философских учений, но также поддержка художников со стороны правительства, создание и укрепление позиций Академии живописи. Таким образом, сунские художники могли одновременно сочетать в своих работах мотивы трех учений: конфуцианства, даосизма и чань-буддизма, создавая выверенные композиции, которые часто отражали гармонию и слияние с природой самого творца, достигшего состояния некоего творческого просветления. За счет поддержки государства художники получили возможность занять высокий пост и зарабатывать на своем труде¹.

¹ Алимов И.А., Кравцова М.Е. История китайской классической литературы с древности и до XIII в.: поэзия, проза. Ч. 2. СПб., 2014

Вплоть до падения Южной Сун, и даже позже, все больше ученых людей предпочитало затворничество в буддийских монастырях чиновничьей службе, а уже в эпоху Мин (1368–1644 гг.) многие чаньские монахи и теоретики живописи считали, что чаньская живопись и сам чань-буддизм развивались в синтезе еще со времен танской династии, а потому, неудивительно, что таким образом именно южное направление живописи смогло выстоять в борьбе со временем и новыми веяниями. Тем не менее современные исследователи считают, что чаньская живопись не была сформирована одним лишь чань-буддизмом, а скорее, наряду с другими жанрами и направлениями художественного искусства, явилась одним из результатов эволюционного процесса в живописи всего сунского периода².

Таким образом, неслучайно живопись именно сунского периода была признана классической в китайской традиции. На протяжении X–XIII вв. именно она вместо поэзии заняла место главного показателя и выразителя мировоззрения различных слоев китайского общества. Именно в эпоху Сун в живописи выделяются новые направления, напрямую связанные с социальными группами, происходит дальнейшая дифференциация художественных жанров, которые впоследствии складываются в единую общепринятую жанровую систему. Следует также отметить огромное значение влияния государственной идеологии и эстетических запросов к живописи (в первую очередь направления «гунтинхуа»), через которые властные структуры могли воздействовать на формирование общественного мнения. Именно в данный период также возникает повышенный интерес к разработке теории и истории живописи. В своих рассуждениях выдающиеся

умы эпохи зачастую рассматривали живопись через призму философско-религиозных учений, что позволяет лучше понять особенности их влияния на мироощущение как самих художников, так и общества в целом. Все большее число художников-академистов отходят от сложившихся официальных канонов, и обращаются вместо этого к более живой эстетике художников-литераторов, отчетливо иллюстрируя изменения в государственной и общественной философско-идеологической мысли – все больший отход от конфуцианства в сторону синтеза трех главных религиозных учений Китая.

Литература эпохи Сун, а особенно проза, в большинстве своем опиралась на философские и научные идеи того времени. Правительство во главе с императором активно поощряло историков, философов и поэтов, а также часто само выступало инициатором создания некоторых трудов. В период Сун китайцы как еще никогда прежде хотели приблизиться к природе, окружающему миру, познать его и проникнуть в саму суть вселенной; поэты и прозаики все больше внимания уделяют реальной жизни людей, в том числе и более низкого положения. Как и живопись, литература династии Сун складывалась под непрерывным влиянием философско-религиозных учений³. В эпоху Сун с развитием книгопечатания и городской культуры литература становится общедоступной и приобретает массовый характер и главными производителями культурных произведений становится городское население.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Несмотря на сложности в политической и экономической сферах, эти два полюса не переросли в два противоборствующих лагеря, но способствовали обогащению китайской

² Levine G.P. Long strange journey: on modern Zen, Zen art, and other predicaments. Honolulu, 2017. P.41

философской мысли, а, следовательно, и становлению китайской классической культуры.

Укрепивший свои позиции религиозный синкретизм нашел свое отражение прежде всего в самих сунцах, и лишь через авторов был выражен в выдающихся произведениях, которые в свою очередь явились ответом на общественный духовный запрос этого периода. Новая идеология империи фактически закрепляла единство трех учений на государственном уровне, благодаря чему в сферах живописи, прозы и поэзии творцы смогли добиться небывалых результатов непосредственно в создании теоретических баз, обогащении жанровых систем, усовершенствовании известных и введении новых художественных и литературных методов и приемов, усложнении композиций. Из чего можно заключить, что сунскому Китаю не только удалось умело сохранить традиционализм китайской культуры, но и поднять ее развитие на новый уровень, как переосмысливая существующие концепции, так и привнося совершенно новые.

ВЫВОДЫ

Период правления династии Сун – время процветания китайской культуры, духовного подъема всего китайского народа, ознаменовавшимся многочисленными достижениями в культурной и духовной жизни. Вопреки сложной политической и экономической ситуации в стране, в империи Сун произошел стремительный подъем философско-религиозной мысли, что привело к изменению официальной государственной идеологии, которая в свою очередь значительно повлияла на трансформацию социокультурной среды. В результате государственной культурно-просветительской политики, расширения городов, постепенного

сближения трех основных религиозно-философских учений сунская культура достигла небывалого расцвета и в настоящее время признана в Китае классической.

Социальные изменения и перемены в сознании людей той эпохи не могли не отразиться и на самом искусстве. Многие великие художники и поэты сунской эпохи обращались к опыту прошлых поколений, но в то же время, отвечая запросам эпохи, старались переосмыслить хорошо знакомые образы и мотивы, внести изменения, не затрагивая самой сути устойчивой традиции. Такое стремление как нельзя лучше характеризует менталитет китайцев, который всегда строился на конфуцианских догмах морали, буддийской религиозности и даосской метафизике. Таким образом, в эпоху Сун в Китае воспитывается новый тип личности, которая сочетает в себе как накопленные веками фундаментальные знания, истинный патриотизм, так и свободу мысли, основывающуюся на таланте истинного художника-творца.

Дуальность нового типа личности как нельзя ярче иллюстрирует сложившаяся в империи Сун система в сфере живописи, в рамках которой возникает два основных художественных направления – жанр «вэньжэньхуа» и жанр «гунтинхуа», объединивший официальных художников Академии живописи. На протяжении всей истории династии Сун происходило сближение и взаимопроникновение этих двух, казалось бы, полярных друг для друга, направлений. Данный феномен является отражением мировоззрения и мироощущения народа Сун, а также прямым следствием все большего сближения философско-религиозных концепций. Несмотря на жанровое и стилистическое разнообразие, все выдающиеся сунские картины

³ Осенмук В.В. Чань-буддийская живопись и академический пейзаж периода Южная Сун (XII–XIII вв.) в Китае. М., 2001

передают образы, вдохновленные сразу как минимум двумя, а чаще тремя основными, религиозными концепциями. То же самое можно наблюдать в рассуждениях и трактатах по теории живописи, авторы которых зачастую являлись отставными чиновниками и представляли высший слой населения. В прозаических произведениях с течением времени наблюдается все большая свобода в тематике, стиле и форме, а также еще более яркое отражение религиозного синкретизма, который намного быстрее развивался как раз среди малообразованного и среднеобразованного городского населения, оказывавшего большое влияние на новую тематическую литературу. Синкретизм прямо повлиял и на формирование новой жанровой системы: под влиянием конфуцианских идей многие авторы высокой и даже низкой прозы использовали морализаторский тон и писали отдельные заключительные резюме, в которых раскрывали пороки и восхваляли благодетели персонажей; благодаря буддийскому и даосскому мистицизму продолжал развиваться фантастический рассказ.

Многие поэты сунского времени помимо стихотворений писали и прозу, новоприобретенные черты которой повлияли и на демократизацию поэтического жанра. Традиционный для предыдущих эпох высокий слог «ши» уже в начале эпохи Северная Сун начинает терять популярность, а изменения в его структуре и ритмике впоследствии приводят к возникновению новой поэтической формы — «цы». Хотя круг тем в данном направлении литературы оставался прежним, новый жанр позволил поэтам более творчески подходить к созданию своих произведений, способствовал появлению разнообразия в форме, структуре, ритмике и наборе образов в стихах, что является явным результатом влияния буддийских и даосских концепций, касающихся непосредственно твор-

ческого процесса. Эти концепции неоднократно озвучивались самими поэтами в многочисленных трудах по теории литературы и стихосложения. Хотя вплоть до падения Южной Сун все еще оставались сторонники поэзии «ши», выступавшие за сохранение строгой формы и образности поэзии, они находились в явном меньшинстве и уже не имели былого влияния.

Несмотря на то, что формирование классической культуры эпохи Сун происходило на фоне непрекращающихся военных конфликтов, тяжелой политической обстановки и экономических кризисов, коренные изменения в социальной сфере обеспечили благоприятные условия для ее развития. Этому способствовало множество факторов, основными из которых являются рост городов и городского населения, государственная поддержка культурной сферы, реформы в сфере образования, научно-технический прогресс, а также образование религиозного синкретизма, который впоследствии распространил свое влияние на все сферы жизни китайцев и явился одним из решающих факторов культурного подъема сунского Китая.

Литература

1. Алимов И.А., Кравцова М.Е. История китайской классической литературы с древности и до XIII в.: поэзия, проза. Ч. 2. СПб., 2014
2. Го Жо-суй. Записки о живописи: что видел и слышал. /Пер. К.Ф. Самосюк. М., 1978
3. Китайская пейзажная лирика III–XIV вв. /Пер. И.С. Голубева. М., 1984
4. Конфуцианское «Четверокнижие» Сы Шу. М., 2004.
5. Осенмук В.В. Чань-буддийская живопись и академический пейзаж периода Южная Сун (XII–XIII вв.) в Китае. М., 2001

6. Смертин Ю.Г. Китайская классическая поэзия. Краснодар, 1999.
7. Торчинов Е. Краткая история Буддизма. Происхождение и развитие, философия и литература. СПб., 2008.
8. Фицджеральд Ч. Китай. Краткая история культуры. СПб., 1998.
9. Levine G.P. Long strange journey: on modern Zen, Zen art, and other predicaments. Honolulu, 2017
10. Morton S., Charlton L. China: Its History and Culture: Fourth Edition. New York, 2005.
11. Zhang L. The River, the Plain, and the State: An Environmental Drama in Northern Song China, 1048–1128. Cambridge, 2016.

References

1. Alimov I. Kravtsova M. The history of Chinese classical literature from antiquity to the 13th century: poetry, prose. V.2. Saint-Petersburg, 2014
2. Guo Ruoxu. Treatise on paintings that I have seen or heard of. Tr.: Samosuk K. Moscow, 1978
3. Chinese landscape lyrics of the III-XIV centuries. Tr.: Golubev I. Moscow, 1984
4. Four Books of Confucius. Moscow, 2014
5. Osenmuk V. Chan Buddhist Painting and Academic Landscape of the Southern Song Period (XII–XIII centuries) in China. Moscow, 2001
6. Smertin Y. Chinese classic poetry. Krasnodar, 1999
7. Torchinov E. A Brief History of Buddhism. Origin and development, philosophy and literature. Saint-Petersburg, 2008
8. Fitzgerald C. China. Brief history of culture. Saint-Petersburg, 1998
9. Levine G.P. Long strange journey: on modern Zen, Zen art, and other predicaments. Honolulu, 2017
10. Morton S., Charlton L. China: Its History and Culture: Fourth Edition. New York, 2005

11. Zhang L. The River, the Plain, and the State: An Environmental Drama in Northern Song China, 1048–1128. Cambridge, 2016

Информация об авторах

Лактионова Екатерина Александровна

Институт международных отношений Казанского федерального университета
420015, Казань, ул. Пушкина, 1
Россия
livnerog@rambler.ru

Мартынова Юлия Александровна, к.и.н., доцент

Институт международных отношений Казанского федерального университета
420015, Казань, ул. Пушкина, 1
Россия

Information about the Authors

Ekaterina A. Laktionova

Institute of International Relations of Kazan Federal University
420015, Kazan, st. Pushkin, 1
Russia
livnerog@rambler.ru

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor **Yulia A. Martynova**

Institute of International Relations of Kazan Federal University
420015, Kazan, st. Pushkin, 1
Russia

Статья одобрена рецензентами: 30.04.2021

Статья принята к публикации: 11.05.2021

Reviewed: 30.04.2021

Accepted: 11.05.2021

The main trends in the economic development of Shaanxi Province in the 2000s.

Основные тенденции экономического развития провинции Шэньси в 2000-е гг.

Булгаков Сергей Александрович

Алтайский государственный университет

serbula@mail.ru

DOI: 10.24412/2686-9675-2-2021-206-213

АННОТАЦИЯ

Одна из проблем экономического развития Китая — дисбаланс в развитии между восточными приморскими и западными регионами. Большие возможности для развития получали восточные регионы, в то время как позиции западных регионов были значительно хуже, их экономический рост шел медленно. Такая ситуация сохранялась и в период бурного экономического развития Китая — во время политики реформ и открытости, когда ставка была сделана на исторически наиболее развитый восточный приморский пояс. Однако на настоящий момент некоторые западные регионы динамично развиваются и сокращают отставание от восточных. В число этих регионов входит и провинция Шэньси, экономическое развитие которой за последние 20 лет значительно ускорилось и к настоящему времени она по своему развитию догоняет некоторые восточные провинции. Первым десятилетием, когда динамика развития Шэньси значительно

ABSTRACT

One of the problems of China's economic development is the imbalance in development between the western and eastern maritime regions. The eastern regions had great opportunities for development, while the positions of the western regions were much worse, their economic growth was slow. This situation persisted even during the period of Chinese economic reform and rapid economic development of China, when the historically more developed eastern maritime zone was supported by the authorities of China. However, at the moment some western regions are developing dynamically and are closing the gap with the eastern ones. Among these regions is Shaanxi Province, which economic development has significantly accelerated over the past 20 years and is currently catching up with some eastern provinces in its development. The first decade when the dynamics of Shaanxi's development increased significantly was the 2000s. This article examines the nature of the economic development of Shaanxi province in this

выросла, стали 2000-е гг. В данной статье рассматривается вопрос характера экономического развития провинции Шэньси в данный период, анализируются основные направления ее развития и его результаты на конец десятилетия. Также подведены итоги, которых провинции удалось достичь за 10 лет, отмечены существующие на конец 2000-х гг. проблемы в социально-экономическом развитии провинции.

Ключевые слова: экономическое развитие, Шэньси, Китай, западные регионы Китая, курс Сибу да кайфа.

Для цитирования: Булгаков С.А. *Основные тенденции экономического развития провинции Шэньси в 2000-е гг.* Современные востоковедческие исследования. 2021; 3(2): 206-213.

Китай известен в мире своей успешной моделью экономического развития, и, как следствие, быстрым экономическим ростом. В то же время, Китай — крупное государство, процесс экономического развития которого имеет неоднородный характер, его динамика в разных регионах отличается. Одна из проблем развития КНР — экономическое отставание западных регионов от восточных приморских, обусловленное характером исторического развития этих территорий, географическим положением и рядом других факторов. При этом данная ситуация не может рассматриваться однозначно, с позиции, что Китай делится на ведущий, развитый восток и отстающий запад, экономическая ситуация в каждом регионе имеет свою специфику. В связи с этим, при изучении процессов экономического развития КНР, важно рассматривать их с позиции отдельных регионов. К настоящему моменту, среди западных регионов выделяются регионы — «точки ро-

period, analyzes the main directions of its development and its results at the end of the decade. It also summed up the results that the province managed to achieve in 10 years, noted the problems which existed in Shaanxi's socio-economic development at the end of the 2000s.

Keywords: economic development, Shaanxi, China, western regions of China, Xibu da kaifa policy.

For citation: Bulgakov S.A. *The main trends in the economic development of Shaanxi province in the 2000s.* Modern oriental studies. 2021; 3(2): 206-213.

ста», которые опережают по своему развитию другие регионы и становятся опорой для их развития. Один из таких регионов — провинция Шэньси — быстроразвивающийся регион, который на настоящее время еще не достигает показателей восточных регионов, но значительно превосходит большую часть западных регионов.

Посмотрев на динамику роста ВРП провинции (Рис. 1), мы можем увидеть, что с 2000-х гг. ускоряется экономический рост Шэньси. Такая же ситуация с показателями ВРП на душу населения: Шэньси переместилась с 27 места в стране по данному показателю в 2001 г. на 15 в 2011.

Шэньси обладает рядом преимуществ перед другими западными регионами. В отчёте о реализации курса «Сибу да кайфа» [5, С. 65] выделяется 4 преимущества провинции Шэньси:

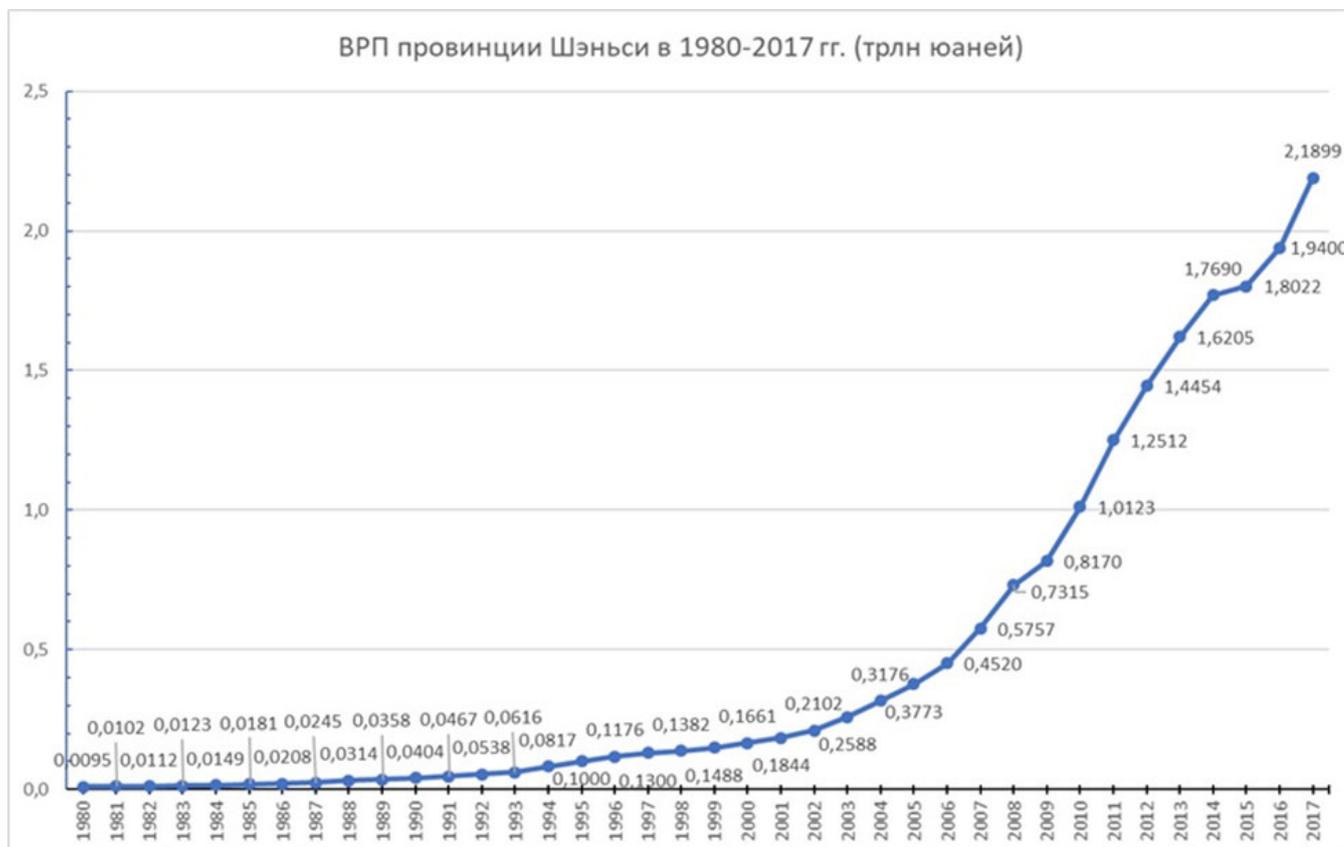

Рис. 1. График ВРП провинции Шэньси в 1980-2017 гг.

Figure 1. Graph of Shaanxi Province GRP in 1980-2017

1. Географическое положение на стыке восточных и западных регионов, позволяет сделать Шэньси узловым регионом.
2. Ресурсное преимущество. Шэньси богата ископаемыми ресурсами (нефть, природный газ, уголь, цветные металлы), а природно-климатические условия позволяют заниматься сельским хозяйством.
3. В 1960-е-1970-е гг. в рамках «Строительства третьей линии» в Шэньси создаются оборонные предприятия и ВУ-Зы. Благодаря этой базе Шэньси стала крупным научным центром.
4. Привлекательность для туристов. Историческая значимость территории Шэньси и большое количество памятников истории и культуры могут заинтересовать туристов.

В течение первых 20 лет политики реформ и открытости, начата реализация ресурсного преимущества провинции. В эти годы проводятся геологоразведывательные работы, модернизируются и создаются новые ресурсодобывающие производства. Таким образом, к началу 2000-х гг. в Шэньси уже имеется относительно развитая топливно-энергетическая и химическая промышленность, которая может приносить доход и стать опорой для дальнейшего развития провинции.

Ещё одним фактором роста Шэньси в 2000-х гг. стала реализация центральными властями программы развития западных регионов «Сибу да кайфа». Таким образом, западные регионы получили финансовую поддержку центра. В первую очередь, было необходимо решить проблему неразвитой инфраструктуры и недостаточной связи западных регионов

с восточными. Поэтому на первом этапе реализации курса основной упор был сделан на инфраструктурных проектах. В данной ситуации очень важна поддержка центра, так как реализация инфраструктурных проектов требует больших бюджетных затрат. Бюджеты как Шэньси, так и других западных регионов в 2000-е гг. сводились с большим дефицитом. Так, в 2000 г. Доход бюджета провинции Шэньси составил 11,5 млрд юаней при расходе 27,16 млрд юаней. В 2010 г. доход и расход соответственно составили 95,82 и 221,88 млрд юаней. Финансовые вливания в провинцию Шэньси были сравнительно большими, по инвестициям в основные производственные фонды Шэньси находилась на 2 месте (после провинции Сычуань) среди западных регионов и в 2000 (65,37 млрд юаней), и в 2013 г. (1,486 трлн юаней). Большинство проектов осуществлялось в сфере транспортной инфраструктуры. Приведу несколько примеров: железные дороги Сиань-Нанкин (2001) и Сиань-Хэфэй (2004), автомагистраль Сиань-Тунчуань, аэропорт Юйлинь (2006), Сианьский метрополитен (2011). С 2000 по 2009 г. протяженность автомобильных дорог увеличилась с 44 до 144 тысяч километров, железных дорог — с 3500 до 6600. Также велось строительство электростанций, в 2005 г. запущена Вторая ТЭС Ханьчэн — первая в провинции электростанция, оборудованная системой серочистки продуктов горения, в 2006 г. — ГЭС Сихэ (на р. Ханьцзян), осуществлялись работы по электрификации в сельской местности и гидротехнические проекты.

Развитие инфраструктуры позволило создать базу для дальнейшего развития региона. Развитие транспортной инфраструктуры, во-первых, облегчает поставки и, во-вторых, раскрывает потенциал региона как транспортного узла, связующего звена между восточной и западной частью Китая.

Другая характерная черта развития Шэньси в 2000-е гг. — рост инвестирования в наиболее развитые производства. Так, топливно-энергетическую и химическую промышленность стали финансировать такие крупные компании, как Sinopec, China Shenhua и американская компания Dow Chemical. Компания Shandong Weichai Group выкупила контрольный пакет акций автомобилестроительной компании Shaanxi Heavy Vehicle Company. Также предприятия, находящиеся в провинции, стали выкупать иностранные производства. В 2008 г. компания Юэцзитуань выкупила канадское предприятие, ведущее на территории Юкон разработку месторождений цинковых руд. Развивались производства топливно-энергетического комплекса и химической промышленности. К 2010 г. валовой продукт топливно-энергетической и химической промышленности составил 46,8% продукта крупной промышленности, 23,1% добытого в Китае природного газа — газ из Шэньси. С 2005 по 2010 г. объемы производства энергоресурсов выросли почти в 2 раза (144 и 270 млн тонн угольного эквивалента).

Развитие инфраструктуры, а также топливно-энергетической и химической промышленности хотя и предоставило провинции новые возможности для экономического роста, и обеспечило сообщение с другими регионами, развитие Шэньси основанное на ископаемых ресурсах и строительстве инфраструктуры могло быть эффективным только на первом этапе, так как при таком сценарии развития ископаемые ресурсы используются для развития восточных регионов, в то время как в регионе, поставляющем сырье с течением времени могла наступать стагнация. В результате разрыв по показателям ВРП и доходам на душу населения между регионами будет расти, а доля региона-поставщика в ВВП Китая снижаться [4, С. 6]. Назревала необходимость изменения структуры

экономики Шэньси и создания собственной обрабатывающей и наукоемкой промышленности. В связи с этим уже к середине 2000-х гг., провинциальное руководство обсуждало необходимость структурных изменений в экономике провинции. Исходя из докладов о работе провинциального правительства [10-15], с началом XI пятилетки (2006-2010 гг.) больше внимания стало уделяться другим направлениям развития помимо строительства инфраструктуры. Так, например, в 2006 г. объявлено о начале реализации научно-технического инновационного проекта «13115», целью которого является независимое инновационное развитие, появляются идеи о развитии новых отраслей промышленности.

Успешным примером новой отрасли стало автомобилестроение. В этот период реорганизуется предприятие Shaanxi Automobile Group, производящее грузовики, автобусы и военную технику. В 2006 г. основана автомобилестроительная компания с ограниченной ответственностью BYD. Объем производства автомобилей вырос в 15 раз с 42600 автомобилей в 2005 г. до 652100 в 2010 г.

Новой идеей, выдвинутой провинциальным правительством также стало координированное развитие и специализация 3 районов провинции (Шэньбэй, Гуаньчжун, Шэньнань: соответственно северная, центральная и южная часть провинции Шэньси). Предпосылки для специализации регионов на тот момент уже существовали. Шэньбэй — район, богатый природными ресурсами, в нем сконцентрированы предприятия по добыче и переработке ископаемых ресурсов. Гуаньчжун — центральный район, в котором концентрируются передовые и высокотехнологичные производства. В Шэньнани развито сельское хозяйство, поэтому он должен развиваться как «зеленый регион» с преобладающим сельскохозяйственным производством.

С середины 2000-х гг. активизируется работа по реконструкции достопримечательных мест и туристических зон, таких как Мемориальный музей революции в Яньане, храм Фомэнь, пешеходная улица Датан в Сиане, Гуаньчжунский этнографический музей и т.д. Количество туристов возросло с 2000 до 2010 г. в 4,6 раза. Тем не менее, во 2 половине 2000-х гг., основной задачей остается создание инфраструктуры, а работа по вышеперечисленным направлениям еще находится на начальной стадии, полномасштабная реализация новых проектов и появление значимых результатов происходит уже в 2010-е гг., когда основной задачей провинциального правительства станет инновационное развитие.

К концу 2000-х гг. в экономическом развитии Шэньси выявились следующие проблемы:

- Несбалансированная структура промышленности. Промышленность провинции, в основном, связана с ископаемыми ресурсами. В провинции присутствуют предприятия других отраслей промышленности (пищевой, фармацевтической), но они не имеют конкурентных преимуществ перед предприятиями в других регионах.
- Большой разрыв в развитии и уровне жизни населения между городами и сельской местностью, а также между Сианем и другими городами.
- Сложная экологическая ситуация, не решена проблема нехватки воды в городах.

Как мы видим, к началу 2010-х гг. провинция не раскрыла полностью свой экономический потенциал, из перечисленных выше преимуществ региона можно отметить, что реализуется ресурсное преимущество и готовится база для превращения Шэньси в узловую регион. 2000-е гг. стали подготовительным этапом

к ускоренному развитию провинции и сокращению отставания от восточных приморских регионов. За эти годы Шэньси при поддержке центра удалось осуществить множество инфраструктурных проектов, развить топливно-энергетическую и химическую отрасль промышленности, подготовив тем самым основу для формирования новых отраслей промышленности, инновационного развития и устранения имеющихся проблем и дисбалансов. С середины 2000-х гг. начинается работа по изменению структуры экономики, однако к концу десятилетия многие задачи, связанные с этой деятельностью, находятся в процессе выполнения, а значимые изменения происходят уже в 2010-х гг.

Литература

1. 2011 Чжунго тунци няньцзянь [2011 中国统计年鉴] = Ежегодный статистический справочник Китая – 2011 [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.stats.gov.cn/tjsj/nds/2011/index.htm> (дата обращения: 23.11.2020).
2. 2011 Шаньси тунци няньцзянь [2011 陕西统计年鉴] = Ежегодный статистический справочник Шэньси – 2011 [Электронный ресурс]. URL: // <http://tjj.shaanxi.gov.cn/upload/2011/index.htm> (дата обращения: 23.11.2020).
3. Лян, Яньбин 20 Шици 50 няньдай илай Шаньбэй цзинци бяньцянъянь яньцзю [20世纪50年代以来陕北经济变迁研究] = Исследование процесса изменений в экономике района Шэньбэй с 50-х гг. XX в.: дисс. ... д-р наук; Северо-Западный Университет. Сиань, 2011. 238 с.
4. Островский, А.В. Проблемы развития западных районов Китая: итоги и перспективы // КНР: Экономика регионов : сб. ст. / Институт Дальнего Востока РАН. М., 2015. С. 300-325.
5. Шаньси сибу да кайфа шинянь лай фа-чжань цинкуан дяоянь баогао [陕西西部大开发十年来发展情况调研报告] = Исследовательский отчет о реализации курса «Сибуда кайфа» в провинции Шэньси за 10 лет // Сборник исследований Центра по изучению партийных документов при ЦК КПК за 2009 г. Чжунъян вэньсянь чубаньшэ, 2010. С. 64-79.
6. Шаньси шэн 2002 нянь чжэнфу гунцзо баогао [陕西省2002年政府工作报告] = Доклад о работе правительства провинции Шэньси от 2002 года [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.shaanxi.gov.cn/gk/zfgzbg/szfgzbg/61118.htm> (дата обращения: 23.11.2020).
7. Шаньси шэн 2003 нянь чжэнфу гунцзо баогао [陕西省2003年政府工作报告] = Доклад о работе правительства провинции Шэньси от 2003 года [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.shaanxi.gov.cn/gk/zfgzbg/szfgzbg/61120.htm> (дата обращения: 23.11.2020).
8. Шаньси шэн 2004 нянь чжэнфу гунцзо баогао [陕西省2004年政府工作报告] = Доклад о работе правительства провинции Шэньси от 2004 года [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.shaanxi.gov.cn/gk/zfgzbg/szfgzbg/61122.htm> (дата обращения: 23.11.2020).
9. Шаньси шэн 2005 нянь чжэнфу гунцзо баогао [陕西省2005年政府工作报告] = Доклад о работе правительства провинции Шэньси от 2005 года [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.shaanxi.gov.cn/gk/zfgzbg/szfgzbg/61121.htm> (дата обращения: 23.11.2020).
10. Шаньси шэн 2006 нянь чжэнфу гунцзо баогао [陕西省2006年政府工作报告] = Доклад о работе правительства провинции Шэньси от 2006 года [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.shaanxi.gov.cn/gk/zfgzbg/szfgzbg/61117.htm> (дата обращения: 23.11.2020).
11. Шаньси шэн 2007 нянь чжэнфу гунцзо

- баогао [陕西省2007年政府工作报告] = Доклад о работе правительства провинции Шэньси от 2007 года [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.shaanxi.gov.cn/gk/zfgzbg/szfgzbg/61116.htm> (дата обращения: 23.11.2020).
12. Шаньси шэн 2008 нянь чжэнфу гунцзо баогао [陕西省2008年政府工作报告] = Доклад о работе правительства провинции Шэньси от 2008 года [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.shaanxi.gov.cn/gk/zfgzbg/szfgzbg/61115.htm> (дата обращения: 23.11.2020).
 13. Шаньси шэн 2009 нянь чжэнфу гунцзо баогао [陕西省2009年政府工作报告] = Доклад о работе правительства провинции Шэньси от 2009 года [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.shaanxi.gov.cn/gk/zfgzbg/szfgzbg/61114.htm> (дата обращения: 23.11.2020).
 14. Шаньси шэн 2010 нянь чжэнфу гунцзо баогао [陕西省2010年政府工作报告] = Доклад о работе правительства провинции Шэньси от 2010 года [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.shaanxi.gov.cn/gk/zfgzbg/szfgzbg/61113.htm> (дата обращения: 23.11.2020).
 15. Шаньси шэн 2010 нянь чжэнфу гунцзо баогао [陕西省2010年政府工作报告] = Доклад о работе правительства провинции Шэньси от 2010 года [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.shaanxi.gov.cn/gk/zfgzbg/szfgzbg/61112.htm> (дата обращения: 23.11.2020).
- References**
1. 2011 Zhongguo tongji nianjian [2011 中国统计年鉴] = Ezhegodny`j statisticheskij spravochnik Kitaya – 2011 [China statistical yearbook – 2011]. URL: // <http://www.stats.gov.cn/tjsj/nds/2011/indexch.htm> (date of the application: 23.11.2020).
 2. 2011 Shaanxi tongji nianjian [2011 陕西统计年鉴] = Ezhegodny`j statisticheskij spravochnik Kitaya [Shaanxi statistical yearbook] – 2011. URL: // <http://tjj.shaanxi.gov.cn/upload/2011/indexch.htm> (date of the application: 23.11.2020).
 3. Liang, Yanbing 20 shiji 50 niandai yilai Shanbei jingji bianqian yanjiu [20世纪50年代以来陕北经济变迁研究] = Issledovanie processa izmenenij v e`konomike rajona She`n`be`j s 50-x gg. XX v.[Research of the process of changes in the economy of the Shaanbei region since the 1950s].: diss. ... d-r nauk; Severo-Zapadny`j Universitet. Xian, 2011. 238 p.
 4. Ostrovskij, A.V. Problemy` razvitiya zapadny`x rajonov Kitaya: itogi i perspektivy` [Development problems in the western regions of China: results and prospects] // KNR: E`konomika regionov : sb. st. / Institut Dal`nego Vostoka RAN. M., 2015. P. 300-325.
 5. Shanxi xibu da kafa shinian lai fazhan qingkuang diaoyan baogao [陕西西部大开发十年来发展情况调研报告] = Issledovatel`skij otchet o realizacii kursa “Xibu da kaifa” v provincii She`n`si za 10 let [Research Report on the 10 Years of Implementation of the Xibu da kaifa policy in Shaanxi Province] // Sbornik issledovanij Centra po izucheniyu partijny`x dokumentov pri CzK KPK za 2009 g. Zhongyang wenxian chubanshe, 2010. P. 64-79.
 6. Shanxi sheng 2002 nian zhengfu gongzuo baogao [陕西省2002年政府工作报告] = Doklad o rabote pravitel`stva provincii She`n`si ot 2002 goda [Report on the work of the Shaanxi province Government in 2002]. URL: // <http://www.shaanxi.gov.cn/gk/zfgzbg/szfgzbg/61118.htm> (date of the application: 23.11.2020).
 7. Shanxi sheng 2003 nian zhengfu gongzuo baogao [陕西省2003年政府工作报告] = Doklad o rabote pravitel`stva provincii She`n`si ot 2003 goda [Report on the work of the Shaanxi province Government in 2003]. URL: // <http://www.shaanxi.gov.cn/gk/>

- zfgzbg/szfgzbg/61120.htm (date of the application: 23.11.2020).
8. Shanxi sheng 2004 nian zhengfu gongzuo baogao [陕西省2004年政府工作报告] = Doklad o rabote pravitel'stva provincii She'n'si ot 2004 goda [Report on the work of the Shaanxi province Government in 2004]. URL: // <http://www.shaanxi.gov.cn/gk/zfgzbg/szfgzbg/61122.htm> (date of the application: 23.11.2020).
 9. Shanxi sheng 2005 nian zhengfu gongzuo baogao [陕西省2005年政府工作报告] = Doklad o rabote pravitel'stva provincii She'n'si ot 2005 goda [Report on the work of the Shaanxi province Government in 2005]. URL: // <http://www.shaanxi.gov.cn/gk/zfgzbg/szfgzbg/61121.htm> (date of the application: 23.11.2020).
 10. Shanxi sheng 2006 nian zhengfu gongzuo baogao [陕西省2006年政府工作报告] = Doklad o rabote pravitel'stva provincii She'n'si ot 2006 goda [Report on the work of the Shaanxi province Government in 2006]. URL: // <http://www.shaanxi.gov.cn/gk/zfgzbg/szfgzbg/61117.htm> (date of the application: 23.11.2020).
 11. Shanxi sheng 2007 nian zhengfu gongzuo baogao [陕西省2007年政府工作报告] = Doklad o rabote pravitel'stva provincii She'n'si ot 2007 goda [Report on the work of the Shaanxi province Government in 2007]. URL: // <http://www.shaanxi.gov.cn/gk/zfgzbg/szfgzbg/61116.htm> (date of the application: 23.11.2020).
 12. Shanxi sheng 2008 nian zhengfu gongzuo baogao [陕西省2008年政府工作报告] = Doklad o rabote pravitel'stva provincii She'n'si ot 2008 goda [Report on the work of the Shaanxi province Government in 2008]. URL: // <http://www.shaanxi.gov.cn/gk/zfgzbg/szfgzbg/61115.htm> (date of the application: 23.11.2020).
 13. Shanxi sheng 2009 nian zhengfu gongzuo baogao [陕西省2009年政府工作报告] = Doklad o rabote pravitel'stva provincii She'n'si ot 2009 goda [Report on the work of the Shaanxi province Government in 2009]. URL: // <http://www.shaanxi.gov.cn/gk/zfgzbg/szfgzbg/61114.htm> (date of the application: 23.11.2020).
 14. Shanxi sheng 2010 nian zhengfu gongzuo baogao [陕西省2010年政府工作报告] = Doklad o rabote pravitel'stva provincii She'n'si ot 2010 goda [Report on the work of the Shaanxi province Government in 2010]. URL: // <http://www.shaanxi.gov.cn/gk/zfgzbg/szfgzbg/61113.htm> (date of the application: 23.11.2020).
 15. Shanxi sheng 2011 nian zhengfu gongzuo baogao [陕西省2011年政府工作报告] = Doklad o rabote pravitel'stva provincii She'n'si ot 2011 goda [Report on the work of the Shaanxi province Government in 2011]. URL: // <http://www.shaanxi.gov.cn/gk/zfgzbg/szfgzbg/61112.htm> (date of the application: 23.11.2020).

Информация об авторе

Ассистент **Булгаков Сергей Александрович**
Алтайский государственный университет
656049, Барнаул, пр-кт Ленина, 61
Россия
serbula@mail.ru

Information about the Author

Assistant **Sergey Bulgakov**
Department of Oriental studies
Altai State University
656049, Barnaul, Lenina prosp. 61, Russia
serbula@mail.ru

Статья одобрена рецензентами: 30.04.2021

Статья принята к публикации: 11.05.2021

Reviewed: 30.04.2021

Accepted: 11.05.2021

The lion and the dragon: a new stage in Sino-Iranian strategic partnership

Лев и дракон: новый этап китайско-иранского стратегического партнёрства

Арутюнян Агавни Александровна

Отдел Международных отношений

Института Востоковедения Национальной Академии Наук Армении

aghavni.harutyunyan1@gmail.com

DOI: 10.24412/2686-9675-2-2021-214-242

АННОТАЦИЯ

В июле 2020 года было установлено новое партнерство между Ираном и Китаем по вопросам экономики и безопасности, о чем подробно говорится в предлагаемом соглашении на 18 страницах, и которое возможно откроет путь для миллиардов долларов китайских инвестиций в энергетику и другие секторы. Предлагаемая 25-летняя дорожная карта между Ираном и Китаем называется «Всеобъемлющее стратегическое партнерство Ирана и Китая». Партнерство значительно расширит китайское присутствие в банковской сфере, телекоммуникациях, портах, железных дорогах и десятках других проектов. Взамен Китай будет получать регулярные и льготные поставки иранской нефти в течение следующих 25 лет. В документе также описывается углубление военного сотрудничества, которое потенциально может дать Китаю точку опоры в регионе за счет совместных тренировок и учений, совместных исследований и разработок оружия, а также обмена разведанными. Все это может подорвать усилия администрации Дональда Трампа по изоляции иранского правительства от его

ABSTRACT

In July 2020, a new partnership between Iran and China on economic and security issues was established, detailed in an 18-page proposed agreement that will clear the way for billions of dollars in Chinese investment in energy and other sectors. The proposed 25-year roadmap between Iran and China is titled Iran-China Comprehensive Strategic Partnership. The partnership will significantly expand its Chinese presence in banking, telecommunications, ports, railways and dozens of other projects. In exchange, China will receive regular and preferential supplies of Iranian oil over the next 25 years. The document also describes the deepening military cooperation that could potentially give China a foothold in the region through joint training and exercises, joint weapons research and development, and intelligence sharing. All of this could undermine the Trump administration's efforts to isolate the Iranian government from its nuclear and military ambitions. It was argued that "even a partial implementation of the Sino-Iranian strategic partnership will signal a serious escalation of the United States strategic rivalry with China and at the same time will punch

ядерных и военных амбиций. Утверждалось, что «даже частичная реализация китайско-иранского стратегического партнерства будет сигнализировать о серьезной эскалации стратегического соперничества США с Китаем и в то же время пробьет дыру в проводимой администрацией кампании «максимального давления» на Иран.

Ключевые слова: Китай, Иран, Всеобъемлющее стратегическое партнерство, Инициатива «Один пояс, один путь».

Для цитирования: Арутюнян А.А. *Лев и дракон: новый этап китайско-иранского стратегического партнерства*. Современные востоковедческие исследования. 2021; 3(2): 214-242.

INTRODUCTION

Iran initiated diplomatic relations with the People's Republic of China (PRC) in 1971, only after the United States (U.S.) broke the ice with Beijing [64]. The warming relationship culminated in a state visit to Iran by Hua Guofeng, then-China's Premier and Chairman of the Communist Party of China (CPC) in 1978 [38]. Prior to the victory of the Islamic Revolution, Beijing welcomed the Shah's "anti-imperial and anti-colonial" policies, viewing Iran as a "defense zone" against the Soviet Union (SU). At the same time, the Anti-Soviet position of the two countries was in line with the U.S. strategy to counter the SU in the region [12, с. 56-64].

However, Beijing expressed support for the Islamic revolution led by Khomeini in 1979. China was taking into account Islamic Republic of Iran (IRI)'s strong strategic position in the Middle East (ME), as well as Tehran's growing influence throughout Asia and its ambitions for the role of leader of the Islamic world [3, с. 37-38]. Although the new leadership of the IRI was skeptical of Beijing because of its previous relationship with the

a hole in the administration's campaign of "maximum pressure" on Iran.

Keywords: China, Iran, Comprehensive Strategic Partnership, Belt and Road Initiative.

For citation: Harutyunyan A.A. *The lion and the dragon: a new stage in sino-iranian strategic partnership*. Modern Oriental Studies. 2021; 3(2): 214-242.

Shah, it did not stand in the way of the establishment of diplomatic relations between the two countries in March 1979 [37, p. 4].

The ties developed over four decades across three phases: military cooperation during the 1980/88 Iran-Iraq War; energy cooperation in the 1990s as China developed quickly; and oil deals which defied sanctions [70]. Bilateral ties strengthened in the mid-1980s, when Beijing developed a defense and arms transfer cooperation with Tehran. Since then, relations between the two countries have expanded to a number of domains. Trade relationship between Iran and China have steadily developed over time, despite international differences over the nuclear program [50].

Iran is the third largest economy in the Middle East and North Africa (MENA) region after Turkey and Saudi Arabia, with an estimated gross domestic product (GDP) of over US \$ 400 billion [68]. In 2019, China became Iran's largest trading partner, with trade between the two countries estimated at US \$ 20 billion, which the two countries planned to increase to US \$ 600 billion over the

next decade, while also building stronger cooperation as part of a 25-year plan [71]. Bilateral trade reflects China's purchases of oil, petrochemicals and minerals, gas condensate and industrial goods [60]. Apart from trade, China is the leading investor in the Iranian market. About 100 large Chinese companies are investing in key sectors of Iran's economy, especially energy and transport [32].

At present, Iran, which due to its geographical location is one of the main players in the ME in the new "Great Game" of geostrategic-political confrontation, has become a possible factor in China's geopolitical ambitions in Central Asia (CA) and the ME. Moreover, as a relatively stable security partner in the troubled ME region, Tehran could become one of the main links between CA, the ME and Europe as part of the Chinese New Silk Road initiative [39; 32]. Relations between Beijing and Tehran, which date back to Iranian President Mahmoud Ahmadinejad's "Pivot to the East policy", have blossomed under Chinese President Xi Jinping, who is pushing China's ambitious initiative [70].

2. IRAN'S SIGNIFICANCE IN THE BELT AND ROAD INITIATIVE

2.1 Iran as a Part of the Belt and Road Initiative

New Silk Road (NSR) or Belt and Road Initiative (BRI) is set to take 10-15 years and US \$ 1 trillion to connect China to global markets through a vast array of land (Economic Belt of Silk Road/EBSR) and sea (Maritime Silk Road of 21st Century/MSR) trade routes across Eurasia. Originally announced in 2013 by Chinese President Xi Jinping with the goal of restoring the ancient Silk Road linking Asia and Europe, the scope of the BRI has expanded over time to include new territories and development initiatives. This project envisages the construction of a large network of roads, railways,

seaports, electric networks, oil and gas pipelines, and related infrastructure projects [31].

BRI was warmly welcomed from the outset by Tehran. As one of the founders of Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB), the IRI joined the bank on April 7, 2014 as the 34th member [54]. After talks on 23 January 2016, in Tehran with Chinese President Xi Jinping, Iran and China agreed to expand bilateral relations and increase trade to US \$ 600 billion over the next 10 years and agreed on forming strategic relations [as] reflected in a 25-year comprehensive document [55]. Relying on their respective strengths and advantages as well as the opportunities provided through the signing of documents such as the "MOU on Jointly Promoting the Silk Road Economic Belt and the 21st Century Maritime Silk Road" and "MOU on Reinforcement of Industrial and Mineral Capacities and Investment" [49]. Thus, Iran expressed its readiness to participate in both parts of China's NSR project — *the EBSR and the MSR trade routes* — which could serve Iran's political, geostrategic, security and economic interests at a regional level [71]. 17 agreements were signed to expand cooperation and mutual investments in various areas including communications, railway, ports, energy, industry, commerce and services, finance, telecommunications [16].

After meeting with Iranian President Hassan Rouhani, Xi Jinping announced that the Chinese authorities support Iran's application for full membership in the Shanghai Cooperation Organization (SCO) after the lifting of the United Nations (UN) sanctions that impeded it. The parties agreed to strengthen cooperation in the exchange of intelligence information and the joint fight against regional threats, terrorism and extremism [5]. According to the ideologues of Iran, the inclusion of leading Islamic countries (Iran, as well as Pakistan, Saudi Arabia, Iraq, etc.) in the SCO will allow uniting the efforts of five non-Western civilizations — Russian, Chinese, Islamic, Hindu and Buddhist in

search of a new world on the basis of "fair globalization". At the same time, Iran sharply distinguishes itself both from the West (US, EU) and from the East (Russia, India, China), offering the whole world an Islamic identity based on the Iranian-Islamic (Shiite) civilization [25, с. 28]. It is no coincidence that Chinese and Central Asian leaders view Iran as a security partner because Iran, with its Shiite majority population, poses no threat in terms of exporting radical Islam, and its Islamist ideas have limited appeal in Central Asian states with a Sunni majority or among the Muslim minority of China, which historically fears the role of Sunni-majority states [31].

It is worth noting that at the SCO summit in Ufa in July 2015, the heads of the SCO member states and the organization's observers, among whom were Vladimir Putin, Xi Jinping and Hassan Rouhani, highlighted the prospects of the initiative to form a single SCO transport system and discussed at an expanded meeting plans to link the Eurasian Economic Union (EAEU) and EBSR [51, p. 107; 33]. The expansion of the EAEU is one of the most important ways to develop integration in the territory of the former SU with the prospect of creating various free trade zones (FTZ) of the EAEU with countries that are not part of it. And an important role in this process can be played by the current relations between the EAEU and the countries of the ME, primarily with Iran, a temporary agreement on a FTZ with which came into force in October 27, 2019 [1]. The agreement provides for limited product coverage, but includes almost all major tradable products, which account for 55% of total EAEU exports [4].² The EAEU has reduced import duties for Iran on more than 500 items [1].³

In August 2019, Iranian Foreign Minister Mohammad Zarif visited his Chinese counterpart Wang Yi and presented a roadmap to the *Comprehensive Strategic Partnership agreement between Iran and China*, signed in 2016 year [7].⁴

It was then that secret provisions were added to the document, which include a number of privileges for China [16].

However, the agreement was stalled by Trump's destruction of the nuclear deal and a campaign of colossal pressure on China, which was forced to slow down the momentum of the Iranian-Chinese cooperation, which was gaining strength and again put tanker oil deals into the shadows [24]. Iran struck a nuclear deal with the so-called P5+1 in 2015, which involves the waiving of sanctions in return for curbing nuclear enrichment activities [50].

2.2 Sino-Iranian Comprehensive Strategic Partnership agreement of June 2020

The Sino-Iranian talks on comprehensive strategic partnership agreement resulted in an 18-page document called the "**Sino-Iranian Comprehensive Strategic Partnership**", approved by the administration of President Hassan Rouhani in June 2020. However, the partnership document is non-binding and looks more like a statement of intent [74]. Although the parties were in no hurry to disclose all the details of the signed document, part of which is classified, the Iranian government, which approved the Iranian-Chinese agreement as a project, announced the possibility of signing the document only after it was signed by the governments of both countries [16].

An as-yet-to-be-signed agreement between Beijing and Tehran covering trade, energy, infrastructure, telecommunications and even military cooperation [79], suggests China will invest a total of US \$ 400 billion in Iran's banking, transport and development sectors [27]. Iran will offer special visa conditions for Chinese entrepreneurs in Iran and for Iranian entrepreneurs in China [18]. Chinese firms also continue to exploit the seabed resources of the southern coast of Iran [45].

China and Iran will also seek cooperation on renewable sources and civil nuclear power [45].

China National Nuclear Corporation is upgrading Iran's Arak IR-40 heavy water reactor to meet non-proliferation requirements as part of the 2015 Iran nuclear deal. The Chinese government has extended a US \$ billion loan to Chinese companies to build dams, power generators, and other infrastructures in Iran [32].

China's "Information Silk Road". The document provides for cooperation in developing telecommunication infrastructure (Digital Silk Road, 5G), basic services (search engines, email, and messaging applications), communication equipment (satellite navigation, switches, servers, and data storage), and consumer products (mobile phones, tablets, and laptops). Providing Iran with know-how and equipment will allow it to completely separate from the global Internet and form a national information network [74]. The Chinese BeiDou global satellite navigation system will be developed in Iran [15] and, accordingly, through Iran entering the ME. Iran Electronics Industries (IEI) was to create a space data collection center. With Chinese search engines, postal services, messaging apps and social media, Iran will be able to block the external Internet for a long time without jeopardizing day-to-day online activities [59].⁵

Conceptually, BeiDou is located within China's "Information Silk Road", a subset of its land and maritime silk routes under the BRI. China is now able to extend influence in a multidomain environment (land, sea and space) via its BeiDou space system, which provides navigation to aircraft, submarines, missiles, as well as commercial services dependent on such navigation [67]. The American war with Huawei, sanctions and even the arrest at the end of 2018 of Huawei's commercial director Meng Wangzhou for trying to disguise Chinese investments in Iran did not bring real success. Despite everything, 5G networks were rolled out and launched in Iran this February [24]. Iran also instructs China to develop the 5th generation of mo-

bile phones (5G) networks in Iran, built by Huawei, which is being ousted from the United States [45].

China's investment in the Iranian fuel and energy complex. The main pillar of the updated agreement will be China's investment in the Iranian fuel and energy complex in the amount of US \$ 280 billion over the next five years [7]. Under the agreement, Beijing expects to receive regular supplies of Iranian oil at significant discounts over the next 25 years [27]. Iran needs to increase oil production to 8.5 million barrels per day, which will go to the PRC at favorable tariffs for China and Iran will become the largest oil supplier to the PRC. Such a deal is especially important for Iran's energy sector, which is in dire need of significant investment to rebuild an aging oil industry that requires more than US \$ 150 billion to modernize wells, refineries and another infrastructure [17]. Iran has set a goal of increasing oil production from 3.8 million barrels per day to 5 million by 2020, but most estimates indicated that Iran will not be able to produce more than 4.2 by the end of this decade, as the country needs US \$ 200 billion in foreign investment over the same period [68].

China will be able to purchase any oil and gas products (oil, natural gas and petroleum products) with a minimum guaranteed discount of 12% off the 6-month average price for comparable benchmark products + up to 8% of this figure as compensation for risks. Beijing will also be given the right to defer payment of up to 2 years, and the ability to pay for goods in soft currency obtained as a result of doing business in Africa and the countries of the former SU, which, if skillfully converted, could give a discount of up to 12%. The total discount on oil and petrochemicals can be up to 32% [14].

Worth to note, that China has funded a number of petrochemical projects in Iran, reportedly providing US \$ 13 billion for Iran's Sabalan, Lordegan, Bushehr, and Masjed Soleyman

petrochemical projects. In the first six months of 2014, Iranian projects received the second largest batch of Chinese investments, totaling US \$ 17.2 billion, and US \$ 11.6 billion was invested in the Iranian energy sector [60].

In January 2016, during Xi Jinping's visit to Iran, the Chinese state-owned China National Petroleum Corporation (CNPC) signed a US \$ 4.8 billion natural gas development project, 30% of which it will control along with two other partners [44]. At the end of December 2018, the state-owned Chinese corporation Sinopec announced its readiness to invest US \$ 3 billion in the development of an Iranian oil field. The deal was part of an existing contract for the exploitation of the Yadavaran field (the Yadavaran contract was signed back in 2007), located in southwestern Iran near the Iraqi border, which has reserves of 5.7 bln barrels of oil. Washington allowed Beijing to buy 360,000 barrels of Iranian oil daily. Earlier, CNPC received the consent of the White House to invest in the North Azadegan and Masjid-i-Suleiman oil fields in exchange for freezing investments in Iran's largest gas field, South Pars (which is the world's largest and shared with Qatar): CNPC replaced Total with South Pars "after the French company left Iran due to the restoration of U.S. sanctions. CNPC put into operation the first phase of North Azadegan with production of 75,000 barrels per day in November 2016 [26]. In August 2019, China "reengaged" in the development of the Jask oil terminal, which sits east of the Strait of Hormuz [32].

Thus, Iran will become one of the main sources of energy supplies for China. However, experts believe that such a project contradicts the current policy of official Beijing, but with increasing American pressure it becomes more and more attractive for the Chinese authorities [7]. The inclusion of such a strategically and geographically significant country like Iran fits into the logic of gaining wider access to the oil-rich ME, where six states in the

region are integral members of OPEC (Organization of the Petroleum Exporting Countries) and have historically been allied with the U.S. because of their political, economic and strategic interests. For China, the need to offset U.S. economic interests in the Persian Gulf requires more states to participate in Chinese NSR, with Iran as an important stakeholder given its geographic proximity to the region and its uneasy relationship with the U.S. [50]. It is believed that China's NSR could facilitate international access to Iran's gas, oil and mineral deposits [43].

A Military Component of the Deal. One of a feature of the Iranian-Chinese military-technical cooperation is the fact that Beijing not only supplies ready-made weapons, but transfers a number of technologies to Iran, assists in the creation of its military-industrial complex capable of producing tactical and operational-tactical missiles, artillery systems, warships and boats [9, c. 246]. The Iranian leadership views China as one of the leading partners in military and military-technical cooperation aimed at strengthening Iran's conventional weapons and military equipment, in particular in the field of cyber weapons. After the lifting of sanctions against Iran in 2016 (in accordance with the Joint Comprehensive Plan of Action - JCPOA), it purchased 150 Chengdu J-10 fighters from China for US \$ 1 billion [16].

The new agreement includes as well China's plans to develop several ports in Iran, which will provide the Chinese side with the island of Kish or the strategically important port of Bandar-e-Jask for a long-term lease [18] and will give the green light for the deployment of 5,000 Chinese People's Liberation Army (PLA) servicemen on Iranian territory (some of them in the Persian Gulf region) with the possibility of increasing the number of personnel to guard and ensure the safety of the transit of oil, gas and petrochemical products to China. Renting a port opens up wide opportunities

for China to project its naval power in the Persian Gulf [16]. A separate article provides for the joint creation of the latest weapons and plans to help Iran in the creation of ballistic missiles [17].

However, another element has now been added to this deal that could change the geopolitical balance in the ME. In early July 2020, Supreme Leader Ali Khamenei agreed to expand the existing deal to include new military elements proposed by senior officials in the IRGC (Islamic Revolutionary Guard Corps) and intelligence agencies [75]. Iranian sources have revealed some of the top-secret military elements of the agreement, which cover "full air and naval cooperation between Iran and China", with Russia playing a key role [56]. Following a planned Iranian-Sino-Russian meeting in August 2020, the Chinese and Russian Air Forces: bombers, fighters and transport aircraft will have unlimited access to Iranian airbases, and specialized dual-use facilities⁶ recently built by Chinese companies near existing airports in Chabahar, Bandar-e-Bushehr and Bandar Abbas will be able to be used by Chinese and Russian ships from November 9, 2020. The electronic component will include all 3 key areas of Electronic Warfare (EW): *electronic support (including early warning about the use of enemy weapons), electronic attack (including jamming systems) and electronic protection (including jamming the enemy)*. The goal of electronic warfare is to neutralize NATO C4ISR systems (command, control, communications, computers, surveillance and reconnaissance). The S-400 complexes will be involved to counter attacks by the U.S. and Israel [14]. It is supposed to link the Iranian air defense with the 19th brigade of the Russian Air Force (Rassvet) near Rostov-on-Don, which is already connected with the Chinese air defense. One of the Russian air jamming systems will be based in Chabahar and will be able to completely disable the United Arab Emirates (UAE) and Saudi Arabia's air defenses, provided they only have about 2 minutes

of warning of a missile or unmanned attack [75].

Investments in the transport and industrial infrastructure of Iran. Under the agreement of 2020, in the next five years, it is planned to invest another US \$ 120 billion already in the transport and industrial infrastructure of Iran [7]. Almost 100 joint Sino-Iranian projects will be included in the B&R megaproject. Airports, high-speed railways, seaports, bridges, ports, roads and other infrastructure facilities will be built here. The PRC will develop FTZ in Maku in northern Iran, in Abadan (where the Shatt al-Arab flows into the Persian Gulf) and on the Qeshm island in the Gulf itself [17]. The development of the South-North corridor (Chabahar-Central Asia), the South-West corridor (Chabahar and Bandar Abbas-Turkey and Azerbaijan) and the Pakistan-Iran-Iraq-Syria "pilgrimage railway" are some notable initiatives [74].

3. CHINESE DEVELOPMENT OF IRANIAN TRANSPORTATION INFRASTRUCTURE

3.1. Iran as a viable land bridge for landlocked Central Asian and the Caucasus states

Iran's geographic location makes it the only viable land bridge from the Persian Gulf to the landlocked Central Asian states (a market with a population of about 65 million) and the three Caucasus states (Armenia, Azerbaijan and Georgia), where China seeks to become a significant economic and political force. At the moment, the CA have three outlets to world markets: *east via China, south via Iran, and west via Russia*. The successful implementation of OBOR gives China de facto control over *two of the three outlets* [31].

The location of the deep-water port of Chabahar on the Indian Ocean in the direction of International North-South Transport Corridor (INSTC)⁷, thus, transit relations between Russia, Eastern Europe, North, CA and the Caucasus, on the one hand, and Southeast Asia, the Far East,

the countries of Oceania and the Persian Gulf on the other hand, are seen as significant advantages for Iran's participation in the Chinese BRI [10].⁸

China's first practical move towards consolidating connectivity with the ME was when the first freight train, called the Silk Road train, to travel the old Silk Road arrived in Tehran carrying goods from China and making the sea voyage of the cargo ships through Kazakhstan and Turkmenistan in just 14 days, compared with around 45 days by sea between China's Shanghai port to Iran's Bandar Abbas port city [39]. The train arrived in Tehran on February 16, 2016, leaving Yiwu city in eastern China's Zhejiang province on January 28, covering a distance of 10,399 km [48; 13; 36; 42]. The 575-mile railway line between the Kazakhstan, Iran and Turkmenistan (a part of International North-South Transport Corridor (INSTC) planned to connect the markets of Russia, China, countries of CA and the ME) [22], was opened back in December 2014 [31]. The most important core of this section was the Gorgan - Inche - Burun - Etrek - Bereket line, the eastern branch of INSTC, facilitating cooperation between countries on the eastern and western shores of the Caspian Sea through northern Iran [8].

Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Turkmenistan and Iran railway. China's railway authority has put forward another ambitious plan to build a SR high-speed railway, which would connect northwest China to West Asia (WA) via CA. The route would lead from China's Urumqi and Yining to Almaty (Kazakhstan), followed by Bishkek (Kyrgyzstan), Tashkent and Samarkand (Uzbekistan) and Ashgabat (Turkmenistan) before finally joining the train network in WA through Tehran [40].⁹

Iran, Afghanistan, Tajikistan, Kyrgyzstan and China railroad project. Agreement to conduct feasibility studies on a railroad project that

would connect Iran to Afghanistan, Tajikistan, Kyrgyzstan and China was signed by all involved sides in October 2010. The railroad will reduce the distance for commercial transport between the East (from China to Iran) and the West (toward Western Europe), further shorten the existing route that connects China to the countries of West Asia and the ME in order to take oil products from the Persian Gulf and to help connect Afghanistan, Tajikistan, and Kyrgyzstan to the free waters of the Persian Gulf through the Iranian soil [47]. These countries reaffirmed the importance to construct a railway — then called the North-South Corridor — in July 2012 [78].¹⁰

China-Kyrgyzstan-Uzbekistan railway line. Another railway project was the construction of the China-Kyrgyzstan-Uzbekistan railway, which will connect Kashgar (Xinjiang) with Kyrgyzstan and Uzbekistan, and the Kyrgyz branch will connect through Tajikistan with Iran and the Persian Gulf countries [76, p. 38; 11]. In 2012, the Chinese construction corporation CRBC¹¹ agreed to conduct a feasibility study for a railway line project running from Kashgar (Xinjiang) through Torugart and Kara-Suu (Kyrgyzstan) to Andijan (Uzbekistan), then through Afghanistan, Iran and Turkey to Europe [72].¹²

Southern corridor between Kazakhstan, Iran, Azerbaijan and Georgia. China actively lobbied for the construction of a southern corridor in the EU, with the participation of Kazakhstan, Iran, Azerbaijan, Georgia, which was to be joined by the German railway operator Deutsche Bahn. The logistics itself was as follows: from Constanta (Romania) the freight train was to be delivered by sea to the Georgian port, and from there by rail to the Astara station (Azerbaijan), and then by trucks they were to be delivered to the Iranian Gazvin station, and from there by rail to Tehran [19].

After the Iran's nuclear deal, and following the lifting of international sanctions, China allocated

two credit facilities worth US \$ 4.2 billion to finance high-speed rail lines and connect Iran's major cities, including Tehran, Mashhad and Isfahan [71].

Iran is attracting a US \$ 2.4 billion Chinese credit line to build the Tehran-Isfahan high-speed railway. US \$ 1.8 billion for the project has been provided by the Export-Import Bank of China, and the work will be carried out by the China Railway Engineering Corporation (CREC), with which Iran signed a contract to build the first high-speed line in Iran in 2015 and agreed to provide a loan in July 2017. Trains will run on a 375-km line at speeds ranging from 300-350 km/h. Work on a circuit that will connect the Iranian capital with the international airports of Imam Khomeini, Qom and Isfahan is due to be completed in 2021 [58; 41].¹³

In August 2019, Iran and China signed a contract to implement a project to electrify the 900-km main railroad linking Tehran with the northeastern city of Mashhad. There are plans to build a Tehran-Qum-Isfahan high-speed train line and expand this modernized network northwestward through Tabriz. Tabriz should become a powerful hub for a number of key oil and gas and petrochemical facilities, as well as a starting point for the Tabriz-Ankara gas trunkline (MGP). Tabriz should become the most important base on Iranian territory for the 2,300-km NSR which will run from Urumqi (Xinjiang) to Tehran through Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan and Turkmenistan, and then through Turkey to Europe [16].

The India-China Competition Over the Port of Chabahar

A significant role in the rapprochement of the countries of Central Eurasia with Iran, in particular with India and Iran, was played by the latter's consistent striving to become one of the regional centers of energy trade (oil and gas) and transport and energy integration (gas pipeline, INSTC) [25, c. 19]. Iran, together with India and Rus-

sia, is pushing forward the sea and rail corridor, which is based on the agreement concluded with Russia and India to create the INSTC. It would link Jawaharlal Nehru Port, India's largest container port east of Mumbai, through the Iranian deep-sea port of Chabahar (in southeastern Iran, on the Gulf of Oman), and its Caspian Sea port of Bandar-e-Anzali to Russia's Volga River harbour of Astrakhan and onwards by rail to Europe. The route would reduce travel distance by from 40 days through the Suez Canal to somewhere between 25 and 28 days and cost by 30%. It takes only 19 days for a container shipped from India through the Suez Canal to reach the German port city of Hamburg. If successful, the corridor could challenge the supremacy of the Suez Canal and complement it with China's BRI, and give Iran a significant advantage in the rivalry with Saudi Arabia and the UAE played in CA, which are also key players in Russian and Chinese ploys for dominance in the ME. INSTC also would strengthen Iran's position as a key node in the B&R on the back of a rail link between western China and Tehran that runs across Kazakhstan, Uzbekistan and Turkmenistan [62]. The competing plans for these ports on the Gulf of Oman highlight both the competition between China-Pakistan Economic Corridor (CPEC) and INSTC, and the broader geopolitical competition in South Asia between India and China [77, p. 17]. However, Russian expert V. Yurtaev believed that the materialized factor of "triple accord" of India, Iran and Russia, due to objective circumstances, was able to restrain China's geo-economic and geopolitical expansion in Central Eurasia [25, c. 19].

India, in contrast to China's construction of the neighboring Pakistani port of Gwadar, is actively involved in the development of Chabahar, also pursuing the goal of having land access to Afghanistan and playing a more important role in trade and security of Afghanistan and CA [79]. Indian consulting company IRCON has pledged

to provide all services and funding for the Chabahar port project, which is estimated at approximately US \$ 1.6 billion [27],¹⁴ and approved a US \$ 150 million development plan to begin building up the investment zone stipulated by the initial agreement in May, 2016. However, Pakistan has established a transit blockade for Indian goods going to Iran and beyond. Afghanistan responded by banning Pakistani freight transit through its territory, which was a bad sign of growing hopes for regional rail links between Tajikistan and Pakistan via Afghanistan [69].

The Chabahar port development project includes five phases. Only one phase has been developed with the participation of India. Iran invited other countries like Australia and Japan to invest in the port, while India was working there [52]. Japan is also considered a potential investor in Chabahar to strengthen ties with the 80 million Iranian market, and to turn the territory of Iran and the port of Chabahar into an important channel for more cost-effective access to CA and Afghanistan [31]. After completion of missing links construction in the path on the borders with Afghanistan and Iraq, Iran will turn into the main corridor for the delivery of goods to these countries [21].

At stake is also container trade along the China-Pakistan-Iran-Turkey line, the hub of which is the port of Bandar Abbas in Iranian Baluchistan [20]. The construction carried out by a subsidiary of the CNPC (pending the lifting/or easing of U.S. and United Nations sanctions against Iran as a result of an international agreement limiting the Islamic Republic's nuclear program) was to include an already partially constructed link between Iran and Pakistan. But the 2018 U.S. withdrawal from the nuclear deal and the resumption of sanctions froze the pipeline project. However, in 2019, Pakistan and Iran, in order to revive the project, agreed that Iran, having completed its section of communication between the two countries, would withdraw

from the arbitration procedures, which forced Pakistan to pay a fine for not fulfilling its part of the deal. According to the agreement, Pakistan must complete the construction of the pipeline section by 2024 [61].

Worth noting that the Iranians have long viewed Pakistan — a historically strong and close ally of Saudi Arabia — with suspicion, and Islamabad is concerned about the development of the Chabahar port as a possible alternative to its own China-funded project, Gwadar [34]. CPEC is a major development project aimed at building energy, industrial and communications infrastructure throughout Pakistan, with the port of Gwadar as a pillar. Since China intends to showcase CPEC as the earliest and most successful of the six BRI corridors, CPEC has been called the “flagship project”, “pilot project”, and “icon” of the BRI [28]. Pakistan hoped the projects, if completed, would generate enough revenue to pay off China's US \$ 60 billion debt. To this end, Islamabad is laying a land corridor — a series of railways and highways — to Iran, Saudi Arabia, the UAE and other countries that can benefit from faster trade routes to and from China. This land route from Gwadar, a city on the coast of the Arabian Sea, to China's western Xinjiang Province would be much faster than shipping goods by sea [46].

Iran's participation in the CPEC provides more opportunities for establishing and forging bilateral relations with Pakistan, where cross-border skirmishes on the Sistan-Baluchistan and Balochistan border, as well as unit-pricing issues over the Iran-Pakistan gas pipeline have been the subject of disputes between the two states [50]. China will finance a long-stalled pipeline that will connect Iran and Pakistan, supplying natural gas from first to last and covering the 485-mile stretch of the so-called “peace pipeline” that runs from the coastal city of Asaluyeh on the Persian Gulf to the southern border of Balochistan between Pakistan

and Iran [35].¹⁵ Connecting the pipeline to the BRI will allow China to receive Iranian gas not only by sea on its eastern coast, but also in its landlocked, troubled northwestern province of Xinjiang. The joining of the Iran-Pakistan pipeline to the CPEC will increase Iran's importance to the success of China's Eurasian infrastructure game, and the development of the Chabahar port and the Iran-Oman-India undersea pipeline as a potentially alternative energy corridor from Asia to Europe will provide Iran with a key role in the transatlantic community's efforts to strengthening relations with India as opposed to China's rise [63].

To balance India's role in Chabahar and to develop trade and commerce in the region, in May 2019, Iran proposed to connect Chabahar with the Pakistani port of Gwadar with its railway system, from Iran to the Northern Corridor, through Turkmenistan and Kazakhstan, as well as through Azerbaijan, Russia and through Turkey [57]. Iran's proposals were met in Pakistan, as the two countries were already discussing a new ferry service that would link ports in Gwadar and Karachi with Iranian ports of Chabahar and Bandar Abbas [53].

While China attaches equal importance to its relations with states such as Saudi Arabia, an arrangement on the CPEC that would allow Iran to benefit economically and could simultaneously challenge the regional and ideological hegemony of Saudi Arabia, serves Tehran's interest [50]. It is notable here that Pakistan has refrained from fully engaging with the Saudi Arabian Islamic Counter-Terrorism Alliance, which is believed to be partly directed against Iran, while the Pakistani parliament has rejected Saudi Arabia's request for military support in the Yemen war. Anyway, Saudi Arabia and Iran had little chance of a successful mediation, and the kingdom hopes that tougher U.S. policy toward Iran will broaden the window of opportunity in the battle against Iran [63].

IRAN AS A KEY NODE IN CHINESE MSR FOR ESTABLISHING NAVAL BASES

As mentioned above, the new agreement includes China's plans to develop several ports in Iran, such as Bandar-e-Jask (strategically located east of the Strait of Hormuz), which will become the country's main transshipment point and give Beijing control of one of seven major sea bottlenecks in the world. The presence of a foothold in Bandar e Jask would allow China not only to control the Fifth U.S. Navy based in Bahrain, but together with a presence in the ports of Djibouti and Gwadar (Pakistan) could increase China's positions in the Indian Ocean region (IOR) [27]. It is about building a model of multi-purpose infrastructure of "strategic strongholds", including Sri Lanka (Hambantota port), Pakistan (Gwadar port), Bangladesh (Chittagong port), Myanmar (Kyaukpyu port) and Cambodia (Kahkong port, as well as military Ream Naval Base), which are "more designed as hybrid commercial and military logistics points than a collection of traditional military bases" [23]. Analysts said a comprehensive strategic pact with Iran could allow China, which already has a base in Djibouti, to establish a military presence on the Iranian-Pakistani coast. The PLA could even help set up a network to monitor U.S. and Indian naval activities in the region. With the help of Chinese support and an oil terminal beyond Hormuz, Iran can also strengthen its position within the Persian Gulf [29].

Thus, the interconnected network of industrial parks and ports created by Chinese companies in some Gulf countries could further challenge the U.S.' dominance in the region surrounding the strategically important Strait of Hormuz [2]. For China, the deal not only opens up the opportunity to control Chabahar and monopolize trade routes to CA, but also for the development of naval facilities in the Gulf of Oman. And as the U.S. is about to leave Afghanistan, a partnership with Iran will give China a near stranglehold over a strategic corridor

stretching from CA to the Arabian Sea [79]. Iran's attempts to shift its geostrategic focus from the Persian Gulf to the Gulf of Oman, relying on the development of the two strategic ports of Jask and Chahbehar, will allow it to avoid tensions in the Persian Gulf region, shorten the routes of tankers carrying Iranian oil, and also allow Tehran to close the Strait of Hormuz if necessary [2].

But U.S. sanctions are pushing India out of Chahbahar and upsetting Iran, which is already pushing India out of a rail project to bypass Pakistan, another competitor in trade with CA [79]. And indeed, days after the details of the proposed Sino-Iranian deal of 2020 were made public, information was leaked to the Indian press about Iran's decision to exclude India from an extensive rail project that would connect the Iranian port city of Chabahar to Zahedan, a city near the border with Afghanistan [27].¹⁶ There is an opinion among Indian experts that, perhaps India has lost Iran forever, because contrary to expectations, to complete the development project of the Chabahar port as soon as possible, India did not do it because of the pressure from the United States. Indian firms that had dealings with American firms were slow to proceed with the project, while Iran urgently needed to develop its economic infrastructure given its growing population [52]. According to statements by Iranian officials, the main reason Iran excluded India from the Chabahar Zahedan project was India's delay in fulfilling its funding commitments for the project, as well as the fact that India chose to be part of Donald Trump's campaign of maximum pressure on Tehran after the U.S. withdrawal in 2018 from Iran's nuclear deal and re-imposition of unprecedented sanctions, and also stopped oil purchases from Iran in April 2019. However, in November 2018, U.S. Secretary of State Mike Pompeo officially announced that the Chabahar port project would be exempted from U.S. sanctions [73].

Many considered removing India from the railway project (which ultimately extended to Zaranj on the Afghan side of the border) as a serious setback to its plans to create an alternative trade route to Afghanistan and CA bypassing Port Gwadar in Pakistan. So, the inclusion of Iran in the BRI structure could lead to India losing the leverage that its close ties with the U.S. provide against China, also lead to the fact that India will cede its position to China in Afghanistan [27]. Beijing could use its influence in Iran and Pakistan to encircle Afghanistan, creating problems for American interests [30].

There is speculation that Iran's search for other regional alliances and a new partnership agreement between Iran and China may have been facilitated by New Delhi's refusal to buy Iranian oil in 2019 to please Washington and further strengthen its military-strategic ties with its adversary, Israel, also news of New Delhi's interest in participating in the Israeli-led Trans-Arab Corridor (TAP), aimed at connecting India with Eurasia through Israel and several Arab states hostile to Iran [27].

In any case, China's participation in Iran and the full integration of Tehran into the BRI structure could weaken Pakistan's main rival, India, and open up a strategic space for Islamabad to effectively counter political and security threats. Better relations between Tehran and Islamabad with Beijing's support could help pacify the armed uprising of ethnic separatists in Baluchistan by the two countries. China's presence in Iran would mean that the Iranian port city of Chabahar will not compete with Pakistani Gwadar, and India's expulsion from Iran would mean that transit trade from Afghanistan and Central Asia will continue through Pakistani ports [27].

IMPLICATIONS OF THE SINO-IRANIAN PACT FOR THE U.S., CHINA AND IRAN

Implications for Washington. The Sino-Iranian pact implies that for the U.S., the ME and

China, as two theaters of military operations, are in no way separated, and by increasing pressure on China and Iran, the U.S. encourages these two countries not only to create a common front, but also to create a new axis [79]. The deal may cast doubt on Trump's plans to isolate Iran, since the tandem of two powerful states, considering this agreement not only as a strategic cooperation, but also as a joint confrontation with the U.S., will oppose American-Israeli policy [17]. A new strategic partnership between Iran and China could jeopardize the possibility of a Republican victory in the U.S. presidential election in 2020, as the Trump administration's strategy of maximum pressure not only failed to contain Iran and change its behavior in the region, but also pushed Tehran into the arms of Beijing [2].

The military aspect of the treaty is of serious concern to the U.S., as is the unprecedented naval exercise last year in the Indian Ocean and the Gulf of Oman by the navies of Iran, Russia and China [2]. Great concern in the U.S. is the projection of Chinese military power into the Gulf region, since the treaty includes agreements on the exchange of intelligence and security data, and issues of joint military activities. Throughout the World Ocean, in particular from the South China Sea to the Suez Canal, the PRC is consistently placing its strongholds in the port of Hambantota (Sri Lanka), in the port of Gwadar (Pakistan), having built a chain of ports and refueling and supply points for the fast-growing Chinese fleet. And although these points are declared as civilian objects, their military purpose is undoubtedly, and there is already a Chinese military base to fight sea pirates on the shores of the Gulf of Aden in Djibouti (built in 2015 under the pretext of supporting its forces involved in anti-piracy operations off the coast of Somalia) — just a few miles from the American military base Camp Lemonnier. Now this chain will continue with Chinese ports in FTZ on the Persian Gulf coast [17].

A military base in Djibouti creates a rear for Yemen in the southwest, allowing it to encircle Saudi Arabia in the south, supporting the "Yemeni rebels" [24].

Implications for Beijing. Beijing did not confirm that the deal was concluded in July 2020, but announced its support for traditional friendship and readiness to work with Iran to steadily advance practical cooperation [6]. Beijing's caution may indicate that the PRC does not want to escalate tensions with the U.S., grossly violating the tough U.S. rules of sanctions against the Islamic Republic, nor does it want to upset the balance in relations with Tehran's regional rival, Saudi Arabia [61].

A strategic partnership with Iran is not entirely safe for China, as continued trade with Iran, investment in the country's infrastructure, and deepening ties could cause discontent in the United States. It could expose Beijing to sanctions and the risk of losing some access to the U.S. market (which is much larger than the Iranian market), as well as disrupting their regional partnerships with Israel or Saudi Arabia, each of which is currently engaged in proxy wars and covert operations. against Iran [79]. Regarding to Sini-Iranian oil contract, although Iranian oil supplies to China hit a 20-year low in March 2020, reflecting a drop-in demand amid the coronavirus pandemic, China's oil imports from Russia and Saudi Arabia have not declined. In addition, a trade agreement signed between the U.S. and China earlier this year could provide for the export of US \$ 50 billion in oil, liquefied natural gas (LNG), and coal from the U.S. to China, strengthening the Washington's role in China's energy security and competition, since Beijing is unlikely to sacrifice its U.S. trade market to trade with Iran [45]. Under the pressure of U.S. sanctions and the demand sagging due to the coronavirus, imports of Iranian oil to China decreased from 630 thousand barrels in 2017 to 100-200 thousand barrels in 2020. But even for China, US \$ 280 billion is a fairly large amount. Moreover, Iran remains a risky

investment, as it is under sanctions, because of which China can buy oil and gas facilities cheaply, since there are no more willing ones [7].

By the way, some Chinese companies have already paid a huge price for violating U.S. sanctions on Iran and cut their ties with Iran prior to the pandemic to avoid violating U.S. sanctions, which the Trump administration has been tightening against Tehran since May 2018. Avoiding secondary U.S. sanctions on Iran-related businesses has allowed these companies to retain their access to the much more lucrative U.S. market [66]. Thus, the state company CNPC, which planned to participate in the development of the 11th stage of the South Pars field, withdrew from the deal, and the China National Machinery Import and Export Company did not complete the electrification of the Tehran-Mashhad high-speed railway under a US \$ 2.4 billion contract [7]. CNPC withdrew from a US \$ 5 billion natural gas project in Iran last year due to difficulties in finding banking channels to transfer funds to Iran. The U.S. also sanctioned the Chinese company Zhuhai Zhenrong last year for transporting Iranian oil. Since the coronavirus pandemic began, anti-Chinese sentiment in Iran has risen [6]. In 2017, ZTE, the giant Chinese telecommunications company, was fined US \$ 1.19 billion for violating U.S. sanctions on Iran and North Korea. In 2018, Huawei's CFO Meng Wanzhou was detained in Canada for violating sanctions against Iran [74].

Implications for Tehran. The strategic rapprochement between Tehran and Beijing causes discontent among many in Iran, both among representatives of the reformist camp and among radical conservatives. Critics of the agreement include former Iranian President Mahmoud Ahmadinejad, as well as the son of the last Iranian monarch, Reza Pahlavi, who lives abroad. The reason for such hypotheses was the peculiar debt policy of the PRC, which, as is commonly believed in the research en-

vironment, inevitably entails Beijing's encroachment on the military and economic sovereignty of its debtors [18]. M. Ahmadinejad even stated that it is unacceptable to conclude a secret agreement with foreign parties without taking into account the will of the Iranian people and contrary to the interests of the country and the nation. Prince Reza Pahlavi, criticizing the authorities in Tehran, said that agreements with China could lead not only to the loss of control over natural resources, but also to the emergence of a Chinese army in Iran. Some analysts are convinced that the top Iranian elite, dominated by the IRGC and religious foundations closely related to it, are interested in a strategic financial, economic and military alliance with China. Indeed, oil and gas, infrastructure, the military component - that is, those areas that are declared as objects of investment and cooperation, are almost completely controlled by the IRGC [16].

However, on July 13, the head of the presidential administration, Mahmoud Vaezi, commented on the "deal of the century" on the air of the state TV channel, saying that no one can secretly accept anything, the document will definitely go through parliament, it enjoys the support of Ayatollah Khamenei, and there will hardly be parliamentary approval before the end of the year due to outbreak of coronavirus [24].

With this deal, the Iranian government could buy time to maintain the status quo until the U.S. presidential elections in November 2020, the outcome of which will determine the trajectory of U.S.-Iranian relations and the fate of Iran's 2015 nuclear deal, known as the JCPOA and will also affect the presidential elections in Iran in June 2021 [79]. Perhaps Tehran is waiting for the outcome of the presidential elections in the U.S. and some other important foreign policy events, so it has prepared a grandiose Chinese plan "B" in case of the failure of plan "A". Plan "A" is to stake on negotiations

with the U.S., and the Chinese roadmap for a period of 25 years is an argument for Washington to change its mind and return to the negotiating table on new conditions. If the Democrats win the U.S. elections, the chances of such an outcome are pretty high. If Trump wins, the situation is more complicated, but the "opponentist" who opposes Rouhani and the Chinese deal of the century, the IRGC hawk Mahmoud Ahmadinejad, who plans to re-run (and win) the presidential elections in May 2021, has already been prepared for negotiations with him. It is possible that the criticism of the "secret plan to sell the Motherland" is a cunning idea of Iranian conservatives, who relied on the most vocal opponent of the deal with the PRC, Ahmadinejad, in the elections with the instruction to try to negotiate with the Americans when the rates have already been raised to historic highs. And the entire liberal camp is not a pity to set up personally as "lobbyists" of China, since their eight-year period on the Olympus of Iranian politics is already coming to an end. If it doesn't work out with the Americans, you can always say: I was not against China, I was against the secret deal led by Rouhani [24].

The announcement of the deal with China allows the Rouhani government to demonstrate that it is not putting all its eggs in the western basket, that Iran is not isolated and may even see economic improvements despite U.S. sanctions. Now that tensions between China and the U.S. are rising, Iran is hoping China will support its economy and balance the U.S. Closer ties with China will give Iran more leverage in future negotiations with the U.S. and Europe when it comes to revising or restoring the JCPOA, as well as in its dealings with regional rivals such as Saudi Arabia and the United Arab Emirates [79].

For Iran, developing closer ties with China is also a way of irritating Europe. Tehran has repeatedly expressed its impatience with European countries over the lack of economic dividends promised

under an international nuclear deal that limited Iran's nuclear enrichment program in exchange for easing sanctions. Perhaps the Iranians would not have persecuted this policy so strongly if European business had supported the country [6].

Iran has so far managed to wriggle out, since it is now not alone on the battlefield with the U.S., but behind a powerful Chinese back, and this means that Tehran is trading with both Beijing and Washington [24].

CONCLUSION

In the face of ever-deeper confrontation with Washington, China's policy of non-interference in conflicts and disputes in the Middle East, avoiding a policy of controversy and remaining an equal trading partner for all oil and gas exporters in the region cannot last forever. If, until recently, Beijing did not seek competition with the United States, and it did not have to deploy its armed forces in the region to protect its assets, now it is difficult to predict how much Beijing is ready to escalate the confrontation with Washington over Tehran, to what extent China is ready to resist U.S. sanctions, which are likely to be introduced by the United States after the entry into force of the Iran-China Treaty agreement. In addition, it is unclear how the difficult internal political situation in Iran will develop today, shortly before the presidential elections in May 2021. And it is impossible to predict how the results of the U.S. presidential election will affect this whole complex of problems.

It can be assumed that the Sino-Iranian deal could call into question the superiority of the U.S. in the Persian Gulf and strengthen China's international positions, since, by pursuing a hostile policy towards Iran, the U.S. itself can limit its strategic choices and become an object of manipulation by its regional partners - Saudi Arabia and the UAE. Meanwhile, a return to the "nuclear deal" and the lifting

of sanctions will allow European and American companies to revive moderate forces in Iran and, in the long run, lead to better political relations.

On the other hand, the Iran-China deal is intended to show that both countries have alternatives to the West, even if many of the mentioned projects never come to fruition. While Sino-Iranian relations are still far from forming a new axis, recent talks show that by increasing pressure on China and Iran, the U.S. encouraged the two countries to form a common front.

NOTES

In July 1979, the Central Committee of the CPC and the Chairman of the State Council, Hua Gofen, expressed their support for the Islamic Revolution led by Iran and Ayatollah Khomeini through the Pakistani Embassy in Tehran. They sent a verbal apology for a visit to Iran in August 1978.

These are agricultural and industrial product groups. Preferential import coverage is 49% of Iran's total supplies to the EAEU. The list of goods for which exporters of the EAEU countries will receive preferences includes meat and fat and oil products, certain types of confectionery and chocolate, as well as metals, cosmetics, and certain types of electronic and mechanical equipment. The Iranian side will be provided with tariff preferences on a detailed list of foodstuffs, primarily vegetables, fruits, dried fruits, as well as building materials, dishes, carpets, and some non-ferrous metal products.

On average, tariffs for Iranian products were reduced by 64%. For example, for fruits - by 50-100%, vegetables - by 25-50%, and for nuts they were completely zero. In turn, Tehran pledged to reduce duties on 864 goods. Now the EAEU countries will be able to increase supplies to Iran of medicines, chemical products and the steel industry, paper, meat and fat and oil products, equipment, cars, etc. According to experts, the total export vol-

umes of the Union countries may increase by 73%.

In September 2015, Vladimir Putin and Xi Jinping in Moscow signed a Joint Statement on the Interconnection of the Eurasian Economic Union (EAEU) and the SREB. A month later, a meeting of the Russian-Chinese working group took place, where the main areas of cooperation were determined, including large infrastructure projects and mutual investments.

In 2015, Iran signed a Memorandum of Understanding (MoU) with China to use BeiDou Navigation Satellite System (BDS) technology to establish BeiDou ground stations in Iran.

They will deploy squadrons of bombers - Chinese-modified versions of Russian Tu-22M3 long-range bombers with a range of 6,800 km (2,410 km when fully loaded). Squadrons of supersonic fighters - medium-range bombers Su-34 and Sukhoi-57 will be deployed.

Chabahar plays a key role in the International North-South Transport Corridor (INSTC), a 7,200 km (4,473 mi) freight route linking Mumbai to Moscow. INSTC envisions a network that will connect the ports and railway centers of the Indian Ocean and the Persian Gulf to the Caspian Sea, and then via the Russian Federation to St. Petersburg and northern Europe. For years, India has enthusiastically pushed for a project that aims to increase connectivity in Eurasia, in part because it believed it could help keep Iran outside the Chinese BRI and dampen any attempts at cooperation between Tehran and its main regional rival, Islamabad.

The North-South transit corridor, compared with the Suez Canal, reduces the time required to transport goods from Mumbai to Moscow by 20 days. The estimated capacity of this route for the exchange of goods is from 20 to 30 million tons per year.

For years, the 1.52-meter track standard adopted in CA has been a headache for logistics

managers because it is not based on the 1.435-meter standard track adopted in China and most other parts of the world. Changing gauges at the border takes days for cargo and significantly cuts railway transport's competitiveness against shipping by sea.

The length of the railway linking China's Kashgar city with Afghanistan's Herat city would be 1,972 km. The length of the Tajik section of this railway, running from the Nizhny Panj to the border with Kyrgyzstan was planned to be 296 km. Iran expressed its readiness to finance the Kyrgyz section of the railway.

China Road and Bridge Corporation (CRBC) is a subsidiary of China Communications Construction Company (CCCC).

The Kyrgyzstan section of the line would cover 268.4 km; China's section would span 165 km. The cargo transit capacity of the line was expected to be approximately 15,000 tons.

CREC is a Chinese construction company listed in Shanghai and Hong Kong stock exchanges. The major shareholder of the company is the state-owned China Railway Engineering Corporation. By revenue, CREC was the largest construction company in the world in the 2015 Engineering News-Record "Top 225 Global Contractors".

Chabahar plays a key role in the International North-South Transport Corridor (INSTC), a 7,200 km (4,473 mi) freight route linking Mumbai to Moscow. For years, India has enthusiastically pushed for a project that aims to increase connectivity in Eurasia, in part because it believed it could help keep Iran outside the Chinese BRI and dampen any attempts at cooperation between Tehran and its main regional rival, Islamabad.

On the other side of the border, the pipeline will come into contact with the Pakistani port city of Gwadar. The pipeline will cost between US \$ 1.5

billion and US \$ 1.8 billion, or US \$ 2 billion. Under the terms of the deal, 85% of the financing will be provided by a loan from China. The remaining 50 miles (80 km) from Gwadar to the Iranian border will be built by Pakistan.

After 9/11, India's political and economic influence in Afghanistan grew under the guise of U.S. security. However, after the February agreement between the U.S. and the Taliban in Doha, India's influence in the country is declining. India was not involved in the US-Taliban deal and does not play a significant role in the intra-Afghan peace process. After the withdrawal of the U.S., India's influence on the country will further diminish.

Литература

1. Абдраимов А., «Зона свободной торговли ЕАЭС и Ирана – перспективное сотрудничество для всех», Ритм Евразии, 27 Февраля 2020, available at: <https://www.ritm Eurasia.org/news--2020-02-27--zona-svobodnoj-torgovli-eaes-i-irana-perspektivnoe-sotrudnichestvo-dlja-vseh-47703>.
2. Белов Ал., «Foreign Policy: сближение Ирана и Китая станет ударом по интересам США», ИА REGNUM, 10 Августа 2020, available at: <https://regnum.ru/news/polit/3032548.html>.
3. Белов Е., Ушаков В., «Китай-Иран: состояние и перспективы (1978-1988гг.)», Восток и современность, Научно-информационный Бюллетень, 4 (50), М., 1988.
4. «ЕАЭС и Иран переходят на преференциальные условия торговли», Евразийская экономическая комиссия, 28 Октября 2019, available at: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/28-10-2019-1.aspx>.
5. «Иран и Китай вышли на всеобъемлющее стратегическое партнерство», Вестник Кавказа, 23 Января 2016. available at:

- <http://www.vestikavkaza.ru/news/Iran-i-Kitay-vyshli-na-vseobemlyushchee-strategicheskoe-partnerstvo.html>.
6. «Иран и КНР добиваются более широкого партнерства в противовес давлению США», Pars Today, 18 Июль 2020, available at: <https://parstoday.com/ru/radio/iran-i115943>.
 7. «Иран подталкивает Китай к нефтегазовой «бомбе» против США», EADaily, 14 Июля 2020, available at: <https://easily.com/ru/news/2020/07/14/iran-podtalkivaet-kitay-k-neftegazovoy-bombe-protiv-ssha>.
 8. «Иран, стратегический мост на «Шелковом пути» между Западом и востоком», Гостелерадио ИРИ, 26 Декабрь 2014, available at: <http://rus-sian.irib.ir/analitika/stati/item/241171-иран>.
 9. Задонский С.М., «Современное состояние ирано-китайских отношений», Ближний Восток и современность. Сборник статей (17-ый выпуск), М., 2003.
 10. «Значение Ирана в китайском проекте "Шелкового пути" и транзитных коридорах в регионе», Pars Today, 19 March 2019, available at: <https://parstoday.com/ru/radio/programs-i99610>.
 11. Ким Е., «Таджикистан – Китай – одна семья»: Китай и Средняя Азия", ИА REGNUM, 09 Марта 2016, available at: <http://regnum.ru/news/polit/2093624.html>.
 12. Мишин В., Яковлев А., «Персидский залив в планах и политике Запада», М., 1985.
 13. Нурмурадов А., «Запущен первый тестовый поезд Китай-Казахстан-Туркменистан-Иран», zakon.kz, 11 Февраля 2016, available at: <http://www.zakon.kz/4774415-zapushhen-pervyyj-testovyyj-poezd.html>.
 14. «Подробности секретного 25-летнего стратегического партнерства между Китаем и Ираном вряд ли обрадуют власти США», Neftegaz.Ru, 07 Июля 2020, available at: <https://neftegaz.ru/news/politics/619326-podrobnosti-sekretnogo-25-letnego-strategicheskogo-partnerstva-mezhdu-kitaem-i-iranom-vryad-li-obradut/>.
 15. Пустовойтова Е., «Обретёт ли Китай военную базу в Персидском заливе?», Фонд стратегической культуры, 14 Августа 2020. https://www.fondsk.ru/news/2020/08/14/obretet-li-kitaj-voennuju-bazu-v-persidskom-zalive-51621.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com&utm_campaign=dbr&fbclid=IwAR29umLUy8fICbmUJ4ZnVTRI0JXA7HgaCDAUdDBVvaffH-zURR-YwLV15zE.
 16. Сажин В., «Иран – Китай: намечается стратегический союз?», Международная жизнь, 27 Июля 2020, available at: <https://interaffairs.ru/news/show/27016>.
 17. Седов Д., «Пакт между КНР и Ираном изменит ситуацию в Евразии», Фонд стратегической культуры, 01 Августа 2020, available at: <https://www.fondsk.ru/news/2020/08/01/pakt-mezhdu-kr-i-iranom-izmenit-situaciu-v-evrazii-51518.html>.
 18. Субботин И., «Китай обвиняют в желании колонизировать Иран», Независимая газета, 09 Июня 2020, available at: https://www.ng.ru/world/2020-07-09/1_7907_china.html.
 19. Цатурян С., «Иран, Азербайджан и Грузия открывают Китаю путь на Чёрное море», ИА REGNUM, 26 Октября 2016, available at: <https://regnum.ru/news/polit/2197317.html>.

20. Цатурян С., «Иран прощается с долларом. Что дальше?», ИА REGNUM, 29 Августа 2016, available at: <https://regnum.ru/news/polit/2172782.html>.
21. Цатурян С., «Китай подбирается к Евросоюзу через Иран», ИА REGNUM, 17 Мая 2016, available at: <https://regnum.ru/news/polit/2132826.html>.
22. «Что ждет Центральную Азию в 2015 году: 10 важнейших событий», Власть, 31 Января 2015, available at: http://m.vlast.kz/article/chto_zhdet_centralnuju_aziju_v_2015_godu_10_vazhnejshih_sobytij-9421.html.
23. «'Шелковый путь' двойного назначения: почему Китай вооружает союзников по торговле», Реалист, 11 Сентября 2020, available at: http://realtribune.ru/news/news/5063?fbclid=IwAR1TnECFhvCuVwur2ghkrN953FiK46NgjdtQonO_rxGnUXuZu3-YLdbxmpw.
24. Юзык Ю., «Союз Льва и Дракона», ТВ-Новости, 23 Июля 2020, available at: <https://russian.rt.com/opinion/767126-yuzik-kitai-ssha-iran>.
25. Юртаев В.И., «Иран: интеграция и безопасность в Центральной Евразии», Вестник РУДН, серия Международные отношения, № 4, 2008, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/iran-integratsiya-i-bezopasnost-v-tsentralnoy-evrazii/viewer>.
26. «Sinopet вкладывает \$3 млрд в развитие нефтяного месторождения Ирана», Информационное агентство "Реалист", 19 Января 2019, available at: <http://realtribune.ru/news/economics/1524>.
27. Abdul Basit, 'What the new Iran-China partnership means for the region', Al Jazeera, 06 August 2020, available at: www.aljazeera.com/indepth/opinion/iran-china-partnership-means-region-200804152249160.html.
28. Abdur Rehman Shah, 'The coming of Pakistan-China 'Entente cordiale 2.0'', The Diplomat, 18 September 2018, available at: <https://thediplomat.com/2018/09/the-coming-of-pakistan-china-entente-cordiale-2-0/>.
29. Abhijit Singh, 'The maritime implications of growing China-Iran strategic ties', Observer Research Foundation (ORF), 30 July 2020, available at: <https://www.orfonline.org/expert-speak/the-maritime-implications-of-growing-china-iran-strategic-ties/>.
30. Akshay Narang, 'Israel, beware: with China keen on buying out Iran, a world war is quietly brewing in West Asia', TFIPOST, 16 July 2020, available at: <https://tfipost.com/2020/07/israel-beware-with-china-keen-on-buying-out-iran-a-world-war-is-quietly-brewing-in-west-asia/>.
31. Alex Vatanka, 'China Courts Iran', Foreign Affairs, 01 November 2017, available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-01/china-courts-iran>.
32. Alex Vatanka, 'China's Great Game in Iran', Foreign Policy, 05 September 2019, available at: <https://foreignpolicy.com/2019/09/05/chinas-great-game-in-iran/>.
33. Alvin Cheng-Hin Lim, '2015 BRICS-SCO summits in Ufa: new developments in multilateralism', Eurasia Review, 20 July 2015, available at: <https://www.eurasiareview.com/20072015-2015-brics-sco-summits-in-ufa-new-developments-in-multilateralism-analysis/>.
34. Ammad Malik, 'How the Growing Gulf Crisis Impacts Pakistan', The Diplomat, 29 June

- 2019, available at: <https://thediplomat.com/2019/06/how-the-growing-gulf-crisis-impacts-pakistan>.
35. Ankit Panda, 'With China's help, the Iran-Pakistan pipeline might finally happen', *The Diplomat*, 10 April 2015, available at: <http://thediplomat.com/2015/04/with-chinas-help-the-iran-pakistan-pipeline-might-finally-happen/>.
36. Bai Lianlei, 'Azerbaijan in the Silk Road Economic Belt: a Chinese perspective', *China Institute of International Studies (CIIS)*, Beijing, 30 August 2017, available at: http://www.ciis.org.cn/english/2016-08/30/content_8999522.htm.
37. Bates Gill, 'Chinese arms exports to Iran, Middle East Review of International Affairs', *Meria, Journal*, Vol. 2, May 1998. <http://www.biu.ac.il/Besa/meria/journal/1998/issue2/jv2n2a7.html>.
38. Bonnie Girard, 'The History of China and Iran's unlikely partnership', *The Diplomat*, 16 May 2018, available at: <https://thediplomat.com/2018/05/the-history-of-china-and-irans-unlikely-partnership/>.
39. 'Can China's New Silk Road bring economic benefits to the Middle East?' *Future for Advanced Research and Studies (FARAS)*, 23 May 2017, available at: <https://futureuae.com/m/Mainpage/Item/2826/can-chinas-new-silk-road-bring-economic-benefits-to-the-middle-east>.
40. 'China proposes high-speed rail line connecting Western China to Iran', *Shanghaiist*, 21 November 2015, available at: http://shanghaiist.com/2015/11/21/chi-na_proposes_silk_road_high_speed_rail_line.php.
41. 'China reopens \$1.9b L/C for Tehran-Qom-Isfahan railroad project', *Financial Tribune Daily and Contributors*, 18 December 2019, available at: <https://financialtribune.com/articles/domestic-economy/101287/china-reopens-19b-lc-for-tehran-qom-isfahan-railroad-project>.
42. 'China's 'Belt and Road' offers Middle East opportunities Galore', *Ameinfo.com*, 19 June 2017, available at: <https://ameinfo.com/money/economy/chinas-belt-road-offers-middle-east-opportunities-galore/>.
43. 'China's New Silk Road includes both risk and promise of prosperity', *The Arab Weekly*, 17 December 2017, available at: <http://www.thearabweekly.com/Economy/9902/China's-new-Silk-Road-includes-both-risk-and-promise-of-prosperity>.
44. Deborah Lehr, 'The Middle East is the hub for China's Modern Silk Road', *Middle East Institute*, 15 August 2017, available at: <http://www.mei.edu/content/map/middle-east-hub-china-s-modern-silk-road>.
45. 'Explainer: what is the 'Iran-China Comprehensive Strategic Partnership?'' *The New Arab*, 09 June 2020, available at: <https://english.alaraby.co.uk/english/news/2020/7/9/explainer-what-is-the-iran-china-comprehensive-strategic-partnership>.
46. Farhan Bokhari and Adnan Aamir, 'Pakistan seeks Iran, Saudi help for Belt and Road projects', *Nikkei Asian Review*, 23 November 2019, available at: <https://asia.nikkei.com/>

- Spotlight/Belt-and-Road/Pakistan-seeks-Iran-Saudi-help-for-Belt-and-Road-projects?fbclid=IwAR16T7kksbzh-YcIwDXja1n16cUWZdgheo5Dajt-pAupgPkkxZG3tv0oDTEWo.
47. Farzad Ramezani Bonesh, 'Various benefits of rail route connecting Iran to Afghanistan, Tajikistan, Kyrgyzstan and China', *Eurasia Review*, 26 January 2016, available at: <http://www.eurasiareview.com/26012016-various-benefits-of-rail-route-connecting-iran-to-afghanistan-tajikistan-kyrgyzstan-and-china/>.
 48. 'First train from China to Iran stimulates Silk Road revival', *Xinhua, China Daily*, 16 February 2016, available at: http://www.chinadaily.com.cn/business/2016-02/16/content_23499170.htm.
 49. 'Full text of Joint Statement on Comprehensive Strategic Partnership between I.R. Iran, P.R. China', Official website of the President of the Islamic Republic of Iran, 23 January 2016, available at: <http://www.president.ir/EN/91435>.
 50. Hamzah Rifaat, 'China, Iran, and 'One Belt, One Road'', *The Diplomat*, 25 October 2016, available at: http://thediplomat.com/2016/10/china-iran-and-one-belt-one-road/?utm_content=buffer36962&utm_medium=social&utm_source=facebook.com&utm_campaign=buffer
 51. Harutyunyan Aghavni, 'Chinese One Belt, One Road Initiative: challenges and opportunities', LAP Lambert Academic Publishing, Mauritius, 2017.
 52. 'India can only blame itself for Iran—China strategic partnership politics', *The Tehran Times*, 31 July 2020, available at: <https://www.tehrantimes.com/news/450714/India-can-only-blame-itself-for-Iran-China-strategic-partnership>.
 53. 'India's grip on strategic port loosens as Iran turns to China', *Economic Times (India)*, 11 April 2018, available at: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/indias-grip-on-strategic-port-loosens-as-iran-turns-to-china/articleshow/63710053.cms?from=mdr>.
 54. 'Iran buys shares of AIIB multinational bank', *Mehr News*, 27 October 2015, available at: <https://en.mehrnews.com/news/111402/Iran-buys-shares-of-AIIB-multinational-bank>.
 55. 'Iran, China agree to \$600 billion trade deal after sanctions lifted', *Radio Free Europe/Radio Liberty (RFE/RL)*, 23 January 2016, available at: <http://www.rferl.mobi/a/china-president-iran-visit/27506325.html>.
 56. 'Iranian foster 25-year deal with China', *Algora.com*, 18 July 2020, available at: https://www.algora.com/Algora_blog/2020/07/18/iranian-foster-25-year-deal-with-china.
 57. 'Iran ready to connect Gwadar port with Chabahar', *Pakistan Today*, May 25 2019, available at: <https://www.pakistantoday.com.pk/2019/05/24/iranian-fm-zarif-calls-on-pm-queeshi-amid-rising-tensions-with-us/>.
 58. 'Iran to draw \$2.4bn Chinese credit line for Tehran–Isfahan high-speed railway', *Global Construction Review (GCR)*, 10 June 2019.
 59. Ishveena Singh, 'China's BeiDou gives Iran what US would not', *Geospatial World*, 19 October 2015, available at: <https://www.geospatialworld.net/blogs/chinas-beidou-gives-iran-what-us-would-not/>.
 60. I-wei Jennifer Chang, 'The Middle East in China's Silk Road Visions: business as usual?'

- The Middle East Institute, 14 April 2015, available at: <http://www.mei.edu/content/map/middle-east-china's-silk-road-visions-business-usual>.
61. James M. Dorsey, 'China could signal increased engagement with Iran but doesn't', *The Turbulent World of Middle East Soccer*, 08 September 2020, available at: https://mideastsoccer.blogspot.com/2020/09/china-could-signal-increased-engagement.html?fbclid=IwAR2fG_4S1fpeUJWt40Re6b_81xH-MJYXtVbRUXF_hRrXf3DbgL1V_poDLhA.
62. James M. Dorsey, 'Flying under the radar: Iranian alternatives to Suez and Belt and Road', *inside Arabia*, 21 July 2020, available at: <https://insidearabia.com/flying-under-the-radar-iran-india-russia-alternatives-to-suez-and-belt-and-road/>.
63. James M. Dorsey, 'Walking a tightrope: China maneuverers between Saudi Arabia and Iran', *The Turbulent World of Middle East Soccer*, 09 March 2017, available at: <https://mideastsoccer.blogspot.com/2017/03/walking-tightrope-china-maneuverers.html>.
64. Mahmoud Pargoo, 'What does Iran really think of China?' *The Diplomat*, 07 November 2018, available at: <https://thediplomat.com/2018/11/what-does-iran-really-think-of-china/>.
65. Megan Wang, 'China's One Belt, One Road initiative', *SOAS University of London*, 01 June 2018, available at: <https://blogs.soas.ac.uk/the-middle-east-in-london/2018/06/01/chinas-one-belt-one-road-initiative/>.
66. Michael Lipin and Ziwen Jiang, 'Pandemic not likely to stop China from building influence in Iran', *VOA News on Iran*, 31 March 2020, available at: <https://www.voanews.com/middle-east/voa-news-iran/pandemic-not-likely-stop-china-building-influence-iran>.
67. Namrata Goswami, 'The economic and military impact of China's BeiDou navigation system', *The Diplomat*, 01 July 2020, available at: <https://thediplomat.com/2020/07/the-economic-and-military-impact-of-chinas-beidou-navigation-system/>.
68. Naser Al-Tamimi, 'Why Iran is not the next China?' *Al Arabiya English*, 08 October 2016, available at: <https://english.alarabiya.net/en/views/news/middle-east/2016/10/08/Why-Iran-is-not-the-next-China->.
69. Nicholas Trickett, Oliver Thomas, 'China, Russia, Iran: ports and power along the Belt and Road', *The Diplomat*, 23 March 2017, available at: <http://buff.ly/2nHVJoU>.
70. Niranjana Jose, 'Iran's increasing reliance on China', *Middle East Monitor*, 24 August 2020, available at: <https://www.middleeastmonitor.com/20200824-irans-increasing-reliance-on-china/>.
71. Omid Shokri Kalehsar, 'China and Iran's strategic partnership: a zero sum game?' *The New Arab*, 09 July 2020, available at: https://english.alaraby.co.uk/english/indepth/2020/7/9/china-and-irans-strategic-partnership-a-zero-sum-game?fbclid=IwAR2-pvHOb-MuGvZSDWtq0vUPyGKloWuaMyOSXGPRsGX41K_oITKsuW2aBA4A.
72. Roman Muzalevsky, 'China-Kyrgyzstan-Uzbekistan railway scheme: fears, hopes and prospects', *Eurasia Daily Monitor*, Vol. 9, Issue 102, *The Jamestown Foundation*, 30 May 2012, available at: <https://jamestown.org/program/china-kyrgyzstan-uzbekistan-railway-scheme-fears-hopes-and-prospects/>.

73. Saeid Jafari, 'Where does Iran stand in the India-China regional rivalry?', Responsible Statecraft, 13 August 2020, available at: <https://responsiblestatecraft.org/2020/08/13/where-does-iran-stand-in-the-india-china-regional-rivalry/>.
74. Shahram Akbarzadeh and Mahmoud Pargoo, 'Iran-China deal raises more questions than answers', Middle East Institute, 27 July 2020, available at: <https://www.mei.edu/publications/iran-china-deal-raises-more-questions-answers>.
75. Simon Watkins, 'China inks military deal with Iran under secretive 25-year plan', OilPrice.com, 06 July 2020, available at: <https://oilprice.com/Energy/Energy-General/China-Inks-Military-Deal-With-Iran-Under-Secretive-25-Year-Plan.html>.
76. Stephen Frederick Starr, Svante E. Cornell and Nicklas Norling, 'The EU, Central Asia, and the Development of Continental Transport and Trade', Silk Road Paper, Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program – A Joint Transatlantic Research and Policy Center, Johns Hopkins University-SAIS, Institute for Security and Development Policy, December 2015, available at: <http://www.silkroadstudies.org/resources/2015-starr-cornell-norling-eu-central-asia-continental-transport-and-trade.pdf>.
77. Syed Fazl-e-Haider, 'INSTC vs. BRI: the India-China competition over the Port of Chabahar and infrastructure in Asia', China Brief, Vol. 19, Issue 21, The Jamestown Foundation, 10 December 2019, available at: <https://jamestown.org/wp-content/uploads/2019/12/Read-the-12-10-2019-CB-Issue-in-PDF.pdf?x59261>.
78. 'Tajikistan looking forward to North Corridor operation', European Dialogue, 19 June 2015, available at: <http://eurodialogue.eu/Tajikistan%20looking%20forward%20to%20north%20corridor%20operation>.
79. Vali Nasr and Ariane Tabatabai, 'China plays the Iran card', Project Syndicate, 29 July 2020, available at: https://www.project-syndicate.org/commentary/china-iran-deal-implications-for-us-foreign-policy-by-vali-nasr-and-ariane-tabatabai-2020-07?fbclid=IwAR0F4g-wCEMDT_YrRiReV9wOb6ETEjxyuozl7NeQaWZ7sl8iuif7HeFULok.

References

1. Abdraimov A., «Zona svobodnoj trgovli EAES i Irana – perspektivnoe sotrudnichestvo dlya vsekh», Ritm Evrazii, 27 Fevralya 2020, available at: <https://www.ritm Eurasia.org/news--2020-02-27--zona-svobodnoj-torgovli-eaes-i-irana-perspektivnoe-sotrudnichestvo-dlja-vseh-47703>.
2. Belov Al., «Foreign Policy: sblizhenie Irana i Kitaya stanet udarom po interesam SSHA», IA REGNUM, 10 Avgusta 2020, available at: <https://regnum.ru/news/polit/3032548.html>.
3. Belov E., Ushakov V., «Kitaj-Iran: sostoyanie i perspektivy (1978-1988gg.)», Vostok i sovremennost', Nauchno-informacionnyj Byulleten', 4 (50), M., 1988.
4. «EAES i Iran perekhodyat na preferencial'nye usloviya trgovli», Evrazijskaya ekonomicheskaya komissiya, 28 Oktyabrya 2019, available at: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/28-10-2019-1.aspx>.
5. «Iran i Kitaj vyshli na vseob'emlyushchee strategicheskoe partnerstvo», Vestnik

- Kavkaza, 23 YAnvarya 2016. available at: <http://www.vestikavkaza.ru/news/Iran-i-Kitay-vyshli-na-vseobemlyushchee-strategicheskoe-partnerstvo.html>.
6. «Iran i KNR dobivayutsya bolee shirokogo partnerstva v protivoves davleniyu SSHA», Pars Today, 18 Iyul' 2020, available at: <https://parstoday.com/ru/radio/iran-i115943>.
7. «Iran podtalkivaet Kitaj k neftegazovoj «bombe» protiv SSHA», EADaily, 14 Iyulya 2020, available at: <https://eadaily.com/ru/news/2020/07/14/iran-podtalkivaet-kitaj-k-neftegazovoy-bombe-protiv-ssha>.
8. «Iran, strategicheskij most na «SHELkovom puti» mezhdru Zapadom i vostokom», Gosteleradio IRI, 26 Dekabr' 2014, available at: <http://rus-sian.irib.ir/analitika/stati/item/241171-iran>.
9. Zadonskij S.M., «Sovremennoe sostoyanie irano-kitajskih otnoshenij», Blizhnij Vostok i sovremennost'. Sbornik statej (17-yj vypusk), M., 2003.
10. «Znachenie Irana v kitajskom proekte "SHELkovogo puti" i tranzitnyh koridorah v regione», Pars Today, 19 March 2019, available at: <https://parstoday.com/ru/radio/programs-i99610>.
11. Kim E., «Tadzhikistan – Kitaj – odna sem'ya»: Kitaj i Srednyaya Aziya", IA REGNUM, 09 Marta 2016, available at: <http://regnum.ru/news/polit/2093624.html>.
12. Mishin V., YAKovlev A., «Persidskij zaliv v planah i politike Zapada», M., 1985.
13. Nurmuradov A., «Zapushchen pervyj testovyy poezd Kitaj-Kazahstan-Turkmenistan-Iran», zakon.kz, 11 Fevralya 2016, available at: <http://www.zakon.kz/4774415-zapushhen-pervyyj-testovyyj-poezd.html>.
14. «Podrobnosti sekretnogo 25-letnego strategicheskogo partnerstva mezhdru Kitaem i Iranom vryad li obraduyut vlasti SSHA», Neftegaz.Ru, 07 Iyulya 2020, available at: <https://neftegaz.ru/news/politics/619326-podrobnosti-sekretnogo-25-letnego-strategicheskogo-partnerstva-mezhdru-kitaem-i-iranom-vryad-li-obrad/>.
15. Pustovojtova E., «Obretyot li Kitaj voennuyu bazu v Persidskom zalive?», Fond strategicheskoy kul'tury, 14 Avgusta 2020. https://www.fondsk.ru/news/2020/08/14/obretet-li-kitaj-voennuju-bazu-v-persidskom-zalive-51621.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com&utm_campaign=dbr&fbclid=IwAR29umLUy8fICbmUJ4ZnVTRI0JXA7HgaCDAUdDBVvaffH-zURR-YwLV15zE.
16. Sazhin V., «Iran – Kitaj: namechaetsya strategicheskij soyuz?», Mezhdunarodnaya zhizn', 27 Iyulya 2020, available at: <https://interaffairs.ru/news/show/27016>.
17. Sedov D., «Pakt mezhdru KNR i Iranom izmenit situaciyu v Evrazii», Fond strategicheskoy kul'tury, 01 Avgusta 2020, available at: <https://www.fondsk.ru/news/2020/08/01/pakt-mezhdru-knr-i-iranom-izmenit-situaciu-v-evrazii-51518.html>.
18. Subbotin I., «Kitaj obvinyayut v zhelanii kolonizirovat' Iran», Nezavisimaya gazeta, 09 Iyunya 2020, available at: https://www.ng.ru/world/2020-07-09/1_7907_china.html.
19. Caturyan S., «Iran, Azerbajdzhan i Gruzija otkryvayut Kitayu put' na CHyornoe more», IA REGNUM, 26 Oktyabrya 2016, available at: <https://regnum.ru/news/polit/2197317.html>.

20. Caturyan S., «Iran proshchaetsya s dollarom. CHto dal'she?», IA REGNUM, 29 Avgusta 2016, available at: <https://regnum.ru/news/polit/2172782.html>.
21. Caturyan S., «Kitaj podbiraetsya k Evrosoyuzu cherez Iran», IA REGNUM, 17 Maya 2016, available at: <https://regnum.ru/news/polit/2132826.html>.
22. «CHto zhdet Central'nyu Aziyu v 2015 godu: 10 vazhnejshih sobytij», Vlast', 31 YAnvarya 2015, available at: http://m.vlast.kz/article/chto_zhdet_centralnuju_aziju_v_2015_godu_10_vazhnejshih_sobytij-9421.html.
23. «'Shelkovyj put' dvojnogo naznacheniya: pochemu Kitaj vooruzhaet soyuznikov po torgovle», Realist, 11 Sentyabrya 2020, available at: http://realtribune.ru/news/news/5063?fbclid=IwAR1TnECFhvCuVwur2ghkrN953FiK46NgjdtQonO_rxGnUXuZu3-YLdbxmpw.
24. Yuzik YU., «Soyuz L'va i Drakona», TV-Novosti, 23 Iyulya 2020, available at: <https://russian.rt.com/opinion/767126-yuzik-kitai-ssha-iran>.
25. Yurtaev V.I., «Iran: integraciya i bezopasnost' v Central'noj Evrazii», Vestnik RUDN, seriya Mezhdunarodnye otnosheniya, № 4, 2008, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/iran-integratsiya-i-bezopasnost-v-tsentralnoy-evrazii/viewer>.
26. «Sinopec vkladyvaet \$3 mlrd v razvitie neftyanogo mestorozhdeniya Irana», Informativnoe agentstvo "Realist", 19 YAnvarya 2019, available at: <http://realtribune.ru/news/economics/1524>.
27. Abdul Basit, 'What the new Iran-China partnership means for the region', Al Jazeera, 06 August 2020, available at: <https://www.aljazeera.com/indepth/opinion/iran-china-partnership-means-region-200804152249160.html>.
28. Abdur Rehman Shah, 'The coming of Pakistan-China 'Entente cordiale 2.0'', The Diplomat, 18 September 2018, available at: <https://thediplomat.com/2018/09/the-coming-of-pakistan-china-entente-cordiale-2-0/>.
29. Abhijit Singh, 'The maritime implications of growing China-Iran strategic ties', Observer Research Foundation (ORF), 30 July 2020, available at: <https://www.orfonline.org/expert-speak/the-maritime-implications-of-growing-china-iran-strategic-ties/>.
30. Akshay Narang, 'Israel, beware: with China keen on buying out Iran, a world war is quietly brewing in West Asia', TFIPOST, 16 July 2020, available at: <https://tfipost.com/2020/07/israel-beware-with-china-keen-on-buying-out-iran-a-world-war-is-quietly-brewing-in-west-asia/>.
31. Alex Vatanka, 'China Courts Iran', Foreign Affairs, 01 November 2017, available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-01/china-courts-iran>.
32. Alex Vatanka, 'China's Great Game in Iran', Foreign Policy, 05 September 2019, available at: <https://foreignpolicy.com/2019/09/05/chinas-great-game-in-iran/>.
33. Alvin Cheng-Hin Lim, '2015 BRICS-SCO summits in Ufa: new developments in multilateralism', Eurasia Review, 20 July 2015, available at: <https://www.eurasiareview.com/20072015-2015-brics-sco-summits-in-ufa-new-developments-in-multilateralism-analysis/>.
34. Ammad Malik, 'How the Growing Gulf Crisis Impacts Pakistan', The Diplomat, 29 June

- 2019, available at: <https://thedi diplomat.com/2019/06/how-the-growing-gulf-crisis-impacts-pakistan>.
35. Ankit Panda, 'With China's help, the Iran-Pakistan pipeline might finally happen', *The Diplomat*, 10 April 2015, available at: <http://thedi diplomat.com/2015/04/with-chinas-help-the-iran-pakistan-pipeline-might-finally-happen/>.
36. Bai Lianlei, 'Azerbaijan in the Silk Road Economic Belt: a Chinese perspective', *China Institute of International Studies (CIIS)*, Beijing, 30 August 2017, available at: http://www.ciis.org.cn/english/2016-08/30/content_8999522.htm.
37. Bates Gill, 'Chinese arms exports to Iran, Middle East Review of International Affairs', *Meria, Journal*, Vol. 2, May 1998. <http://www.biu.ac.il/Besa/meria/journal/1998/issue2/jv2n2a7.html>.
38. Bonnie Girard, 'The History of China and Iran's unlikely partnership', *The Diplomat*, 16 May 2018, available at: <https://thedi diplomat.com/2018/05/the-history-of-china-and-irans-unlikely-partnership/>.
39. 'Can China's New Silk Road bring economic benefits to the Middle East?' *Future for Advanced Research and Studies (FARAS)*, 23 May 2017, available at: <https://futureuae.com/m/Mainpage/Item/2826/can-chinas-new-silk-road-bring-economic-benefits-to-the-middle-east>.
40. 'China proposes high-speed rail line connecting Western China to Iran', *Shanghaiist*, 21 November 2015, available at: <http://shanghaiist.com/2015/11/21/china-proposes-silk-road-high-speed-rail-line.php>.
41. 'China reopens \$1.9b L/C for Tehran-Qom-Isfahan railroad project', *Financial Tribune Daily and Contributors*, 18 December 2019, available at: <https://financialtribune.com/articles/domestic-economy/101287/china-reopens-19b-lc-for-tehran-qom-isfahan-railroad-project>.
42. 'China's 'Belt and Road' offers Middle East opportunities Galore', *Ameinfo.com*, 19 June 2017, available at: <https://ameinfo.com/money/economy/chinas-belt-road-offers-middle-east-opportunities-galore/>.
43. 'China's New Silk Road includes both risk and promise of prosperity', *The Arab Weekly*, 17 December 2017, available at: <http://www.the arabweekly.com/Economy/9902/China-s-new-Silk-Road-includes-both-risk-and-promise-of-prosperity>.
44. Deborah Lehr, 'The Middle East is the hub for China's Modern Silk Road', *Middle East Institute*, 15 August 2017, available at: <http://www.mei.edu/content/map/middle-east-hub-china-s-modern-silk-road>.
45. 'Explainer: what is the 'Iran-China Comprehensive Strategic Partnership?'' *The New Arab*, 09 June 2020, available at: <https://english.alaraby.co.uk/english/news/2020/7/9/explainer-what-is-the-iran-china-comprehensive-strategic-partnership>.
46. Farhan Bokhari and Adnan Aamir, 'Pakistan seeks Iran, Saudi help for Belt and Road projects', *Nikkei Asian Review*, 23 November 2019, available at: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Belt-and-Road/Pakistan-seeks-Iran-Saudi-help-for-Belt-and-Road-projects?fbclid=IwAR16T7kksbzh-YclwDXja1n16cUWZdgheo5DajtpAupgPkkxZG3tv0oDTEWo>.

47. Farzad Ramezani Bonesh, 'Various benefits of rail route connecting Iran to Afghanistan, Tajikistan, Kyrgyzstan and China', *Eurasia Review*, 26 January 2016, available at: <http://www.eurasiareview.com/26012016-various-benefits-of-rail-route-connecting-iran-to-afghanistan-tajikistan-kyrgyzstan-and-china/>.
48. 'First train from China to Iran stimulates Silk Road revival', *Xinhua, China Daily*, 16 February 2016, available at: http://www.chinadaily.com.cn/business/2016-02/16/content_23499170.htm.
49. 'Full text of Joint Statement on Comprehensive Strategic Partnership between I.R. Iran, P.R. China', Official website of the President of the Islamic Republic of Iran, 23 January 2016, available at: <http://www.president.ir/EN/91435>.
50. Hamzah Rifaat, 'China, Iran, and 'One Belt, One Road'', *The Diplomat*, 25 October 2016, available at: http://thediplomat.com/2016/10/china-iran-and-one-belt-one-road/?utm_content=buffer36962&utm_medium=social&utm_source=facebook.com&utm_campaign=buffer
51. Harutyunyan Aghavni, 'Chinese One Belt, One Road Initiative: challenges and opportunities', LAP Lambert Academic Publishing, Mauritius, 2017.
52. 'India can only blame itself for Iran—China strategic partnership politics', *The Tehran Times*, 31 July 2020, available at: <https://www.tehrantimes.com/news/450714/India-can-only-blame-itself-for-Iran-China-strategic-partnership>.
53. 'India's grip on strategic port loosens as Iran turns to China', *Economic Times (India)*, 11 April 2018, available at: economictimes.indiatimes.com/news/defence/indias-grip-on-strategic-port-loosens-as-iran-turns-to-china/articleshow/63710053.cms?from=mdr.
54. 'Iran buys shares of AIIB multinational bank', *Mehr News*, 27 October 2015, available at: <https://en.mehrnews.com/news/111402/Iran-buys-shares-of-AIIB-multinational-bank>.
55. 'Iran, China agree to \$600 billion trade deal after sanctions lifted', *Radio Free Europe/Radio Liberty (RFE/RL)*, 23 January 2016, available at: <http://www.rferl.mobi/a/china-president-iran-visit/27506325.html>.
56. 'Iranian foster 25-year deal with China', *Algora.com*, 18 July 2020, available at: https://www.algora.com/Algora_blog/2020/07/18/iranian-foster-25-year-deal-with-china.
57. 'Iran ready to connect Gwadar port with Chabahar', *Pakistan Today*, May 25 2019, available at: <https://www.pakistantoday.com.pk/2019/05/24/iranian-fm-zarif-calls-on-pm-qureshi-amid-rising-tensions-with-us/>.
58. 'Iran to draw \$2.4bn Chinese credit line for Tehran-Isfahan high-speed railway', *Glibal Construction Review (GCR)*, 10 June 2019, available at.
59. Ishveena Singh, 'China's BeiDou gives Iran what US would not', *Geospatial World*, 19 October 2015, available at: <https://www.geospatialworld.net/blogs/chinas-beidou-gives-iran-what-us-would-not/>.
60. I-wei Jennifer Chang, 'The Middle East in China's Silk Road Visions: business as usual?' *The Middle East Institute*, 14 April 2015, available at: <http://www.mei.edu/content/map/middle-east-china's-silk-road-visions-business-usual>.

61. James M. Dorsey, 'China could signal increased engagement with Iran but doesn't', The Turbulent World of Middle East Soccer, 08 September 2020, available at: https://mideastsoccer.blogspot.com/2020/09/china-could-signal-increased-engagement.html?fbclid=IwAR2fG_4S1fpeUJWt40Re6b_81xH-MJYXtVbRUXF_hRrXf3DbgL1V_poDLhA.
62. James M. Dorsey, 'Flying under the radar: Iranian alternatives to Suez and Belt and Road', inside Arabia, 21 July 2020, available at: <https://insidearabia.com/flying-under-the-radar-iran-india-russia-alternatives-to-suez-and-belt-and-road/>.
63. James M. Dorsey, 'Walking a tightrope: China maneuverers between Saudi Arabia and Iran', The Turbulent World of Middle East Soccer, 09 March 2017, available at: <https://mideastsoccer.blogspot.com/2017/03/walking-tightrope-china-maneuverers.html>.
64. Mahmoud Pargoo, 'What does Iran really think of China?' The Diplomat, 07 November 2018, available at: <https://thediplomat.com/2018/11/what-does-iran-really-think-of-china/>.
65. Megan Wang, 'China's One Belt, One Road initiative', SOAS University of London, 01 June 2018, available at: <https://blogs.soas.ac.uk/the-middle-east-in-london/2018/06/01/chinas-one-belt-one-road-initiative/>.
66. Michael Lipin and Ziwen Jiang, 'Pandemic not likely to stop China from building influence in Iran', VOA News on Iran, 31 March 2020, available at: <https://www.voanews.com/middle-east/voa-news-iran/pandemic-not-likely-stop-china-building-influence-iran>.
67. Namrata Goswami, 'The economic and military impact of China's BeiDou navigation system', The Diplomat, 01 July 2020, available at: <https://thediplomat.com/2020/07/the-economic-and-military-impact-of-chinas-beidou-navigation-system/>.
68. Naser Al-Tamimi, 'Why Iran is not the next China?' Al Arabiya English, 08 October 2016, available at: <https://english.alarabiya.net/en/views/news/middle-east/2016/10/08/Why-Iran-is-not-the-next-China->
69. Nicholas Trickett, Oliver Thomas, 'China, Russia, Iran: ports and power along the Belt and Road', The Diplomat, 23 March 2017, available at: <http://buff.ly/2nHVJoU>.
70. Niranjana Jose, 'Iran's increasing reliance on China', Middle East Monitor, 24 August 2020, available at: <https://www.middleeastmonitor.com/20200824-irans-increasing-reliance-on-china/>.
71. Omid Shokri Kalehsar, 'China and Iran's strategic partnership: a zero sum game?' The New Arab, 09 July 2020, available at: https://english.alaraby.co.uk/english/indepth/2020/7/9/china-and-irans-strategic-partnership-a-zero-sum-game?fbclid=IwAR2-pvHOb-MuGvZSDWtq0vUPyGKloWuaMyOSXGPRsGX41K_oITKsuW2aBA4A.
72. Roman Muzalevsky, 'China-Kyrgyzstan-Uzbekistan railway scheme: fears, hopes and prospects', Eurasia Daily Monitor, Vol. 9, Issue 102, The Jamestown Foundation, 30 May 2012, available at: <https://jamestown.org/program/china-kyrgyzstan-uzbekistan-railway-scheme-fears-hopes-and-prospects/>.
73. Saeid Jafari, 'Where does Iran stand in the India-China regional rivalry?', Responsible Statecraft, 13 August 2020, available at: <https://responsiblestatecraft.org/2020/08/13/>

- where-does-iran-stand-in-the-india-china-regional-rivalry/.
74. Shahram Akbarzadeh and Mahmoud Pargoo, 'Iran-China deal raises more questions than answers', Middle East Institute, 27 July 2020, available at: <https://www.mei.edu/publications/iran-china-deal-raises-more-questions-answers>.
75. Simon Watkins, 'China inks military deal with Iran under secretive 25-year plan', OilPrice.com, 06 July 2020, available at: <https://oilprice.com/Energy/Energy-General/China-Inks-Military-Deal-With-Iran-Under-Secretive-25-Year-Plan.html>.
76. Stephen Frederick Starr, Svante E. Cornell and Nicklas Norling, 'The EU, Central Asia, and the Development of Continental Transport and Trade', Silk Road Paper, Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program – A Joint Transatlantic Research and Policy Center, Johns Hopkins University-SAIS, Institute for Security and Development Policy, December 2015, available at: <http://www.silkroadstudies.org/resources/2015-starr-cornell-norling-eu-central-asia-continental-transport-and-trade.pdf>.
77. Syed Fazl-e-Haider, 'INSTC vs. BRI: the India-China competition over the Port of Chabahar and infrastructure in Asia', China Brief, Vol. 19, Issue 21, The Jamestown Foundation, 10 December 2019, available at: <https://jamestown.org/wp-content/uploads/2019/12/Read-the-12-10-2019-CB-Issue-in-PDF.pdf?x59261>.
78. 'Tajikistan looking forward to North Corridor operation', European Dialogue, 19 June 2015, available at: <http://eurodialogue.eu/Tajikistan%20looking%20forward%20to%20north%20corridor%20operation>.
79. Vali Nasr and Ariane Tabatabai, 'China plays the Iran card', Project Syndicate, 29 July 2020, available at: https://www.project-syndicate.org/commentary/china-iran-deal-implications-for-us-foreign-policy-by-vali-nasr-and-ariane-tabatabai-2020-07?fbclid=IwAR0F4g-wCEMDT_YrRlReV9wOb6ETEjxyuozi7NeQaWZ7sl8iuif7HeFULok.

Информация об авторе

Ph.D. (история) **Арутюнян Агавни Александровна** ведущий науч. сотрудник Отдела Международных отношений

Института Востоковедения Национальной Академии Наук Армении

aghavni.harutyunyan1@gmail.com

Information about the Author

Aghavni A. Harutyunyan Ph.D. in History,

Leading Researcher at the Department of International Relations,

the Institute of Oriental Studies,

National Academy of Sciences of Armenia.

aghavni.harutyunyan1@gmail.com

Статья одобрена рецензентами: 30.04.2021

Статья принята к публикации: 11.05.2021

Reviewed: 30.04.2021

Accepted: 11.05.2021

**Evolution of the Chinese economic security doctrine
from 1949 to the XXI century**

**Эволюция китайской доктрины экономической безопасности
с 1949 по XXI век**

Youji Paolo Nicolás Takayama Constantini

Kazan Federal University

ntakayamac@gmail.com

DOI: 10.24412/2686-9675-2-2021-243-255

АННОТАЦИЯ

В данной статье представлено описание эволюции экономической безопасности в Китайской Народной Республике и ее особенностей в современном столетии. Исследовательская работа ориентирована на разработку краткой, но исчерпывающей характеристики объекта исследования, разделенной на две части: 1. Краткое определение экономической безопасности, 2. Эволюция доктрины экономической безопасности Китайской Народной Республики и 3. Современное состояние экономической безопасности этой страны в XXI веке. В статье также дается краткое описание концепций экономической безопасности, принятых странами Восточной Азии, и взаимосвязи между экономической безопасностью и протекционизмом, которые являются тесно связанными концепциями. Наконец, конечная цель этой исследовательской работы состоит в том, чтобы предложить краткую теоретическую основу об основах и приоритетах, которые принимаются во внимание в процессе принятия решений Китайской Народной Республикой.

Ключевые слова: Экономическая безопасность, Китай, протекционизм, экономическая доктрина Китая, развитие.

ABSTRACT

This article presents a description of the evolution of economic security in the People's Republic of China and its characteristics in the present century. The investigation work is focused on the development of a brief, but exhaustive characterization of the object of study, divided into two parts: 1. Brief definition of economic security, 2. Evolution of the economic security doctrine of the People's Republic of China and 3. The current situation of the economic security of this country in the XXI century. The article also offers a brief description of the concepts of economic security accepted by the countries of East Asia and the relationship between economic security and protectionism, which are closely related concepts. Finally, the ultimate goal of this investigation work is to offer a concise theoretical basis about the foundations and priorities that are taken into account in the decision-making process of the People's Republic of China.

Keywords: Economic security, China, Protectionism, China's economic doctrine, development.

Для цитирования: Такаяма К. *Эволюция китайской доктрины экономической безопасности с 1949 по XXI век.* Современные востоковедческие исследования. 2021; 3(2): 243-255.

For citation: Takayama K. *Evolution of the Chinese economic security doctrine from 1949 to the XXI century.* Modern Oriental Studies. 2021; 3(2): 243-255.

1. INTRODUCTION

The rapid economic development of the People's Republic of China over the past 40 years requires a detailed analysis of the basic values considered for proper planning with results not only at the economic level, but also at the social, political, military and even environmental levels.

However, this growth, which was uncontrollable at the beginning, stems from an old planning structure with the State as a fundamental actor and motor to concretize the development of the Chinese economy based on the interests of the country and its own citizens.

Consequently, the purpose of this research is to provide a detailed description and analysis of the stages of development of the economic security doctrine of the People's Republic of China: how it was born and intensified with the dissolution of the USSR in 1992, and currently covering big projects like the Silk Road.

2. METHODS

This research work comprises four methodological pillars: The descriptive method, which will provide a detailed and exhaustive knowledge about the reality of the object of study through the study of the information provided by other authors. This method also requires a rigorous interpretation of the information presented according to the formal criteria of the science to be treated; in this case, the political economy. The systemic method will allow to identify the different elements of the concept of economic security and establish an order that facilitates the analysis of subsequent case studies. The periodization method will clearly define each of the stages of development of the economic security of

the People's Republic of China, establishing a broader panorama of the historical reality of the evolution of this doctrine. The comparative-historical method will facilitate the analogical, differentiating and / or antagonistic search of the different stages of the economic security doctrine of the People's Republic of China.

The implementation of these methods as a whole will allow a holistic study of the object of study and will define the theoretical framework on which the information and interpretation obtained will be presented. In turn, it will establish a fundamental basis for the evaluation of particular cases in the future.

3. RESULTS AND DISCUSSION

To understand the concept of economic security, it is essential to understand the idea of "security", which evokes in the person the feeling of belonging, stability and direction, and whose sphere of influence fundamentally covers the political, economic, social and technological sphere. Security provides man, as a social being, with a purpose and a scale of values in the face of risk. Its antithesis, insecurity, leads to an excess of individualism, opportunism and irresponsibility that, consequently, ends up causing inequality and marginalization on different scales. (International Labor Office, 2004) Security is, therefore, a multidimensional system that can only be defined considering its different dimensions and their interaction between them to face risks or threats that endanger the sustainable development of the existence of the individual and, therefore, of the society. Its direct institutional representation at the state level is "national security", which encompasses five essen-

tial dimensions: military dimension, informatics dimension, environmental dimension, economic dimension, and political dimension. Studying one dimension in particular requires that the others be considered as well, since they are all complementary and the weakness of one represents the weakness of the system as a whole. (Dr.Csath, et al., 2019) Given the exorbitant economic growth of the Chinese economy and its emergence as a nascent pole of power and influence in the world, it is imperative to study the evolution of its doctrine in the area of its national security; in this particular investigation, in its doctrine of economic security. Economic security is a form of security that arises from the dangers that come from a comprehensive global market (globalization) and its priority is the defense of fundamental economic values. This is achieved through political mechanisms based on human rights, in social welfare systems, and in a correct and modern institutional framework, which must guarantee minimal damage in the face of threats, both external (for example, economic sanctions, unfair competition and abusive, subsidies or dumping) as internal (for example, revolts, policies that limit human rights or the absence of institutions or groups for the representation of the majority). (Nesadurai, 2006)

It is important to establish basic mechanisms of economic security in every State, since these guarantee "minimum" conditions to live with dignity, respecting fundamental human rights and establishing a society of good living. To establish these mechanisms it is necessary to recover and promote collective action, cooperation based on common objectives to achieve a joint vision: the development of society.

The lack of these basic mechanisms leads to a degree of insecurity that plunges society into opportunism, irresponsibility, lack of moderation, lack of tolerance and violence, where those who possess and monopolize more resources are usual-

ly more favored, leaving a space for marginalization and the subsequent "retributive justice" (violent actions of the marginalized classes against elites in the long term). (International Labor Office, 2004)

Being clear about the concept of economic security, one can proceed to answer the question: How has economic security evolved in the People's Republic of China? To understand the beginnings of this doctrine, it is necessary to establish clear historical parameters.

After the collapse of the Qing dynasty (1644-1911), whose government left the nation in political and economic stagnation, along with drastic inequality and famine, a political-economic revolution began in China accompanied by modern industrial development, as well as the development of communication and transportation channels. After a total political fragmentation and a civil war, the Nationalist Party (Guomindang) reached a consensus in the nation, thus beginning the period of a "nationalist China", which lasted for a short period of 10 years (1927-1937). After this brief period of peace, the war against Japan began (1937) and accompanied by the Second World War (1939). The war against Japan greatly weakened the nationalist coalition, whose army after 1945 faced the communist army in a civil war, with the Communist Party winning. Thereafter, the period of "Popular China" began in 1949, which represents a great divide in Chinese history and a turning point towards political (towards socialism) and economic change (rapid, rapid and modern growth, unprecedented in history). (Naughton, 2007). With the beginning of the period of Popular China, under the mandate of Mao Zedong, the medium-term economic and social plans called "Five-Year Plans" began, which originated in the Soviet Union as an instrument of centralized planning for strategic and of economic policy (Antuña S., 2016). Therefore, to understand the evolution of the economic

security of the People's Republic of China, the evolution of the five-year plans must be understood, since these are instruments that define the security mechanisms for economic development and the

economic values indispensable for the country's economy.

N° Plan	Objectives	Results
I (1953-1957)	Concentrate the main resources on industrial development with the help of the USSR and carry out a socialist transformation in agriculture, crafts, industry and private businesses.	<p>All planned investment projects were fulfilled and the fundamental basis of relations of socialist production (nationalization of main industries, banking centers and wholesale trade) was established.</p> <p>Problems: The development of agriculture did not go hand in hand with industrial development and the socialist transformation in a hasty and intense way brought with it financial problems.</p>
II (1958-1963)	Continue with the development of heavy industry (for the technical transformation of the national economy) and with the socialist transformation, through the improvement of the collective property system, infrastructure, commerce, transportation, the material and cultural standard of living of the population (education and scientific research to adapt to the needs of socialist development).	<p>Significant increase in industrial production. Significant migration of workers from the agricultural sector to the industrial sector. Many industries merged with smaller ones.</p> <p>Problems: Financial difficulties due to excessive production. In 1960 the numbers and targets had to be readjusted: the Chinese economy could not continue to grow as originally planned in this plan.</p>

N° Plan	Objectives	Results
Crisis (1963-1965)	Planning errors in the Second Five-Year Plan, together with a series of natural disasters that lasted for three years (1959-1961), caused the "Great Chinese Famine", a widespread famine crisis with a result of 25 to 30 million dead.	
III (1966-1970)	Solve problems with food, clothing and articles of use; increase the quality and variety of production, guiding it towards a greater degree of self-sufficiency in the national economy and hand in hand with the development of the sectors mentioned in the II Plan, thus representing a point of gravity and proportionality.	All objectives were met. Transportation infrastructure (railways, highways, and ports) was greatly improved. Agriculture, national defense and the beginnings of innovation were improved. Problems: Rapid and uncontrolled growth that would bring negative longterm consequences.
IV (1971-1975)	Continue the development of industry, agriculture and infrastructure based on high objectives to be achieved.	Many of the proposed objectives were met and exceeded. Growth of industry and agriculture of more than 12% annually.
V (1976-1980)	Achieve new indices of industrial and agricultural development. The industrial system and the economic system were reformed on the basis of "indicative planning" (trying to meet the objectives as well as possible, without having to run without control for it).	The government presented new principles of "readjustment, reform, rectification and improvement" that allowed a balanced growth of the national economy. Problems: In the first years, there was uncontrolled growth and structural imbalances, which required a reform of the economic system.

N° Plan	Objectives	Results
<p>VI (1981-1985)</p>	<p>Projected industrial and agricultural growth at 5% annually; develop the scientific and technological base for the creation of new technologies; economic efficiency to increase government revenues and achieve stable fiscal balances and debts; foreign capital and its technology were allowed in; supply and demand for products were leveled; energy saving; transportation and communications development; environmental Protection; national defense.</p>	<p>It was the most complete five-year plan and with worldwide recognized achievements: An increase of more than 11% in agricultural and industrial production was achieved, as well as an annual 10% in GDP along with stable fiscal accounts. New international relations and a new approach to foreign trade and technological exchange. Important advances in the field of infrastructure and technological innovation.</p> <p>Problems: Too much investment in fixed assets, vertiginous increase in consumption and monetary issue.</p>
<p>VII (1986-1990)</p>	<p>Maintain market equilibrium, fiscal stability and a coordinated drive between efficiency and economic growth; intensification of commercial and technological exchanges; continue to improve the standard of living and build socialist civilization; readjustments in the investment and impulse structure of the energy, communications and telecommunications industries.</p>	<p>Stable growth was reached with an average of 8% per year and adjustments in the economic field continued to reform the inconveniences caused by uncontrolled growth in previous periods. Compulsory education began to be established.</p>

N° Plan	Objectives	Results
VIII (1991-1995)	<p>Maintain stable economic growth; intensify foreign trade; priority in the technical and competitive development of the different industrial sectors; execution and start-up of infrastructure, transportation, energy, and communications projects; continue with the reforms in the economic structure.</p>	<p>A historic milestone in China's development history was reached: Stable economic growth of 11% per year with GDP in 1995 that was 4.5 times higher than in 1980 (initially projected for 2000). A new finance system (with fiscal decentralization) and a new tax system (with value added tax as priority) were established. The economy had as its main body the public sector in key sectors and the role of the market as a resource distributor was reinforced. China is ranked 11th in the world for the volume of imports and exports.</p>
IX (1996-2000)	<p>Increase in GDP to mitigate the negative effects of population expansion; Improve the quality of life of the population; modernization of the economic system.</p>	<p>Poverty was reduced and modestly stable living standards were achieved; Companies were modernized and the economic system of the socialist market was established.</p>

N° Plan	Objectives	Results
<p>X (2001-2005)</p> <p>XI (2006- 2010)</p>	<p>7% annual increase in GDP; optimization and updating (with informatics) of the economic (industrial and international competitiveness) and social (access to IT) sectors. Even greater increase in infrastructure and urbanization. Scientific-technical and technological research with a participation of 1.5% of GDP and intensifying compulsory education. Improving the quality of life and protecting the environment. For the XI: Intensify the previous objectives with a greater focus on social welfare and the environment. Now all objectives were divided into "indicative" and "mandatory".</p>	<p>In the X plan, 14 of the 22 planned objectives were met. GDP grew at almost a 10% annual rate. Public services (sanitary, cultural, minimum vegetative areas, public order, telecommunications, among others) were improved. In the XI plan, 20 of the 23 planned objectives were met. More than 60% of these objectives were oriented to social welfare and the environment. GDP reached an average annual growth of 11.23%.</p>
<p>XII (2011-2015)</p>	<p>Due to the 2008 crisis, the objectives followed the same approaches as the previous plans but with the difference that they were now aimed at building an economy that did not depend excessively on external demand (as well as on foreign capital).</p>	<p>GDP grew an average of 6.9% and GDP per capita, 7.4% (both well above the global average ate). The quality of life improved markedly: Employment remained stable and unemployment in a range of 4%; poverty was reduced. Innovation and the technology industries and manufacturing equipment grew enormously and played a fundamental role in maintaining stable employment.</p>

N° Plan	Objectives	Results
<p>XIII (2016-2020)</p>	<p>Priority to economic growth supported by increased public investment, advancement of advanced technology and industrial development, and private investment; carry out structural reforms due to the overcapacity present in various sectors; Accelerating the transformation of development engines now based on innovation (large-scale foreign investment and export will take a back seat).</p> <p>Axes of development of the plan:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Innovation and new technologies. - Coordination and regional integration in the country. - Sustainable development. - International opening. - Shared social benefits. <p>The most favored sectors will be: agriculture, environment and renewable energy, internet, robotics, infrastructure, aerospace industry, public and financial services, biotechnology and health, tourism, culture and entertainment.</p>	

Таблица 1: Пятилетки КНР

Источник: Antuña S. (2016); Central Committee of the Communist Party of China (2015); China Internet Information Center (2006); Naughton, B. (2007).

Table 1: Five-year plans of the People's Republic of China.

Source: Antuña S. (2016); Central Committee of the Communist Party of China (2015); China Internet Information Center (2006); Naughton, B. (2007).

The following is a table with China's five-year plans throughout its republican period with their respective objectives and results:

Table 1 clearly shows development patterns that change according to the priorities or fundamental values on which the country's economy is supported. In the 1st and 2nd Plan, the priority is to establish relations of socialist production through the nationalization of industries, focus on the development of heavy industry and agriculture, and construction of infrastructure for transportation and communications.

After the Great Famine, China realized that

economic development was not only important in the development of heavy industry, but also in consumer goods (especially clothing and food). For this reason, starting with the 3rd Plan, self-sufficiency was taken into consideration; Furthermore, until the 4th Plan, the first steps were taken for national defense and innovation; however, they were not yet able to control overproduction caused by excessively rapid economic growth.

From the 5th Plan, and with Mao Zedong's departure from the presidency (1973), the periods of reform began and the objectives would become a guide towards which to approach as best as possible and no longer a goal of strict compli-

ance (indicative planning) and, in the 6th Plan, the opening to foreign capital began, trade intensified and the issue of environmental protection began to be addressed. From the 5th to the 7th Plan, the priorities continued to be the development of industry and agriculture, but maintaining stable growth, constantly comparing them with that of other sectors such as transport and communications infrastructure, technology and adequate fiscal stability. and mercantile.

With the 8th Plan, perhaps the most important and with world-renowned results, China boosted itself on the international stage as an emerging commercial power, demarcating a line of development that would extend until the 11th Plan, based on industrial competitiveness, scientific competitiveness -technique and foreign trade with significant investment in key sectors such as infrastructure and energy; all without neglecting the standard of living and the cultural level of the population (always adapting it to the demands of the accelerated growth of the economic system of the socialist market).

Finally, with the crisis of 2008 and from the 12th Plan, the direction of the economy takes a more independent course from external demand and points to self-sustainability and “focuses its attention on innovation as a vital element for the transformation of the economy of the country”.

It is important to highlight that China develops long-term economic projects in parallel with the five-year plans; for example:

– Along with the 9th Five-Year Plan, the first medium and long-term plan based on the socialist market economy was also approved: the “Long-term plan until 2010” (1995). This plan envisaged doubling the GDP of the year 2000 by 2010. The final result was not a doubling, but a quintupling of the GDP for the year 2010. And currently, together with the 13th Plan, the long-

term plan called “Made in China 2025” (2015), which is the first phase of a strategy planned for 30 years that includes: “reducing development differences with other countries (2025), maintaining the position (2035) and leading innovation (2045)”. Made in China 2025 aims to make China the world's leading technological power through the implementation of policies to restructure the manufacturing industry aimed at “innovation, intellectual property and sustainable development”. (Gómez P., 2016);

– During the course of the 9th Five-Year Plan, the “New Security Concept” was also implemented in China, which included a win-win diplomacy (maximize benefits without harming the other) and identified 5 types of security: economic, military, political (regime), social-environmental and scientific-technological. China, of course, regards economic security as the highest priority in the post-Cold War period (Kumar, 2012). On the other hand, military power will be used strictly in defense scenarios, self-defense with immediate response to an attack, and active defense (The State Council Information Office of the People's Republic of China, 2019).

– China is currently implementing the “One Belt, One Way” initiative. This is an ambitious project consisting of two parts: The Silk Road and the Sea Route. Both consist of the participation of more than 60 countries (Europe, Russia, the CIS, the countries of the Near and Middle East, the ASEAN countries) with a total of 4.4 billion people and with the aim of developing infrastructure logistics (transportation and communications) to improve the flow of supplies, migration and tourism flows, information exchange, research and technology, among others. With this initiative, China does not impose any ideology or changes in economic policy, but an opportunity for the mutual economic development of the participating countries. (Виноградов, 2018)

The “Road and Bealt” initiative is a response from China to its excessive industrial capacity in some sectors and to the Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP) proposed by the US. (Kostecka-Tomaszewska, 2018) The economic security of the People's Republic of China is threatened by the consequences of globalization and the values that it defends focus mainly on the strength and integrity of the State through zero-sum negotiations. (Zha, 1999) Kostecka-Tomaszewska (2018) argues that economic security is the ability of an economy to grow in a stable manner and in turn create favorable conditions for the “widely understood” well-being of its citizens and, furthermore, argues that this must be done "Under the conditions of free trade and the free movement of factors." On the other hand, the former president of the Republic of Ecuador, Correa, R. (2012) affirms that free trade is an “extreme fallacy, closer to religion than to science and that it does not resist even the slightest theoretical analysis. " In this sense, he maintains that trade with countries of the same level of development is beneficial; but a free trade agreement with countries with a higher level of productivity and competitiveness leads the country towards a degradation of its productive base and, in the case of underdeveloped countries, a setback to the agro-export model.

4. CONCLUSIONS

The economic security doctrine of the People's Republic of China begins with the establishment of the Communist Party in 1949 and the development of five-year plans on the basis of socialist relations of production. From the beginning, its economic values focused on economic development with the State as the main planner, support and supervisor of all economic, political and social activity in the country. Currently, its doctrine along with its economic activity itself is being redirected

towards a development based on the industry of innovation and science, as well as self-sufficiency.

Литература

1. Antuña S., G. (2016). 13° Plan Quinquenal de la República Popular China. Pekín: ICEX España Exportación e Inversiones. <https://www.icex.es/icex/es/navegacion-principal/todos-nuestrosservicios/informacion-demercados/paises/navegacion-principal/elmercado/estudios-informes/DOC2016672545.html?idPais=CN>
2. Banco Mundial. (2018). Crecimiento del PIB (% anual) - China. Retrieved May 16, 2020, from Banco Mundial: <https://datos.bancomundial.org/indicador/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=CN>
3. Central Committee of the Communist Party of China. (2015). The 13th Five-Year Plan for economic and social development of The People's Republic of China (2016-2020). Beijing: Compilation and Translation Bureau.
4. China Internet Information Center. (2006). Diez planes quinquenales de desarrollo económico y social de la Nueva China. Retrieved May 06, 2020, from IV Sesión de la X APN y IX Sesión del X Comité Nacional de la CCPCh: <http://spanish.china.org.cn/spanish/222422.htm>
5. Correa, R. (2012). Ecuador: De Banana Republic a la No República. Bogotá: Random House Mondadori S.A.
6. Dr.Csath, M., Fási, C., Nagy, B., Pálfi, N., Taksás, B., & Vinogradov, S. (2019). Soft Factors of Economic Security. Academic and Applied Research in Military and Public., 117-129.
7. Gómez P., E. (2016). Plan Made in China 2025. Pekín: ICEX España Exportación e Inversiones.

8. International Labour Office. (2004). *Economic Security for a Better World*. Geneva.
9. Kostecka-Tomaszewska, L. (2018). Economic security of China in 21st century: SWOT analysis. En D. a. Agency, *Economic and Social Development: Book of Proceedings* (págs. 486-496). Varazdin: Varazdin.
10. Kostecka-Tomaszewska, L. (2018). Economic security of China: the implications of the belt and road initiative. *Óptimo. Estudios Económicos*, 166-182.
11. Kumar, A. (2012). *New security concept of China*. Retrieved May 06, 2020, from Institute of Peace and Conflict Studies: www.jstor.org/stable/resrep09340
12. Naughton, B. (2007). *The Chinese economy: transitions and growth*. Massachusetts: MIT Press.
13. Nesadurai, H. E. (2006). *Globalisation and Economic Security in East Asia: Governance and Institutions*. New York: Routledge.
14. The State Council Information Office of the People's Republic of China. (2019). *China's national defence in the new era*. Beijing: The State Council Information Office of the People's Republic of China. Obtenido de http://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201907/24/content_WS5d3941ddc6d08408f502283d.html
15. Zha, D. (1999). Chinese considerations of "economic security". *Journal Of Chinese Political Science*, 69-87.
16. Виноградов, И. (2018). Эволюция геополитической стратегии Китая на рубеже XX-XXI вв. *ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы*, 75-85.

References

1. Antuña S., G. (2016). 13º Plan Quinquenal de la República Popular China. Pekín: ICEX España Exportación e Inversiones. <https://www.icex.es/icex/es/navegacion-principal/todos-nuestrosservicios/informacion-demercados/paises/navegacion-principal/elmercado/estudios-informes/DOC2016672545.html?idPais=CN>
2. Banco Mundial. (2018). *Crecimiento del PIB (% anual) - China*. Retrieved May 16, 2020, from Banco Mundial: <https://datos.bancomundial.org/indicador/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=CN>
3. Central Committee of the Communist Party of China. (2015). *The 13th Five-Year Plan for economic and social development of The People's Republic of China (2016-2020)*. Beijing: Compilation and Translation Bureau.
4. China Internet Information Center. (2006). *Diez planes quinquenales de desarrollo económico y social de la Nueva China*. Retrieved May 06, 2020, from IV Sesión de la X APN y IX Sesión del X Comité Nacional de la CCPPCh: <http://spanish.china.org.cn/spanish/222422.htm>
5. Correa, R. (2012). *Ecuador: De Banana Republic a la No República*. Bogotá: Random House Mondadori S.A.
6. Dr. Csath, M., Fási, C., Nagy, B., Pálfi, N., Taksás, B., & Vinogradov, S. (2019). *Soft Factors of Economic Security*. *Academic and Applied Research in Military and Public.*, 117-129.
7. Gómez P., E. (2016). *Plan Made in China 2025*. Pekín: ICEX España Exportación e Inversiones.
8. International Labour Office. (2004). *Economic Security for a Better World*. Geneva.

9. Kostecka-Tomaszewska, L. (2018). Economic security of China in 21st century: SWOT analysis. En D. a. Agency, Economic and Social Development: Book of Proceedings (págs. 486-496). Varazdin: Varazdin.
10. Kostecka-Tomaszewska, L. (2018). Economic security of China: the implications of the belt and road initiative. *Óptimo. Estudios Económicos*, 166-182.
11. Kumar, A. (2012). New security concept of China. Retrieved May 06, 2020, from Institute of Peace and Conflict Studies: www.jstor.org/stable/resrep09340
12. Naughton, B. (2007). *The Chinese economy: transitions and growth*. Massachusetts: MIT Press.
13. Nesadurai, H. E. (2006). *Globalisation and Economic Security in East Asia: Governance and Institutions*. New York: Routledge.
14. The State Council Information Office of the People's Republic of China. (2019). China's national defence in the new era. Beijing: The State Council Information Office of the People's Republic of China. Obtenido de http://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201907/24/content_WS5d3941ddc6d08408f502283d.html
15. Zha, D. (1999). Chinese considerations of "economic security". *Journal Of Chinese Political Science*, 69-87.
16. Vinogradov, I. (2018). Evolyuciya geopoliticheskoy strategii Kitaya na rubezhe XX-XXI vv. *LOKUS: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly*, 75-85.

Информация об авторе

Такаяма К.Ю.П.Н.

Казанский федеральный университет
420008, Казань, ул. Кремлёвская 18

Россия

ntakayamac@gmail.com

Information about the Author

Takayama Constantini, Youji Paolo Nicolás

Kazan Federal University

420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18

Russia

ntakayamac@gmail.com

Статья одобрена рецензентами: 30.04.2021

Статья принята к публикации: 11.05.2021

Reviewed: 30.04.2021

Accepted: 11.05.2021

Iranian-Ottoman influence on Tatar jewelry: forms and techniques

Ирано-османское влияние на ювелирное дело татар: формы и техники

Валеев Рафаэль Миргасимович,

д.и.н., профессор¹

¹Российская Федерация, г. Казань, ИМО КФУ

Рашитов Данил Дамирович^{2,3}

²КазГИК, ³СДС "ЮвелирПромЭксперт"

ascaniokazan@gmail.com

DOI: 10.24412/2686-9675-2-2021-256-261

АННОТАЦИЯ

Статья рассматривает влияние Османской империи и Ирана на ювелирное дело татар Поволжья с XI и по XX века. Рассмотрены основные сходства в технологических и технических аспектах ювелирного дела, а также в использовании материалов. Предложены гипотезы возникновения новых стилистических направлений в ювелирном деле татар, импульс которым был исторически задан в более раннем историческом периоде.

Ключевые слова: ювелирное дело татар, ислам, культура, филигрань, шамаиль, глиптика.

Для цитирования: Валеев Р.М., Рашитов Д.Д. *Ирано-османское влияние на ювелирное дело татар: формы и техники*. Современные востоковедческие исследования. 2021; 3(2): 256-261.

ABSTRACT

The article examines the influence of the Ottoman Empire and Iran on the jewelry business of the Volga Tatars from the 10th to the 20th centuries. The main similarities in the technological and technical aspects of jewelry, as well as in the use of materials are considered. Hypotheses of the emergence of new stylistic trends in the jewelry business of the Tatars, the impulse of which was historically given in an earlier historical period, are proposed.

Keywords: jewelry making of the Tatars, Islam, culture, filigree, shamaile, glyptics.

For citation: Valeev R.M., Rashitov D.D. *Iranian-Ottoman influence on Tatar jewelry: forms and techniques*. Modern Oriental Studies. 2021; 3(2): 256-261.

Татарская культура в контексте влияния соседних народов и государств является ярким примером поликультурной преемственности. Это проявляется как в духовной культуре, так и в материально-культурных аспектах татарского народа. При рассмотрении материальной культуры отдельного внимания требует изучение ювелирного дела татар, а также ювелирные элементы, используемые в национальном костюме. По нашему мнению, основной причиной влияния Османской империи и Ирана на духовную и материальную культуру является общая религия – ислам. Особенно это наблюдается в период XIX и начала XX веков. Именно в этот период формируется татарская культура, в том виде, развитие которой мы можем наблюдать сегодня.

Рассматривая ювелирное дело, мы можем заметить, что в татарских украшениях, ярко выражены некоторые формы и техники, присущие Ирану. На наш взгляд выразительным примером может служить техника глиптики (гравировка по драгоценному камню). Татарские ювелиры переняли не только технику, но и материал — камень сердолик. Сердолик гранили как правило в плоскую или кабошоновую огранку, обрамляли в основном в перстни, бляхи и броши, также использовали и другие камни, такие как бирюза, но значительно реже сердолика. На сердоликовых вставках гравировались, как правило, благожелательные надписи на арабском, изречения из Корана, также тугры или имена владельцев украшения. Перстни являлись преимущественно мужскими украшениями, закрепленный в перстень сердолик с высеченными письменами выполнял функцию современной печати. Сравнивая украшения Ирана и татар, заметны технические сходства в применении камней огранки кабошон на чеканных пластинах, их закреплению в глухой каст. Отличительным техническим моментом явля-

ется то, что в иранских геммах текст зачастую бывает затонирован черным цветом, выемки заполняются смесью воска и туши, а в татарских старинных украшениях высеченные бороздки остаются естественного цвета (рис.1). Стоит отметить, что глиптика актуальна и в современном Иране, более того, тонирование текста также присутствует на современных работах камнерезов.

Рис.1 Сверху татарский перстень (НМРТ), снизу перстень из Ирана (www.afgan-bazar.ru)

Fig. 1 Top: Tatar ring (NMRT), bottom: ring from Iran (www.afgan-bazar.ru)

Сердолик имел большое значение в доисламской культуре предков татар. Интересное наблюдение делает в своем этнографическом исследовании Н. И. Воробьев: "Особенно часто встречаются амулеты из сердолика, которым нередко придается форма небольших каменных наконечников стрел — подражание т.н. громовым стрелкам, почитаемыми татарами в качестве амулетов. Встречаются амулеты и другой формы и вообще эта группа украшений очень расплывчата. Нацепляются подобные амулеты преимущественно на хаситэ — украшение в основе также ритуального значения" [1, С. 421]. Данные факты говорят еще о доисламской распространенности камня сердолик у древних предков татар. В данном случае можем сделать вывод, что традиции использования камня сердолик как священного для мусульман переходит в обиход татар-мусульман, также в нем заметны отголоски

почитания языческих богов, но уже не в качестве религиозного контекста, а исключительно народной обрядовости и в поверьях, или как проявление народного суфизма. [2]

Ярким примером влияния иранского ювелирного искусства служат многочисленные украшения в форме птиц, выполненных в филигранной технике и с применением зерни. Образ птицы в мусульманском мире является распространенным символом веры и повсеместно встречается в религиозных писаниях, а также во многих видах декоративного искусства. Булгарские образцы подобных украшений, датированные X-XII веками удивительно похожи на изделия Ирана того же периода. Схожесть иранских и болгарских птиц прослеживается не только в технико-технологических аспектах, но и в форме изделия, а также в композиционных решениях расположения декоративных элементов. Например, вставки в клюве птицы в виде зерна, форма тела и филигранные жгутики (рис. 2).

Схожими изделиями Булгар и Ирана являются бусы и ожерелья. Разновидность материалов, используемых в бусах велика, активно использовалось цветное стекло, агаты, сердолик, керамика. Формы и обработка бусин, также очень похожа — продолговатые и круглые формы, шлифованные до матового и прозрачного блеска.

Ювелирное искусство Османской империи славилось разнообразием техник и стилистических направлений. Стоит отметить, что сосредоточением изящных искусств и ремесел был султанский дворец, именуемый «Эхли Хиреф» (дословно — владеющие ремеслом). Ювелиры славились не только в Османской Империи, но и далеко за ее пределами, мастера исполняли украшения, которые в качестве подарков поставлялись в другие страны. Трудились не только мусульманские мастера, были также

Рис.2 Сверху Булгарская уточка (<https://ru-history.livejournal.com/4440382.html>), снизу Иранские птицы (<https://www.livemaster.ru/topic/101869-ukrasheniya-drevnego-irana-iz-kolleksii-patti-kadbi-berch-chast-2>)

Fig. 2 Top: Bulgar duck (<https://ru-history.livejournal.com/4440382.html>), bottom: Iranian birds (<https://www.livemaster.ru/topic/101869-ukrasheniya-drevnego-irana-iz-kolleksii-patti-kadbi-berch-chast-2>)

русские, армянские, албанские, черкесские и грузинские ювелиры [2]. Данная особенность

многонационального состава ювелиров говорит о хорошо налаженных торговых путях и традиционного метода заработка путем отходничества у ювелиров. Отходничество являлось для татарских ювелиров привычным делом, мы предполагаем, что под словом «русские» мастера предполагались мастера из Российской Империи в целом. Данную мысль можно подкрепить тем, что многие украшения татар и турков имеют стилистические пересечения в назначениях украшений, а также в аспектах используемых материалов. Это может говорить о некоторых заимствованиях татарских ювелиров у Османской империи. Примером могут служить монисто, которые активно использовались как турецкими женщинами, так и татарками. Использование Османской монеты и ее подражания в costume татар также значимо, вплоть до начала 20-х годов XX века [3]. Более того, спрос на арабграфические монеты был настолько велик среди татар и народов Туркестана, что в Крыму, Дагестане и даже в Москве на фабрике Кучкина на поток было поставлено тиражирование жетонов схожих с османской монетой [5]. Арабская графика привлекала татарских мусульманок на монетах, и если стоял выбор между российской и османской монетой, то предпочтение чаще отдавалось последней.

Много схожих технических моментов было замечено в филигранных украшениях, особенно яркое проявление прослеживается в украшениях конца XIX и начала XX веков. Примерами являются филигранные серьги, поясные застёжки, воротниковые подвески/застёжки (идентичные по формам).

Технология черни по серебру проявляется в татарских украшениях, особенно в браслетах, удивительно похожи методы замкового соединения (рис. 3).

Рис.3 Примеры украшений Османской империи схожих с татарскими (www.afgan-bazar.ru)

Fig. 3 Examples of ornaments of the Ottoman Empire similar to the Tatar ones (www.afgan-bazar.ru)

Рецепция образов и технологий происходила благодаря непрекращающейся торговле с мусульманскими странами [6, с. 131]. Косвенно на ювелирное искусство повлияло искусство шамаиля пришедшее в середине XIX века из Турции в Поволжье к татарам [4], [7]. Сюжеты шамаиля и каллиграфия оказали огромное значение на развитие религиозных украшений татар, которые тоже были унифицированы под традиционный стиль. Примером могут послужить тематические кулоны с изображением мусульманских символов — Каабы, мечетей, полумесяца. Популярны кулоны-таблички с мусульманскими молитвами, миниатюрные коранницы с печатным кораном внутри. Особенное развитие данное направление получило в конце 1980-х годов. А также переживает

перерождение в современности. Ювелирный шамаиль становится отдельным направлением в татарском ювелирном искусстве, свидетельствуя тому современные работы художников-ювелиров (рис.4).

Рис.4 Ювелирный шамаиль в эмалевой технике современного казанского дуэта «Райдо» 2020г.

Fig. 4 Jewelry shamaile in the enamel technique of the modern Kazan duo "Raido" in 2020.

ства идентичны турецким традициям.

ВЫВОДЫ

Изучив основные технико-технологические и культурные аспекты ювелирного дела Ирана, Османской империи и татар мы выяснили, что влияние данных государств на ювелирное искусство татар очень весомо. Несмотря на то, что татары Поволжья находились в Российской империи и развивались в поликультурном регионе, они имели сильные традиции исламской идентичности в ювелирном искусстве, которые перенимали от государств, где государственной религией являлся ислам. Также было выявлено, что татарские ювелиры не слепо копируют ювелирные изделия этих стран, а привносили свое видение изделий и уникальные народные формы, которые присущи только татарам Поволжья. Данные выводы позволят правильно интерпретировать культурные тра-

диции ювелирного искусства Татарстана в целях его возрождения [8], а также в целях защиты потребителей от исторических подделок [9].

Литература

1. Воробьев Н.И. Казанские татары (этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода). Казань: Татгосиздат, 1953. – 383 с.
2. Рашитов Д.Д. Традиции использования украшений и драгоценных металлов в обычаях, религии и фольклоре татар // Культура и искусство. [Электронный ресурс]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32186 (Дата обращения: 21.10.2020).
3. Ногманов Б. «Их нравы»: как турецкие султаны превратились в ювелиров. [Электронный ресурс] // <https://realnoevremya.ru/articles/76577-yuvelirnoe-delo-v-osmanskoj-imperii> (Дата обращения: 21.10.2020).
4. Шамсутов Р.И. Слово и образ в татарском шамаиле. – Казань: Татар.кн.изд-во, 2003. 199 с.
5. Арсюхин Е.В. Использование восточных монет в качестве украшений народами Российской империи в XVIII-XX вв. [Электронный ресурс] // <http://archeologia.narod.ru/doklad.htm> (Дата обращения: 21.01.2020).
6. Валеев Р.М. Формы развития торговли в Волжской Булгарии в IX — начале XV вв. // Вопросы истории, № 10 (4), 2020. С.130-136.
7. Валеев Р.М., Валеев Р.М., Моисеева Е.Н., Абидуллин А.М. Повседневная культура столицы Османской империи глазами европейских путешественников первой половины XIX в // Вестник КазГУКИ, № 1. – 2017. С.42-48.
8. Рашитов Д.Д., Лестев А.Е. Социально-культурная деятельность по возрождению национальных традиций ювелирного искусства в Республике Татарстан // Сборник мат.-ов международного саммита по культуре и образованию, посвящ-го 50-летию КазГИК. Казань: КазГИК, 2019. С. 53-56.
9. Кубрик К.Ю., Лестев А.Е. Оценка соответ-

ствия объектов социально-культурной деятельности в целях безопасности и защиты прав потребителей // Социально-культурная деятельность: векторы исследовательских и практических перспектив. – Казань: «Астор и Я», 2018. С. 138-141.

References

1. Vorobiev N.I. (1953) Kazan Tatars (ethnographic study of the material culture of the pre-October period). Kazan: Tatgosizdat, 1953. 383 p.
2. Rashitov D.D. (2020) - Traditions of using jewelry and precious metals in customs, religion and folklore of the Tatars // Culture and Art. - 0. - No. 0. DOI: 10.7256 / 2454-0625.0.0.32186 [Electronic resource] // https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32186 (Date of access: 21.10.2020).
3. Nogmanov B. "Their customs": how the Turkish sultans turned into jewelers. [Electronic resource] // <https://realnoevremya.ru/articles/76577-yuvelirnoe-delo-v-osmanskoj-imperii> (Date of access: 21.10.2020).
4. Shamsutov R.I. (2003) Word and Image in Tatar Shamail. - Kazan.: Tatar Publishing House, 2003. 199 p.
5. Arsyukhin E.V. The use of oriental coins as jewelry by the peoples of the Russian Empire in the 18th-20th centuries. [Electronic resource] // <http://archeologia.narod.ru/doklad.htm> (Date of access: 21.01.2020).
6. Valeev R.M. Forms of the development of trade in the Volga Bulgaria in the 9th - early 15th centuries. // Questions of history, No. 10 (4), 2020. P.130-136.
7. Valeev R.M., Valeev R.M., Moiseeva E.N., Abidullin A.M. Everyday culture of the capital of the Ottoman Empire through the eyes of European travelers of the first half of the 19th century // Bulletin of KazGUKI, No. 1. - 2017. P.42-48.
8. Rashitov D.D., Lestev A.E. Socio-cultural activities to revive the national traditions of jewelry art in the Republic of Tatarstan // Collection of materials of the international summit on culture and education, dedicated

to the 50th anniversary of KazGIK. Kazan: KazGIK, 2019. P. 53-56.

9. Kubrick K.Yu., Lestev A.E. Assessment of the conformity of objects of social and cultural activities for the purpose of safety and protection of consumer rights // Social and cultural activities: vectors of research and practical prospects. — Kazan: "Astor and Ya", 2018. P. 138-141.

Информация об авторе

Профессор, д.и.н. **Валеев Рафаэль Миргасимович**

Кафедра всемирного культурного наследия
Казанский федеральный университет
420008, Казань, ул. Кремлёвская 18
Россия

valeev_rm@inbox.ru

Рашитов Данил Дамирович

руководитель СДС "ЮвелирПромЭксперт", аспирант

Казанский государственный институт культуры

420059, Казань, Оренбургский тракт, 3
Россия

ascaniokazan@gmail.com

Information about Authors

Professor, Dr. Sc. **Rafael Valeev**

Department of World Cultural Heritage
Kazan Federal University

420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18
Russia

valeev_rm@inbox.ru

PhD student, **Danil Rashitov**

Kazan Institute of Culture

420059, Kazan, Orenburg tract, 3
Russia

ascaniokazan@gmail.com

Статья одобрена рецензентами: 30.04.2021

Статья принята к публикации: 11.05.2021

Reviewed: 30.04.2021

Accepted: 11.05.2021

The past, the present and the future of Vietnam's oil and gas industry

Прошлое, настоящее и будущее нефтяной и газовой промышленности Вьетнама

Чан Тху Тху Хоай, Лестев Антон Евгеньевич

Казанский национальный исследовательский технологический университет

Tranthuhoai101@gmail.com

DOI: 10.24412/2686-9675-2-2021-262-269

АННОТАЦИЯ

Добыча природного газа во Вьетнаме началась в июле 1981 г. на месторождении Tien Hai C, но только после 1995 г. она приобрела значительные промышленные масштабы. Нефтегазовая промышленность Вьетнама, представленная PVN, добилась больших успехов в разведке и добыче нефти и газа за счет привлечения иностранных нефтегазовых подрядчиков, содействия разведке и добыче нефти и газа. В своём регионе Вьетнам входит в список стран-экспортеров нефти в мире. Одновременно с этим Вьетнам старается повысить уровень науки, технологий, управления технологиями и администрирования, чтобы иметь возможность самостоятельно управлять крупномасштабными проектами со сложными геологическими и техническими условиями. В будущем нефтегазовая отрасль всегда будет ориентирована на развитие. Одной из целей развития отрасли и выполнения стратегии развития нефтяной промышленности Вьетнама является превращение Вьетнамской нефтегазовой группы в ядро объединенной группы вместе с Вьет-

ABSTRACT

Natural gas production in Vietnam began in July 1981 (Tiền Hải C field), but only after 1995 did it acquire significant industrial scale. Vietnam's oil and gas industry, represented by PVN, has made great strides in oil and gas exploration and production by attracting foreign oil and gas contractors, promoting oil and gas exploration and production. At home, Vietnam is included in the list of oil exporting countries. in the world, and at the same time help to raise the level of science, technology, technology, management and administration, in order to be able to independently manage projects, large-scale, complex geological and technical conditions. In the future, the oil and gas industry will always be development-oriented. Conversion of the Vietnamese Oil and Gas Group into a core group, together with the Vietnam National Petroleum Group and enterprises of all sectors of the economy, to effectively implement the Vietnam Petroleum Industry Development Strategy.

Key words: Vietnam industry, oil and gas production, history of the oil industry, Vietnam oil industry, PetroVietnam.

намской национальной нефтяной группой и предприятиями всех секторов экономики.

Ключевые слова: промышленность Вьетнама, добыча нефти и газа, история нефтяной отрасли, нефтяная отрасль Вьетнама, ПетроВьетнам.

Для цитирования: Хоай Ч.Т.Т., Лестев А.Е. *Прошлое, настоящее и будущее нефтяной и газовой промышленности Вьетнама*. Современные востоковедческие исследования. 2021; 3(2): 262-269.

For citation: Hoai Tr.T.T., Lestev A.E. *The past, the present and the future of Vietnam's oil and gas industry*. Modern Oriental Studies. 2021; 3(2): 262-269.

ВВЕДЕНИЕ

Нефтяная и газовая отрасль — ключевой сектор экономики страны, вносящий большой вклад в развитие Вьетнама. Нефтегазовая промышленность в целом и PetroVietnam (PVN) в частности всегда вносят значительный вклад в доход государственного бюджета, внося важный вклад в ежегодный рост ВВП Вьетнама.

На протяжении многих лет PVN всегда сохранял свою роль экономического лидера страны. PVN занимает важное положение, является важным острием вьетнамской экономики в процессе индустриализации и модернизации страны, ежегодно вносит в среднем 25-30% общих доходов государственного бюджета. Общий вклад государственных предприятий в ВВП страны составляет около 42%, при этом доля PVN составляет около 16-18% ВВП, что является самым высоким уровнем по сравнению со всей страной в период 2008-2015 гг. [2]

Вьетнамская нефтегазовая группа (PVN) в настоящее время сталкивается со многими трудностями из-за двойного эффекта эпидемии Covid-19 и падения цен на нефть (соответствующего снижению объемов добычи).

Соответственно, доходы и отчисления в государственный бюджет от добычи нефти и природного газа снизились [1]. Настоящая статья разъясняет трудности и проблемы нефтегазовой отрасли Вьетнама в настоящее время, а также в будущем.

ПРОШЛОЕ НЕФТЯНОЙ И ГАЗОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВЬЕТНАМА

Помимо большого месторождения Бач Хо, имеются и некоторые другие месторождения, такие как Руби, Су Ту Ден, Ранг Донг, которые выступают основными источниками сырой нефти. Некоторые месторождения были введены в эксплуатацию после 2010 года. На данный момент на всех месторождениях снизили добычу. В 2016 году внутренняя добыча конденсатной нефти достигла 15,2 млн тонн. Снижение цен на нефть с конца 2014 года напрямую повлияло на деятельность Petrovietnam по добыче нефти и газа как внутри страны, так и за рубежом. Некоторые нефтепромыслы в стране с небольшими уровнями добычи, такие как Дай Хунг, Сонг Док, Тханг Лонг — Донг До, Хай Су Ден — Хай Су Транг, Нам Ронг — Дои Мои в настоящее время с трудом стараются

поддерживать свои добывающие операции выше уровня безубыточности. Месторождения, эксплуатируемые за границей, такие, как алжирское и малазийское, имеют более низкую добычу, чем ожидалось, разработка месторождений в Перу и Венесуэле сталкивается со многими трудностями. Из-за глубокого падения цен на нефть, неблагоприятных колебаний инвестиционной среды добыча природного газа во Вьетнаме началась лишь в июле 1981 г. на месторождение Tien Hai C, но только после 1995 г. приобрела значительный промышленный масштаб за счет сбора попутного газа с месторождений в бассейне CL, а затем с месторождений природного газа в бассейне NCS, попутного газа в бассейне ML-TC на шельфе Восточного и Юго-Западного регионов [2].

По состоянию на декабрь 2016 года общий объем добычи газа составил 123,14 млрд кубометров газа. В настоящее время существующие запасы газа на некоторых месторождениях стремительно сокращаются (Лан Тай / Лан До, Ронг Дой Ронг / Дой Тай). Ожидается, что внутренние поставки газа позволят добавить ряд месторождений с большими запасами, таких как месторождение Ca Voi Xanh блок В 48/95 и 52/97 и месторождение Ca Rong Do. Однако прогресс в разработке и эксплуатации этих источников газа в настоящее время сталкивается со многими трудностями из-за их большого масштаба, требуемого высокого инвестиционного капитала, трудностей в ведении торговых переговоров и привлечении капитала. Ожидается, что с 2021 по 2023 год можно будет пополнить только внутренний рынок газа [2].

Успехи Vietnam Oil and Gas Group в нефтегазовом секторе с привлечением инвестиций от иностранных нефтегазовых подрядчиков в отечественный вьетнамский нефтегазовый сектор, развитие морских нефтегазовых место-

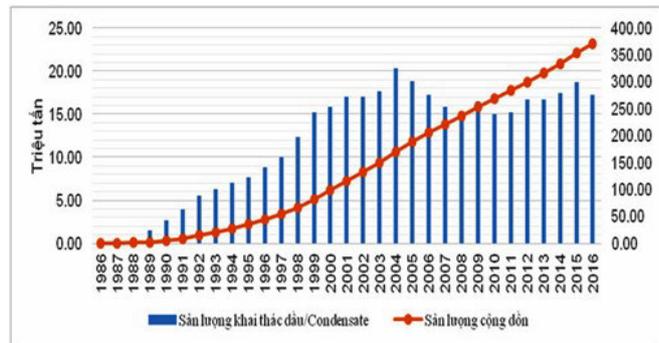

Рисунок 1. Годовой объем добычи сырой нефти во Вьетнаме с 1986 по 2016 гг.

Figure 1. Vietnam's annual crude oil production from 1986 to 2016

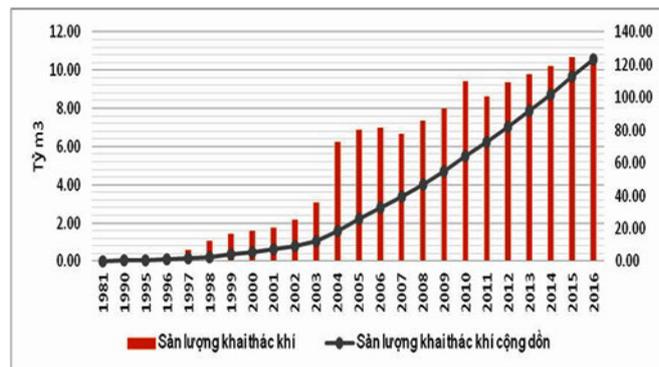

Рисунок 2. Годовой объем добычи газа во Вьетнаме с 1981 - 2016 гг.

Figure 2. Annual gas production in Vietnam from 1981 to 2016

рождений утвердили позицию Вьетнама в списке нефтедобывающих стран мира. Вьетнам достиг рубежа в 300 миллионов тонн добычи нефти на 15 ноября 2013 года. На настоящий момент он остается третьей страной в Юго-Восточной Азии по объемам добычи нефти и газа. В то же время, шаг за шагом выстраиваются отношения сотрудничества между нефтегазовыми компаниями и подрядчиками по обучению специалистов нефтегазовой отрасли Вьетнама в России, на Ближнем Востоке, в Южной Америке, Азиатско-Тихоокеанском регионе [2].

НАСТОЯЩЕЕ НЕФТЯНОЙ И ГАЗОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВЬЕТНАМА

Несмотря на двойное влияние цен на нефть и пандемии Covid-19, операторы все еще достигают плановых показателей добычи на 2020 г. Среди них есть выдающиеся операторы, которые работают достаточно эффективно, такие как: ВСП, Восточно-морская РОС, Роснефть и Kowloon JOC. Однако, поскольку в последние годы операторы не увеличивали запасы и не открывали новые месторождения, добыча постепенно снижалась.

Общий объем добычи нефти PVN в этом году оценивается в 11,47 млн тонн (внутренняя добыча - 9,65 млн тонн). Общие оставшиеся эксплуатируемые запасы нефти Вьетнама на сегодняшний день оцениваются в 400 миллионов тонн [3]. Общие эксплуатируемые запасы газа во Вьетнаме составляют около 150 млрд кубометров, в основном сосредоточены в бассейнах Куу Лонг (35 ÷ 40 млрд м3) и Нам Кон Сон (95 ÷ 100 млрд м3). Имеются надежды, что в будущем можно будет разведать и сбалансировать запасы на уровне 100 - 160 млрд м3 газа. Добыча газа в 2020 году оценивается примерно в 10,2 млрд м3 [1]. Между тем, инвестиционные затраты на разработку морских газовых месторождений, затраты на эксплуатацию транспортных трубопроводов (включая перегрузочные станции, газоперерабатывающие и газораспределительные заводы) приводят к недостаточной экономической эффективности, а экономия остается на невысоком уровне.

Что касается разработки новых месторождений, прибрежных нефтяных месторождений с низкой добычей (маржинальной) у Правительства не было исчерпывающего механизма разработки, текущая политика и механизмы создают много трудностей для реализации про-

екта. Поэтому развитие морской добычи практически не происходит.

В контексте внутренней и мировой ситуации существует много колебаний в экономическом росте, инвестиционной среде, международной интеграции, новых источниках энергии (сланцевый газ), резко упали цены на сырую нефть, что вызывает не мало трудностей и проблем для развития нефтяной и газоперерабатывающей промышленности Вьетнама. В частности, исчерпана конкурентоспособность с НПЗ в Азии. Налог на импорт постепенно возвращается к нулю в соответствии с обязательствами Вьетнама по интеграции в мировую экономику (ВТО, AFTA, TPP, ASEAN). Уровень нефтяной и нефтехимической интеграции очень низок по сравнению с миром (соотношение продуктов нефтехимии / переработки нефти НПЗ Dung Quat составляет 2,4%, а Nghi Son - 13%). Хотя продукты нефтехимии часто создают более высокую добавленную стоимость, чем переработка нефти, неустойчивость цен на исходные материалы и выпускаемую продукцию является одной из основных причин снижения эффективности завода по производству полиэфирного волокна Динь Ву.

Нефтегазовая промышленность Вьетнама, представленная PVN, добилась больших успехов в нефтегазовой инженерной деятельности, привлекая иностранных нефтегазовых подрядчиков, продвигая нефтегазовую инженерию в стране и привлекая специалистов во Вьетнам. В то же время PVN помогает повысить уровень науки, технологий, управления технологиями и администрирования, чтобы иметь возможность самостоятельно управлять крупномасштабными проектами со сложными геологическими и техническими компонентами (Hai Thach - Moc Tinh, Lot B 48/95 и 52/97) [2].

Что касается деятельности в секторе переработки и сбыта нефти, НПЗ Dung Quat Oil Refinery официально начал коммерческую деятельность с мая 2010 года, что ознаменовало синхронное и всеобъемлющее развитие нефтегазовой промышленности Вьетнама. До сих пор нефтегазовая промышленность Вьетнама осуществляет все виды деятельности в цепочке создания стоимости нефти и газа, включая разведку и добычу нефти и газа, газоэнергетическую промышленность, переработку нефти и газа, технические услуги в нефтегазовой сфере [2].

Дополнительные ресурсы для запасов нефти и природного газа Вьетнама ограничены, рискованны и политически чувствительны. В будущем вьетнамские нефть и природный газ можно будет разведывать только в глубоких прибрежных водах Восточного моря (исключительная экономическая зона). При этом прогнозы относительно потенциала нефти и газа за пределами континентального шельфа, а также в Восточном море все еще сильно разнятся. При нынешних темпах разведки и эксплуатации общие запасы природного газа (существующие и ожидаемые) во Вьетнаме смогут эксплуатироваться только в течение следующих 18-20 лет, а после 2020 года Вьетнаму придется импортировать дополнительный газ, чтобы покрыть дефицит в эксплуатации.

БУДУЩЕЕ НЕФТЯНОЙ И ГАЗОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВЬЕТНАМА

Нефтегазовые продукты являются не только источниками энергии, но и также имеют первостепенное значение для промышленности и сельского хозяйства. Оценка состояния ресурсов и высокий спрос на энергию по-прежнему будут драйверами роста и основной задачей для нефтегазовой компании.

В будущем нефтегазовая отрасль ориентирована на развитие. Согласно «Стратегии развития нефтегазовой промышленности Вьетнама до 2025 года и Ориентации до 2035 года», утвержденной Правительством в соответствии с Постановлением № 1748 / QD-TTg от 14 октября 2015 г. Правительство выразило точку зрения на развитие отрасли в следующих направлениях:

развитие Вьетнамской нефтегазовой группы в ключевую корпорацию вместе с Вьетнамской национальной нефтяной корпорацией и предприятиями экономического сектора;

- эффективная добыча вьетнамской нефти и необходимость разработки стратегия развития газовой отрасли;
- ориентация на разработку основных месторождений: поиск, разведка и разработка нефти и газа;
- газовая промышленность;
- переработка нефти и газа;
- хранение и распределение нефтепродуктов;
- нефтегазовые услуги, особенно высококачественные нефтегазовые технические услуги [2].

Согласно Стратегии развития нефтегазовой промышленности Вьетнама до 2025 года, общий нефтегазовый потенциал Вьетнама прогнозируется на уровне от 3,8 до 4,2 миллиарда тонн нефтяного эквивалента. В том числе около 1,4 — 1,5 млрд тон нефтяного конденсата и 2,4 — 2,7 трлн кубометров природного газа [3].

Ключевые проекты: торговые переговоры (контракт GTA, контракт GSA), государственная гарантия (GGU), соглашение о закупке электроэнергии (PPA) в цепочках двух проектов Blue Whale и Block B все еще продолжаются.

В соответствии с ожидаемым прогрессом, в первом квартале 2021 года вышеупомянутые переговоры будут завершены, так что во втором квартале 2021 года оба проекта будут иметь инвестиционное решение (FID) для RQROC о присоединении к EPCI (Блок В) ExxonMobil. Конечная цель — запуск Block В в коммерческую эксплуатацию в конце 2024 года, а запуск Blue Whale в 2025 году [1].

На семинаре «Совершенствование управления предприятиями на следующем этапе конкуренции и интеграции» были рассмотрены варианты решения проблем, поставленных при планировании развития нефтегазоперерабатывающего сектора до 2025 года и к 2035 году. Предложены рекомендации по развитию нефтеперерабатывающей, нефтехимической и газоперерабатывающей отраслей о необходимости комплексного применения технологий и передового управления Министерством, продвижении исследований, разработке диверсифицированных продуктов, сокращении затрат, комплексировании проектов, совершенствовании цепочки создания стоимости. Указанные меры должны вывести этот подсектор PVN на равный конкурентоспособный уровень с аналогичными предприятиями в регионе. При этом доля переработки в структуре выручки PVN оценивается в 38%.

К 2035 году планируется сформировать 4 интегрированных нефтеперерабатывающих и нефтехимических кластера во всех 3 регионах страны, используя внутренние ресурсы, особенно газ, а также импортируя иностранные нефтепродукты. Стратегия развития промышленного кластера предполагает объединить соответствующие области, а также исследовательские и учебные заведения для повышения производительности труда, снижения затрат, освоения и инноваций, создания технологий, а также создания и развития рынка [5].

Выводы

В целом, несмотря на двойной эффект цен на нефть и пандемии Covid-19, операторы по-прежнему выполняют свои производственные планы на этот год. Среди них есть известные операторы, работающие достаточно эффективно, такие как: ВСП, East Sea POC, Роснефть и Cuu Long JOC. Однако, поскольку в последние годы операторы не увеличивали запасы и не открывали новые рудники, добыча постепенно снижалась. Что касается существующих месторождений, то нефтяные месторождения у берега практически исчерпаны. Это необходимое время для Вьетнамской национальной нефтегазовой группы (PVN), чтобы пересмотреть и дополнить стратегии развития, включая перспективы, направления и цели развития, в направлении адаптации к быстро меняющейся ситуации в нефтяном секторе. Это также период, когда необходимо, прежде всего, поставить вопрос об эффективности всей нефтегазовой производственной цепочки и повысить производительность всей системы. Производственная и коммерческая деятельность Вьетнамской нефтегазовой группы (Петровьетнам) в настоящее время сталкивается со многими трудностями и проблемами из-за непредсказуемых колебаний цен на сырую нефть, которые оказывают негативное влияние на выручку и прибыль в течение многих лет. Будет трудно найти баланс в ближайшее время. Традиционные нефтяные и газовые месторождения после длительного периода эксплуатации снизили запасы и добычу, поэтому необходимо инвестировать в разработку и развертывание разведки и разработки в глубоких и морских районах континентального шельфа с использованием современных технологий. Стоимость разведки и эксплуатации тонны нефти и газа становится все более высокой и сопряжена с большими рисками, но это необходимо для поддержания

устойчивого развития в ситуации угрозы безопасности и политической нестабильности в Южно-Китайском море. Для того чтобы нефтегазовая промышленность Вьетнама продолжала стабильно развиваться, чтобы соответствовать ведущей государственной экономической группе, соответствовать ее потенциалу и не отставать от региональных нефтегазовых групп, необходимо обратить внимание на ряд вопросов. Необходима реструктуризация системы науки и технологий в Петровьетнаме по целям, задачам и рабочему механизму, управлению, более эффективному комплексному использованию ресурсов, развитию технологий и интеллектуальной ценности конкурентоспособных продуктов. В области науки и технологий, параллельно с обращением внимания на эффективность использования активных технологий, необходимо увеличивать содержание технологических инноваций, шаг за шагом переходить к исследованиям и развитию умных технологий для создания ценных продуктов, что означает переход от НИОКР к интеллектуальным исследованиям и разработкам (исследования, разработки и интеллектуальное производство). Что касается государственного управления, необходимо изучить возможность реструктуризации более эффективных моделей организационного развития науки и технологий в экономических группах, включая Petrovietnam, с открытым механизмом для интеграции инвестиционных ресурсов в исследования, чтобы наука и технологии действительно были движущей силой для развития.

Литература

1. Ле Вьет Чунг, Нгуен Тхань Шон. Вьетнамские нефть и газ и проблемы разведки и добычи // Журнал нефтегазовой энергетики. 2017. № 1. С.18-24.
2. Ле Вьет Чунг. Какие факторы определяют устойчивое развитие отечественной нефтяной отрасли // Журнал нефтегазовой энергетики. 2017. № 2. С.66-74.
3. Нгуен Тхань Шон. От добычи к переработке: вопросы, требующие внимания // Энергетический журнал. 2017. № 3. С.30-35.
4. Нгуен Тхань Шон. Сосредоточьтесь на развитии восходящего и нисходящего потоков // Журнал нефтегазовой энергетики 2018. № 4. С.65-69.
5. Нгуен Хонг Минь. Перед новыми возможностями и вызовами // Журнал нефтегазовой энергетики 2020. № 5. С.54-59.
6. Разрешение. Стратегия развития нефтегазовой отрасли Вьетнама до 2025 года и ориентация на 2035 год // Решение № 1748 / QD-TTg. 2015 г.
7. Петровьетнам. Утверждена ускоренная стратегия Вьетнамской национальной нефтяной корпорации до 2015 года и ориентация на 2025 год // Постановление № 7862 / NQ-DKVN.2010.

References

1. Le Viet Trung, Nguyen Thanh Son. Vietnam Oil and Gas and Challenges at Upstream // Energy magazine. 2017. № 1. P.18-24.
2. Le Viet Trung. Which factor determines the sustainable development of the national oil and gas industry // Energy magazine. 2017. № 2. P.66-74.
3. Nguyen Thanh Son. From upstream to downstream: Matters that need attention // Energy magazine. 2017. № 3. P.30-35.

4. Nguyen Thanh Son. Orientation for upstream and downstream development // Energy magazine. 2018. № 4. P.65-69.
5. Nguyen Hong Minh. Before new opportunities and challenges // Energy magazine. 2020. № 5. P.54-59.
6. Resolution. Development strategy of Vietnam's oil and gas industry to 2025 and orientations to 2035 // Decision No. 1748 / QD-TTg. 2015.
7. Petrovietnam. Approved the Vietnam National Petroleum Corporation's Accelerating Strategy to 2015 and Orientations to 2025 // Resolution No. 7862 / NQ-DKVN.2010.

Информация об авторах

Старший преподаватель, к.и.н. **Лестев Антон Евгеньевич**

Кафедра технологии электрохимических производств

ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технологический университет»

420015, Казань, ул. Карла Маркса, 68, Корп. "А"

LestevAE@kstu.ru

Магистрант **Чан Тхи Тху Хоай**

Кафедра технологии электрохимических производств

ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технологический университет»

420015, Казань, ул. Карла Маркса, 68, Корп. "А"

Tranthuhoai101@gmail.com

Information about the Authors

Senior Lecturer, Ph.D. **Lestev E. Anton**

Department of technology of electrochemical production

Kazan National Research Technological University

420015, Kazan, st. Karl Marx, 68, Bldg. "A"

LestevAE@kstu.ru

Master's student **Tran Thi Thu Hoai**

Department of technology of electrochemical production

Kazan National Research Technological University

420015, Kazan, st. Karl Marx, 68, Bldg. "A"

Tranthuhoai101@gmail.com

Статья одобрена рецензентами: 30.04.2021

Статья принята к публикации: 11.05.2021

Reviewed: 30.04.2021

Accepted: 11.05.2021

The development of the archaeological school of the TASSR in the post-war years: the funds of the Kazan archives

Развитие археологической школы ТАССР в послевоенные годы: фонды казанских архивов

Зоря Роман Станиславович

Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ

romanzorya@bk.ru

DOI: 10.24412/2686-9675-2-2021-270-281

АННОТАЦИЯ

На основании новых архивных данных, в данной статье проанализирована организационная и преподавательская деятельность яркого представителя археологической школы ТАССР Николая Филипповича Калинина, связанная с подготовкой специалистов-археологов в Казанском государственном университете. Обучение студентов археологической дисциплине в КГУ было начато в 1941 г. и связано с началом работы на историко-филологическом факультете Н.Ф. Калинина — единственного местного профессионального археолога. Создание в КГУ в 1946 г. археологического кружка и музея стало важной частью преподавательской деятельности Н.Ф. Калинина. Созданный и возглавляемый им студенческий кружок при КГУ стал для будущих исследователей замечательным научным полигоном.

Ученый также выступал за введение в университете археологической специализации, создание отдельной кафедры археологии

ABSTRACT

Based on new archival data, this article analyzes the organizational and teaching activities of Nikolai Filippovich Kalinin related to the training of archaeological specialists at Kazan State University. The training of students in the archaeological discipline at KSU began in 1941 and is associated with the beginning of work at the Faculty of History and Philology of N.F. Kalinin, the only local professional archaeologist. The creation of an archaeological circle and a museum at KSU in 1946 became an important part of the teaching activity of N.F. Kalinin. The student circle at KSU created and headed by him became a wonderful scientific testing ground for future researchers.

The scientist also advocated the introduction of archaeological specialization at the university, the creation of a separate department of archeology and ethnography, the transformation of the

и этнографии, превращение археологического кабинета в полноценный археологический музей и активно работал над учебной программой по основам археологии. Много времени Николай Филиппович уделял подготовке лекций, консультациям и научному руководству. Особая роль в подготовке археологов отводилась курсовым и дипломным работам студентов.

Организация научных работ, научная и педагогическая деятельность Н.Ф. Калинина оказали значительное влияние на развитие археологической науки в Татарстане. Именно благодаря стараниям ученого в Казани была создана основа для подготовки профессиональных археологических кадров.

Ключевые слова: Н.Ф. Калинин, Казанская археологическая школа, археологический кружок, археологический кабинет, Казанский государственный университет, ТАССР.

Для цитирования: Зоря Р.С. Развитие археологической школы ТАССР в послевоенные годы: фонды казанских архивов. Современные востоковедческие исследования. 2021; 3(2): 270-281.

Археология в Казани имеет богатую научную традицию. Как было отмечено исследователями, ее истоки связаны с деятельностью организованного в 1878 г. Общества археологии, истории и этнографии, при Казанском университете. В 1920-е гг. археологическим изучением памятников в Республике в той или иной степени занимались региональные научные сообщества (ОАИЭ, НОТ, ДТК), и Центральный музей ТАССР (Хузин, Ситдииков, 2014, с. 6).

После разгрома, краеведческого движения в 1930-е гг. в ТАССР центром историко-краеведческой и археологической деятельности

archaeological office into a full-fledged archaeological museum, and actively worked on a curriculum on the basics of archeology. Nikolai Filippovich devoted a lot of time to the preparation of lectures, consultations and scientific guidance. A special role in the training of archaeologists was assigned to students' course and diploma theses.

The organization of scientific work, scientific and pedagogical activities of N.F. Kalinin had a significant impact on the development of archaeological science in Tatarstan. Thanks to the efforts of the scientist, the basis for the training of professional archaeological personnel was created in Kazan.

Keywords: N.F. Kalinin, Kazan archaeological school, archaeological circle, archaeological office, Kazan State University, TASSR.

For citation: Zorya R.S. *The development of the archaeological school of the TASSR in the post-war years: the funds of the Kazan archives.* Modern Oriental Studies. 2021; 3(2): 270-281.

становится Центральным музеем, где Н.Ф. Калинин возглавлял историко-археологический отдел (до 1936 г.; в 1938-1946 гг. работал в качестве старшего научного сотрудника). В те годы Николай Филиппович занимался проведением охранных наблюдений в черте города Казани и мониторингом состояния памятников Республики. В августе 1933 г. им был составлен план археологических работ по ТАССР, куда входили работы на Болгарском городище и Казанском кремле (Зоря, Ситдииков, 2021, с. 352). Одной из главных проблем казанской археологии данного периода было фактическое

отсутствие профессиональных исследователей — Н.Ф. Калинин являлся чуть ли не единственным местным археологом, прошедшим обучение в Казанском университете и воспитанным в традициях региональных научных сообществ¹ (Зоря, 2021, с. 30).

Стоит сказать, что попытки начать подготовку местных специалистов археологов имели место быть в Северо-Восточном археологическом институте (1917-1920 гг.) и Восточной академии² (1920-1922 гг.) (Руденко, 2019, с. 279, 299; Кузьминых, Смирнов, 2015). В какой-то мере проведение тематических лекций в 1933-1935 гг. осуществлялось в Татарском педагогическом институте, куда в 1933 г. был приглашен Н.Ф. Калинин для систематического проведения экскурсий по музею со студентами и аспирантами историко-экономического и Литературного отделения (АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп.2. Ех.48. Л.74.). Николаю Филипповичу было поручено чтение четырех курсов лекций (по 24 часа на курс) по музейному делу и истории местного края на музейных коллекциях (АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп.3. Ех.7. Л.37.). Однако “поставить на поток” производство археологических кадров в ТАССР так и не удалось.

В республиканскую историографию Н.Ф. Калинин вошел как основатель Казанской школы археологии (Бельтикова и др, 2000, с. 245; Ситдииков, Старостин, 2002; Хузин, Ситдииков, 2014, с. 10; Хузин, 2018; Хузин, 2019, с. 179). В 1939 г. в ТАССР произошло два знаменательных для региональной науки события: был создан Татарский научно-исследовательский Ин-

ститут языка, литературы и истории, а в Казанском университете возрожден историко-филологический факультет (Ситдииков, 2012, С.10). Именно вследствие преподавательской и научной деятельности Николая Филипповича в этих учреждениях, по мнению А.Г. Ситдиикова, П.Н. Старостина и Ф.Ш. Хузина, было начато формирование местной археологической школы (Ситдииков, Старостин, 2002, с. 2-4; Хузин, Ситдииков, 2014, с. 10). Н.Ф. Калинин совмещал работу в Центральном музее, ИЯЛИ (с 1939) и КГУ (с 1941). Далее в данной статье мы рассмотрим организационную и преподавательскую деятельность ученого, связанную с подготовкой специалистов-археологов в Казанском университете.

При открытии исторического факультета в Казанском университете изначально не предполагалась подготовка местных специалистов-археологов. Преподавание археологической дисциплины начинается с 1941 г. — т.е. с момента устройства туда Н.Ф. Калинина — по сути, единственного местного профессионального археолога. Однако с января 1942 г. по сентябрь 1944 г. обучение не проводилось ввиду тяжелых условий военного времени и мобилизации студенчества в ряды Красной армии (НФ МА РТИА АН РТ. Ф.5. Оп.41. Ех.26. Л.151 об.).

С началом учебного 1944 года Н.Ф. Калинин возобновил преподавание в университете. Исследователь прекрасно осознавал необходимость подготовки местных специалистов и понимал, что археологическое изучение памятников ТАССР невозможно осуществить усилиями

¹ Высшее образование Николай Филиппович получил в Казанском университете в 1906-1910 гг. Как ученый-исследователь он сформировался в сер. 1920-х – нач. 1930-х гг. С 1923 г. – действительный член ОАИЭ, в 1928-1931 гг. – ученый секретарь секции археологии и искусства. Также состоял в Татарском бюро Краеведения (1925-1928 гг.), был одним из членов-учредителей Общества изучения Татарстана, где возглавлял секцию школьного краеведения.

² С 1922 г. Восточная академия, факультет общественных наук Казанского университета и учительский институт были объединены в Восточный педагогический институт (1922-1931). В 1931-1934 гг. – Татарский педагогический институт, 1934-1994 – Казанский государственный педагогический институт.

одного-двух человек. Сам Николай Филиппович был уже не молод, в 1944 г. ему исполнилось 56 лет (Зоря, 2021, С.31).

Особенно остро встал вопрос о нехватке кадров в 1945 г., после 1-го Всесоюзного археологического совещания, проходившего в феврале-марте 1945 г. в Москве. Одной из ключевых задач было составление районных и областных археологических карт. С 1945 по 1950 г. предстояло обследовать территорию Татарской АССР и составить научно-документальную археологическую карту Татарии (Калинин, Халиков, 1954, с. 3; Руденко, 2014, с. 83).

К тому моменту времени Николай Филиппович был известен в ученых кругах, как человек, отдавший делу изучения археологических памятников края более двадцати лет. Ученый обладал богатым педагогическим опытом и — за его спиной был почти 30 летний стаж преподавания в школах и 15 летний стаж организации краеведческих кружков. Он понимал, что для таких масштабных исследований необходим постоянный “приток” новых специалистов и “рабочих рук”. Единственным местом, где можно было бы решить эту задачу, был Университет. Н.Ф. Калинин приложил все усилия для создания такой организационной структуры будущего научного объединения, которая смогла бы обеспечить связь между членами коллектива и создать наиболее благоприятные условия для научной деятельности специалистов. Развитие археологии в КГУ было запланировано Николаем Филипповичем как устойчивая система с далеко идущими задачами и целями. Как показало время, создание коллектива археологов на базе университета обеспечило возможность постоянного притока новых кадров и вспомогательного персонала для масштабных исследований.

Создание в КГУ археологического кружка и музея стало важной частью преподавательской деятельности Н.Ф. Калинина. Ученый, обращаясь к декану историко-филологического факультета, писал, что обучение археологии невозможно без работы с полевыми материалами.

Еще до “официального открытия” кружка, Николай Филиппович привлекал своих студентов и школьников к работе в археологических экспедициях. Так, в 1945 г. историко-филологический факультет КГУ, предполагавший выделить нескольких студентов, прослушавших в 1944-1945 гг. курс археологии, смог выделить (в следствии мобилизации студенчества на лесозаготовки) только одного студента-историка 1 курса — В.Н. Андреева (НОА ИА РАН. Ф.Р-1. Оп.1. Д.33. Л.6-7.).

В последующие годы привлечению учащихся способствовало создание в 1946 г. археологического кружка, который посещали прослушавшие курс “введение в археологию” студенты КГУ, а также и студенты других институтов (Педагогического, КАИ). Незадолго до создания кружка, Н.Ф. Калинин начал формировать Археологический кабинет. Уже в феврале 1946 г. ученный составляет³ обращение директору научной библиотеки КГУ, в котором просит разрешения на “временную, но длительную (до двух месяцев) передачу книг и изданий по археологии...” (АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп.2. Ех.109. Л.4.).

В 1946 г. по инициативе Н.Ф. Калинина и при помощи членов кружка археологические коллекции Общества археологии, этнографии и истории, хранившиеся на чердаке главного здания, “были спасены из свалки”, приведены в относительный порядок и переданы на хранение в аудиторию № 9, которая была тем археологическим кабинетом, где члены кружка проводили свои практические занятия.

³Текст написан рукой Н.Ф.Калинина, подписан деканом факультета А.С. Шкляевой.

Спасенные коллекции были разобраны, но ввиду отсутствия финансирования на содержания лаборанта инвентаризированы не были. Исключение составили предметы из драгметаллов, сданные на хранение в несгораемый сейф КГУ (АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп.2. Ех.103. Л.79 и сл.).

Члены кружка на протяжении всего периода существования проводили исследования на различных археологических объектах Татарстана под чутким руководством Николая Филипповича. Так, в наблюдениях 1947 г. в Казанском кремле приняли участие студентки 2-го курса — “Тамара Хлебникова и Клара Булатова” (АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп.1. Ех.296. Л. 3.).

В 1948 г. в разведках в Пестречинском, Столбищенском, Лаишевском и Корноуховском районах ТАССР приняли участие уже девять студентов. В их числе были как старые кружковцы (Р. Девликамова, П. Михайлов, Ю. Откупщиков и О. Страдомская), так и новые кадры – Б. Константинов, Б. Лебедев, М. Стенченко, Л. Федотова и А. Халиков⁴. Причем начальниками II-IV отрядов были назначены соответственно Ю. Откупщиков, П. Михайлов и А. Халиков⁴, имевшие опыт археологических работ (НОА ИА РАН. Ф.Р-1. Оп.1. Д.202. Л.4-5).

В следующем году студенческий состав несколько обновился. В экспедиции по Западным районам ТАССР, помимо Б. Константинова, Б. Лебедева, М. Стенченко, А. Халикова и Ю. Откупщикова, работали Н. Аксенова, Б. Макарычев, Т. Хлебникова и Н. Штукина — дипломники Н.Ф. Калинина. Руководители отрядов остались те же, что и в 1948 г. в. за исключением Б. Лебедева, сменившего П. Михайлова (АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп.1. Ех.180. Л. 1-2).

Многие из этих фамилий в дальнейшем будут появляться на страницах и других архивных документов Н.Ф. Калинина, связанных с полевыми исследованиями. Со студентами кружка организуются экскурсии по памятникам археологии Казани и ее окрестностей с проведением обмеров и описаний и составлением студенческих отчетов. Участвовали кружковцы и в археологических экспедициях, и под началом других профессиональных археологов⁵ — А.П. Смирнова, О.Н. Бадера, А.В. Збруевой (АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп.2. Ех.96. Л. 90-96.). За счет экспедиций и экскурсий, в том числе с участием студентов, шло и пополнение коллекций археологического музея Казанского университета, в фондах которого они хранятся до сих пор. Помимо экспедиционной практики, кружковцы принимали активное участие в научной жизни — посещали конференции, выступали с докладами.

Особый интерес вызывают отчеты и планы археологического кружка⁶. В архиве ИЯЛИ сохранился полугодовой отчет о работе кружка за период с 12 сентября 1950 по 12 марта 1951 гг. В указанные сроки было проведено 12 собраний кружка, посвященные обсуждению организационных вопросов (отчеты за прошлый год, перевыборы главы кружка, составления плана работ на 1950-1951 гг.), докладов и сообщений. Причем доклады студентов касались непосредственно их научно-исследовательских работ над материалами археологических экспедиций ТАССР, в которых они приняли участие (АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп.2. Ех.109. Л. 20 и об.).

Одной из важнейших задач кружка было привлечение других студентов-историков к участию в экспедиции, запланированной

⁴Хотя А.Х. Халиков на момент проведения работ только окончил 1й курс, он получил археологический опыт еще в школьные годы.

⁵С 1947 на Болгарском городище под рук. А.П. Смирнова работала Т.А. Хлебникова, с 1948-1950 – А.Х. Халиков.

⁶К сожалению, далеко не все из них сохранились.

в связи со строительством Куйбышевской ГЭС. По этому направлению кружковцы организовали две выставки, написали несколько статей в стенгазеты, провели “агитацию” студентов, в т.ч. и в других университетах. Большое внимание уделялось обсуждению методики проведения археологических работ (всего 8 докладов). По имеющимся данным, в 1951 г. в кружке было 14 действительных членов, занятия кружка посещало до 25 человек (АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп.2. Ех.109. Л. 21 и об.).

Со студенчеством и своими учениками Николай Филиппович помимо официальных отношений “учитель-ученик” поддерживал и неформальные связи. Так, ребята не редко приходили в гости к своему наставнику, где в доверительной обстановке обсуждали научные темы, приобщались к музыке и искусству. Такие взаимоотношения способствовали укреплению связей в коллективе и формировали дружескую атмосферу. Ученый чувствовал личную ответственность за своих учеников и даже после выпуска из университета поддерживал с ними контакты. Это была как деловая, так и неформальная дружеская переписка. В архиве ИЯЛИ сохранились очень “теплая” переписка Т.А. Хлебниковой с Н.Ф. Калининым во время ее обучения в аспирантуре ГИМа в Москве (АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп.4. Ех.41. Л.2.).

Одновременно с созданием кружка Н.Ф. Калинин выступал за введение в КГУ археологической специализации, создание отдельной кафедры археологии и этнографии, превращение кабинета в полноценный археологический музей и активно работал над учебной программой по основам археологии. В архиве ИЯЛИ сохранилось несколько авторских рецензий и проектов учебных программ, которые отличаются детальностью и проработанностью курсов и демонстрируют особый исследовательский подход Николая Филиппо-

вича (АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп.2. Ех.103.). Во всех программах особое внимание уделяется изучению археологии региона, применению последних научных достижений и разработок, непосредственной практической работе студентов с археологическими материалами и полевой практике. Отдельной заслугой Н.Ф. Калинина было выделение археологии Казани в отдельную тему. В авторских программах ученый выступал в качестве сторонника комплексного подхода — помимо собственно археологии, он указывал на необходимость дополнительных курсов по нумизматике, эпиграфике, остеологии, геологии и пр.

В начале 1947 г., судя по сохранившейся переписке, деканатом и ректоратом КГУ Н.Ф. Калинину было поручено разработать учебную программу по археологии, причем в очень сжатые сроки. Несмотря на большой объем и фактически единоличную работу, уже в начале апреля (т.е. через полтора месяца) программа была представлена в деканат и ректорат университета (АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп.2. Ех.103., Л.4-5, 21 и об.).

Программа по археологической специальности предполагала в ходе четырехлетней подготовки специалистов изучение общего курса археологии (по 60 часов лекций на 1 и 2 году обучения), курса местной археологии (60 часов лекций на 3 году обучения), курса методики археологических исследований (70 часов на 4 году обучения). Кроме того, в течении всех 4 лет обучения были запланированы практические (по 80 часов на 1 и 2 году, 180 на 3 и 200 — на последнем году обучения), а начиная со второго года — семинарские занятия (40, 60 и 100 часов на 2, 3 и 4 годы соответственно) (АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп.2. Ех.103., Л.22-32.).

Особый интерес представляет содержание курса по археологии Волжско-Камского

края, в котором центральной темой была археология Волжской Болгарии, состоявшей из подтем по металлургии, ювелирному делу, обработке кости и дерева, гончарному производству, а также архитектуре и письменности у болгар. Отдельное внимание уделено и разделу по археологии г. Казани (АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп.2. Ех.103., Л.28-30.).

Хоть в силу не зависящих от ученого причин археологическая специализация не была введена⁷, Николай Филиппович на протяжении всех лет своей работы в университете прилагал неимоверные усилия, чтобы воплотить эти планы в жизнь и продолжил редакторскую работу над курсами по археологии (АИЯЛИ. Ф.8. Оп.2. Ех.103. Л.76 и об.).

В сентябре 1952 г. Николай Филиппович пишет докладную записку “О положении археологической науки на Историко-филологическом факультете Казанского Государственного Университета”. Этот документ отражает ту реальную ситуацию, в которой находилось археологическое образование в Казани. Исследователь не первый в раз подчеркнул, что при намеченных планах широкомасштабных работ в ТАССР в связи со срочным изучением зоны затопления Куйбышевского гидроузла, очень остро стоит кадровый вопрос — “До сих пор пополнение кадров происходило совершенно неплановым путем, путем личной инициативы... За последние 5 лет только два казанских студента историка получили законченное специальное археологическое образование (Халиков А.Х. и Хлебникова Т.А.), но исключительно по своей инициативе, подготавливаясь по ряду специальных предметов под моим руководством и с разрешения деканата Ист.фил.фак-та, сдав у меня экзамены по ряду археологических дисциплин” (АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп.2. Ех.103. Л.77-

78). Далее в этом документе содержится конкретный план действий для исправления сложившейся ситуации.

Так, Н.Ф. Калинин в очередной раз обратился в ректорат КГУ с настойчивой просьбой “принять меры для создания при Ист.фил.факте археологической специальности и кафедры этнографии и археологии”. Предполагалось, что зав. кафедрой будет Н.И.Воробьев (этнограф, д.и.н.). Помимо него в штат кафедры войдут преподаватели Е.П. Бусыгин (этнограф, к.и.н.) и Н.Ф. Калинин (археолог, к.и.н.) и ассистент А.Х. Халиков. Преподавание планировалось проводить по программе МГУ с добавлением курсов по местной археологии, методике археологических исследований, остеологии, нумизматике и пр., которые читались бы местными специалистами (АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп.2. Ех.103. Л.78-79).

Следующим шагом должно была быть организация Археологического музея. Отметим, что Археологический кабинет в августе 1952 г. был свернут в течение нескольких часов по срочному распоряжению ректора. вследствие этого коллекции были “спутаны в одну массу, а вещи, хранившиеся в ящиках свалены на маленьком пространстве в Этнографическом музее и в заднем вестибюле университета около уборных”. “Пользоваться коллекциями сейчас невозможно, а они непременно нужны для лекций” — с досадой констатировал Н.Ф. Калинин. В будущем музее было запланировано развернуть экспозицию по пяти тематическим разделам: 1) Палеолит 2) Неолит 3) Бронза 4) Железный век 5) Средневековье. Это возможно было бы осуществить практически сразу, т.к. археологический кабинет располагал богатыми коллекциями. Для музея необходима была площадь не менее 70 кв.м. и отдельный кабинет

⁷ Официальную причину отказа руководства университета, по имеющимся в архиве Н.Ф. Калинина данным, установить не представляется возможным.

лаборатории. Подробно был представлен и список-план необходимого для лаборатории и музейного зала оборудования (АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп.2. Ех.103. Л.79-81).

Помимо работы над учебными программами, много времени Н.Ф. Калинин уделял подготовке лекций. Как заметил А.Г. Ситдинов, многочисленные архивные материалы с выписками, планами лекций и другого учебного материала указывают на многолетнюю целенаправленную работу (Ситдинов, 2012, с. 12). Кроме основного курса археологии Н.Ф. Калинин читал лекции по истории Татарстана, а также готовил отдельные темы по истории и культуре Древнего мира (АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 2. Ех. 94.). К примеру, курс истории Татарстана делился на семь тем, рассматривающих историю региона с древнейших времен до начала XVII вв.

Значительную часть времени уделял ученый консультациям и научному руководству (АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 2. Ех. 109. Л.19-21). Поблажек студентам ученый не делал и выступал в качестве строго, но справедливого оппонента. В студенческих работах он уделял внимание стилю и языку изложения, анализировал доказательную базу, проверял правильность ссылочного аппарата. Как хороший психолог, Н.Ф. Калинин всегда начинал и заканчивал рецензии описанием положительных сторон работы, а минусы и недостатки размещал середине своих отзывов. Самые лучшие работы студентов публиковались в научных изданиях, некоторые из них были отмечены премиями Министерства высшего образования СССР (Кузьминых и др., 2009, с. 3).

Особая роль в подготовке археологов отводилась курсовым и дипломным работам студентов, при работе над которыми учащиеся не только осваивали предшествующий исследовательский опыт, но и с помощью Н.Ф. Калинина

формулировали и решали новые научные проблемы, зачастую превышающие по объему и содержанию студенческий уровень знаний. Хорошим примером этому может служить дипломная работа А.Х. Халикова “К вопросу о Приказанской культуре эпохи поздней бронзы на территории Среднего Поволжья” В ней нашли отражения тот подход и те принципы, которые закладывал Николай Филиппович в своих учеников: обширный анализ литературы, использование, самостоятельная обработка и привлечение нового вещевого археологического материала, его классификация, комплексный междисциплинарный подход (имеется ввиду привлечение данных геологии, химии, палеоботаники и пр.), осторожность и взвешенность в выводах, “правильное” использование марксистско-ленинских методологических позиций и цитат классиков марксизма (АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 1. Ех. 438. Л. 1-4.).

Несмотря на перенесенный в 1954 г. инфаркт и связанное с этим сильное ухудшение состояния здоровья, ученый продолжал свою научную и педагогическую деятельность. Так, в числе последних отрецензированных студенческих работ был диплом В.Е. Стоянова “Археологические памятники эпохи железа в Южной Удмуртии” (май 1958 г.) (АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 1. Ех. 459. Л. 2-4.).

К сожалению, ни кафедра археологии и этнографии, ни археологическая специализация, ни археологический музей при жизни Н.Ф. Калинина в КГУ организованы не были. Однако этот факт это ни коим образом не умаляет вклада ученого в развитие Казанской археологии. Его идеи и наработки не канули в лету, а послужили прочным фундаментом для последующего поколения ученых. Превратить археологический кабинет в полноценный музей удалось любимому ученику Николая Филипповича

— А.Х. Халикову лишь в 1978 г. Кафедра этнографии и археологии была создана на 10 лет позже музея коллегой ученого — Е.П. Бусыгиным.

В заключении можно констатировать, что непосредственное участие в раскопках, сопричастность к открытию новых материалов, возможность обсуждения научных идей со сверстниками и старшими коллегами в рамках работы студенческого археологического кружка и кабинета, способствовали раннему формированию исследовательских навыков и стимулировали студентов к самостоятельной научной деятельности. Кружок явился той удачной организационной формой, благодаря которой привлекла в археологию учащихся не только историко-филологического факультета КГУ, но и других ВУЗов.

Как заметили П.Н. Старостин и А.Г. Ситдииков, кружок и кабинет стали продолжателями части научных традиций Общества археологии, истории и археологии КГУ, носителем и хранителем которых был сам Н.Ф. Калинин (Ситдииков, Старостин, 2002, с. 7). Организация научных работ, научная и педагогическая деятельность Н.Ф. Калинина оказали значительное влияние на развитие археологической науки в Татарстане. Созданный и возглавляемый им студенческий кружок при КГУ стал для будущих исследователей замечательным научным полигоном, а некоторые его выпускники в последствии стали известными историками и археологами (В.Е. Стоянов, Т.А. Хлебникова, А.Х. Халиков).

Студенчество было связано напрямую как с “более опытными товарищами”⁸ — археологами-профессионалами, так и со средней школой. Кружковцы занимались популяризацией археологической науки и просветительско-образовательной работой среди учащихся средних школ, ВУЗов и населения. В этой связи Н.Ф.

Калининым была заложена идея преемственности образования, которая в Казани до начала деятельности ученого фактически отсутствовала.

Литература

1. Археологическая экспедиция Казанского филиала АН СССР по западным районам Татарской АССР в 1949 г. (Доклад на Археологической конференции Госмузея Татреспублики 20 ноября 1949 г.) // АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп.1. Ех.180.
2. Материалы по археологическим Казанского Кремля. (Графические, фото, дневник и др.) 1947 г. // АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп.1. Ех.296. 106 л.
3. Отзыв о дипломной работе студента Казанского Государственного университета – А.Х.Халикова: “К вопросу о при казанской культуре эпохи поздней бронзы на территории Среднего Поволжья”(Рукопись с авторской правкой и подписью). 1952 г. // АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 1. Ех. 438. 4 л.
4. Заметки к отзыву о дипломной работе студента В.С. Стоянова: “Археологические памятники эпохи железа в южной Удмуртии”. 1958 г. // АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 1. Ех. 459. 4 л.
5. Итоги проверки нумизматов, акты приема, сдачи экспонатов, планы экспозиций, докладные записки и др.материалы периода деятельности Н.Ф. Калинина в Государственном музее Татарской АССР. Т.1. 1935 г. // АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп.2. Ех.48. 193 л.
6. Лекции и материалы к ним: “О материальной культуре Рима, Египта, Греции”, прочитанных студентам исторического факультета Казанского госуниверситета им. В.И. Ульянова-Ленина. Рукопись. 1948 г. // АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 2. Ех. 94. 178 л.
7. Лекции по археологии и материалы к ним. Прочитаны студентам исторического факультета Казанского Госуниверситета имени В.И. Ульянова-Ленина. Рукопись. 1949 г. // АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп.2. Ех.96. 186 л.

8. Программы по археологической специальности и переписка к ним. Составлены Н.Ф.Калининым для исторических факультетов государственных университетов. 1946 г. // АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп.2. Ех.103. 81 л.
9. Переписка Н.Ф. Калинина с Казанским государственным университетом имени В.И. Ульянова-Ленина об организации археологических экспедиций, об отпуске средств для проведения учебно-методической практики студентов историко-филологического факультета, планы его лекций, пригласительные билеты совета общества Археологии, истории и этнографии и др. 1956 г. // АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп.2. Ех.109. 38 л.
10. Справки, удостоверения о трудовой деятельности. Подлинник. 1958 г. // АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп.3. Ех.7. 51 л.
11. Письма Н.Ф. Калинину из Москвы. 6 писем, 4 открытки. 1955 г. // АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп.4. Ех.41. 13 л.
12. Документы и материалы за разные годы. (Фото, негативы, рисунки; Деловая переписка; Научно-организационная и общественная деятельность; Научная деятельность; Библиотека Н.Ф.Калинина и статьи о нем) 1958 г. // НФ МА РТИА АН РТ. Ф.5. Оп.41. Ех.26. 123 л.
13. Отчет об археологической экспедиции по долине р. Казанки в 1945 г.; Отчет о работе по левому берегу р. Казанки и Кисьмеси в 1945 г. // НОА ИА РАН.Ф-1. Р-1. Д. 33.
14. Отчет об археологической экспедиции 1948 г. по районам Татарской АССР. // НОА ИА РАН.Ф-1. Р-1. Д. 202.
15. Бельтикова Г.В., Корякова Л.Н., Кузьминых С.В. Памяти Владислава Евгеньевича Стоянова (1934-1999) // Российская археология. Москва, 2000. № 4. – С. 245-248.
16. Зоря Р.С. К биографии ученого: деятельность Н.Ф. Калинина во 2-й половине 1930-х – конце 1940-х годов // Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая половина 1930-х – конец 1940-х годов). Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. И.А. Сорокина. М., 2021. С. 30-31.
17. Зоря Р.С., Ситдииков А.Г. Н.Ф. Калинин: изучение и сохранение историко-археологического наследия Болгарского городища // АЕС. – Казань, 2021. – № 2. – С. 347-361.
18. Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945 – 1952 гг. – Казань, 1954. – 126 с.
19. Кузьминых С.В., Старостип П.Н., Хузин Ф.Ш. Альфред Хасанович Халиков: очерк жизни и научной деятельности // Альфред Хасанович Халиков: ученый и учитель (к 80-летию со дня рождения) / Отв. Ред. Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдииков. – Казань, 2009. – 188 с.
20. Кузьминых С.В., Смирнов А.С. Археология в Северо-восточном археологическом и этнографическом институте // Поволжская археология. – Казань, 2015. – № 1 (11). – С. 214-240.
21. Руденко К.А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). – Казань, 2014. – 767 с.
22. Руденко К.А. Организации и учреждения археологического профиля в 1917 – начале 1930-х годов в Казанской губернии – ТАССР // Очерки истории отечественной археологии. – М., 2019. – Вып. V. – С. 277-304.
23. Ситдииков А.Г., Старостин П.Н. Николай Филиппович Калинин. 1888 – 1959. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2002. – 24 с.
24. Ситдииков А.Г. Н.Ф.Калинин и его роль в развитии археологии в Казанском университете / Актуальные вопросы археологии Поволжья. К 65-летию студенческого кружка Казанского университета. – Казань, 2012. – С. 10-13.
25. Хузин Ф.Ш., Ситдииков А.Г. Казанская археологическая школа: итоги и перспективы развития // Поволжская археология. – Казань, 2014.

⁸ Большая часть археологических исследований ИЯЛИ проходили совместно с Казанским университетом.

– № 3 (9). – С. 6-40.

26. Хузин Ф.Ш. Основатель казанской школы археологии (к 130-летию со дня рождения Н.Ф.Калинина) // Из истории и культуры народов Поволжья. – Казань, 2019. – Т.1. – № 8. – С.200-210.
27. Хузин Ф.Ш. А.Х.Халиков и Казанская школа археологии (к 90-летию со дня рождения) // Из истории и культуры народов Поволжья. – Казань, 2019. – Т.1. – № 9. – С.172-184.

References

1. Arheologicheskaya ekspeditsiya Kazanskogo filiala AN SSSR po zapadnym rajonom Tatarskoj ASSR v 1949 g. (Doklad na Arheologicheskoy konferencii Gosmuzeya Tatrespubliki 20 noyabrya 1949 g.) // AIYALI AN RT. F. 8. Op.1. Ekh.180.
2. Materialy po arheologicheskim Kazanskogo Kremlya. (Graficheskie, foto, dnevnik i dr.) 1947 g. // AIYALI AN RT. F. 8. Op.1. Ekh.296. 106 l.
3. Otzyv o diplomnoj rabote studenta Kazanskogo Gosudarstvennogo universiteta – A.H.Halikova: "K voprosu o pri kazanskoj kul'ture epohi pozdnej bronzy na territorii Srednego Povolzh'ya"(Rukopis' s avtorskoj pravkoj i podpis'yu). 1952 g. // AIYALI AN RT. F. 8. Op. 1. Ekh. 438. 4 l.
4. Zametki k otzyvu o diplomnoj rabote studenta V.S. Stoyanova: "Arheologicheskie pamyatniki epohi zheleza v yuzhnoj Udmurtii". 1958 g. // AIYALI AN RT. F. 8. Op. 1. Ekh. 459. 4 l.
5. Itogi proverki numizmatov, akty priema, sdachi ekspozitov, plany ekspozitsij, dokladnye zapiski i dr.materialy perioda deyatel'nosti N.F. Kalinina v Gosudarstvennom muzee Tatarskoj ASSR. T.I. 1935 g. // AIYALI AN RT. F.8. Op.2. Ekh.48. 193 l.
6. Lekcii i materialy k nim: "O material'noj kul'ture Rima, Egipta, Grecii", pročitannyh studentam istoricheskogo fakul'teta Kazanskogo gosuniversiteta im. V.I. Ul'yanova-Lenina. Rukopis'. 1948 g. // AIYALI AN RT. F. 8. Op. 2. Ekh. 94. 178 l.
7. Lekcii po arheologii i materialy k nim. Pročitany studentam istoricheskogo fakul'teta Kazanskogo Gosuniversiteta imeni V.I. Ul'yanova-Lenina. Rukopis'. 1949 g. // AIYALI AN RT. F. 8. Op.2. Ekh.96. 186 l.
8. Programmy po arheologicheskoy special'nosti i perepiska k nim. Sostavleny N.F.Kalininym dlya istoricheskikh fakul'tetov gosudarstvennyh universitetov. 1946 g. // AIYALI AN RT. F.8. Op.2. Ekh.103. 81 l.
9. Perepiska N.F. Kalinina s Kazanskim gosudarstvennym universitetom imeni V.I. Ul'yanova-Lenina ob organizacii arheologicheskikh ekspeditsij, ob otpuske sredstv dlya provedeniya uchebno-metodicheskoy praktiki studentov istoriko-filologicheskogo fakul'teta, plany ego lekcij, prigrasitel'nye bilety soveta obshchestva Arheologii, istorii i etnografii i dr. 1956 g. // AIYALI AN RT. F.8. Op.2. Ekh.109. 38 l.
10. Spravki, udostovereniya o trudovoj deyatel'nosti. Podlinnik. 1958 g. // AIYALI AN RT. F.8. Op.3. Ekh.7. 51 l.
11. Pis'ma N.F. Kalininu iz Moskvy. 6 pisem, 4 otkrytki. 1955 g. // AIYALI AN RT. F.8. Op.4. Ekh.41. 13 l.
12. Dokumenty i materialy za raznye gody. (Foto, negativy, risunki; Delovaya perepiska; Nauchno-organizacionnaya i obshchestvennaya deyatel'nost'; Nauchnaya deyatel'nost'; Biblioteka N.F.Kalinina i stat'i o nem) 1958 g. // NF MA RTIA AN RT. F.5. Op.41. Ekh.26. 123 l.
13. Otchet ob arheologicheskoy ekspeditsii po doline r. Kazanki v 1945 g.; Otchet o rabote po levomu beregu r. Kazanki i Kis'mesi v 1945 g. // NOA IA RAN.F-1. R-1. D. 33.
14. Otchet ob arheologicheskoy ekspeditsii 1948 g. po rajonom Tatarskoj ASSR. // NOA IA RAN.F-1. R-1. D. 202.
15. Bel'tikova G.V., Koryakova L.N., Kuz'minyh S.V. Pamyati Vladislava Evgen'evicha Stoyanova (1934-1999) // Rossijskaya arheologiya. Moskva, 2000. № 4. – S. 245-248.
16. Zorya R.S. K biografii uchenogo: deyatel'nost' N.F. Kalinina vo 2-j polovine 1930-h – konce 1940-h godov // Sovetskaya arheologiya do i posle Velikoj Otechestvennoj vojny (vtoraya polovina 1930-h – konec 1940-h godov). Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii / Otv. red. I.A. Sorokina. M., 2021. S. 30-31.
17. Zorya R.S., Sitdikov A.G. N.F. Kalinin: izuchenie i sohranenie istoriko-arheologicheskogo naslediya Bolgarskogo gorodishcha // AES. – Kazan', 2021. – № 2. – S. 347-361.

18. Kalinin N.F., Halikov A.H. Itogi arheologicheskikh rabot za 1945 – 1952 gg. – Kazan', 1954. – 126 s.
19. Kuz'minyh S.V., Starostip P.N., Huzin F.SH. Al'fred Hasanovich Halikov: ocherk zhizni i nauchnoj deyatel'nosti // Al'fred Hasanovich Halikov: uchenyj i uchitel' (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya) / Otv. Red. F.SH. Huzin, A.G. Sitdikov. – Kazan', 2009. – 188 s.
20. Kuz'minyh S.V., Smirnov A.S. Arheologiya v Severo-vostochnom arheologicheskom i etnograficheskom institute // Povolzhskaya arheologiya. – Kazan', 2015. – № 1 (11). – S. 214-240.
21. Rudenko K.A. Istoriya arheologicheskogo izucheniya Volzhskoj Bulgarii (X – nachalo XIII v.). – Kazan', 2014. – 767 s.
22. Rudenko K.A. Organizacii i uchrezhdeniya arheologicheskogo profilya v 1917 – nachale 1930-h godov v Kazanskoj gubernii – TASSR // Ocherki istorii otechestvennoj arheologii. – M., 2019. – Вып. V. – S. 277-304.
23. Sitdikov A.G., Starostin P.N. Nikolaj Filippovich Kalinin. 1888 – 1959. – Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta, 2002. – 24 s.
24. Sitdikov A.G. N.F.Kalinin i ego rol' v razvitii arheologii v Kazanskom universitete / Aktual'nye voprosy arheologii Povolzh'ya. K 65-letiyu studentcheskogo kruzha Kazanskogo universiteta. – Kazan', 2012. – S. 10-13.
25. Huzin F.SH., Sitdikov A.G. Kazanskaya arheologicheskaya shkola: itogi i perspektivy razvitiya // Povolzhskaya arheologiya. – Kazan', 2014. – № 3 (9). – S. 6-40.
26. Huzin F.SH. Osnovatel' kazanskoj shkoly arheologii (k 130-letiyu so dnya rozhdeniya N.F.Kalinina) // Iz istorii i kul'tury narodov Povolzh'ya. – Kazan', 2019. – Т.1. – № 8. – S.200-210.
27. Huzin F.SH. A.H.Halikov i Kazanskaya shkola arheologii (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya) // Iz istorii i kul'tury narodov Povolzh'ya. – Kazan', 2019. – Т.1. – № 9. – S.172-184.
- **АТССР** — Автономная Татарская Советская Социалистическая Республика (с 1936 г. – Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика, ТАССР).
- **ДТК** — Дом татарской культуры.
- **ИЯЛИ** – Институт языка, литературы и истории.
- **КГУ** – Казанский государственный университет.
- **НФ МА ИА АН РТ** — Научный фонд Музея археологии Республики Татарстан Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (Академии наук Республики Татарстан).
- **НОА ИА РАН** — Научно-отраслевой архив Института археологии РАН (Российской академии наук).
- **НОТ** — Научное общество татароведения.
- **ОАИЭ** — Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете.
- **ЦМ** — Центральный музей ТАССР (с 1944 г. – Государственный музей, ГМ).

Информация об авторе

Зоря Роман Станиславович

младший научный сотрудник

Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ
romanzorya@bk.ru

Information about the Authors

Roman S. Zorya

Junior Researcher

Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan named after A. Kh. Khalikov

romanzorya@bk.ru

Статья одобрена рецензентами: 30.04.2021

Статья принята к публикации: 11.05.2021

Reviewed: 30.04.2021

Accepted: 11.05.2021

Сокращения/Abbreviations

- **АИЯЛИ** — Архив Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Академии наук Республики Татарстан).

The economic policy of the People's Republic of China in relation to the Tibet Autonomous Region in 1949-2014.

Экономическая политика КНР по отношению к Тибетскому автономному району в 1949-2014 гг.

Куусела Юлия София, Эпштейн Виталий Анатольевич

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации (РАНХиГС, Москва)*

julie-sofie@yandex.ru

DOI: 10.24412/2686-9675-2-2021-282-294

АННОТАЦИЯ

В статье предпринята попытка рассмотреть этапы экономической политики Коммунистической партии Китая в отношении Тибетского автономного района и меры, предпринимаемые для развития региона и его успешного встраивания в экономическую структуру страны. В работе обозначены механизмы поддержания социальной стабильности и ликвидации угрозы отделения приграничного и относительно удалённого от центра района с учётом особенностей ландшафта и ресурсной базы Тибета в ходе реализации внутри- и внешнеполитических интересов Китая.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, ТАР, тибетцы, ханьцы, экономическая политика, интеграция, социальная стабильность.

Для цитирования: Куусела Ю.С., Эпштейн В.А. *Экономическая политика КНР по отношению к Тибетскому автономному району в 1949-2014 гг.* Современные востоковедческие исследования. 2021; 3(2): 282-294.

ABSTRACT

The article outlines key stages of the CPC's economic policy towards TAR and measures taken in order to develop the region and successfully integrate it into the powerful economy of China. The paper highlights mechanisms aimed at maintaining social stability and eliminating the threat of separation of the border and relatively remote area taking into account the landscape features and local resource base throughout the implementation of both domestic and foreign policy interests of China.

Keywords: People's Republic of China, TAR, Tibetans, han, economic policy, integration, social stability.

For citation: Kuusela Y.S., Epshteyn V.A. *The economic policy of the People's Republic of China in relation to the Tibet Autonomous Region in 1949-2014.* Modern Oriental Studies. 2021; 3(2): 282-294.

В Китайской Народной Республике, унитарном и многонациональном государстве, где сосуществует более 50 национальностей, наиболее многочисленным этносом являются ханьцы с долей около 92%. В стране существуют отдельные регионы: Синьцзян-Уйгурский, Тибетский автономные районы и Внутренняя Монголия, где проживают представители особых типов коренного населения, наделённых правом районной автономии. В XX в. автохтонные группы в таких районах составляли от половины до 80% всего населения. От этнической группы хань их отличает ряд социокультурных характеристик — вероисповедание, история, устный и письменный язык и бытовые особенности. Ввиду закрепившихся в их обществах отличительных черт, вопрос их политического статуса является угрозой для государственного устройства КНР. На протяжении веков история государственной принадлежности рассматриваемых территорий характеризуется периодами как автономного, так и подчинённого существования в отношении Китая.

Примечательно, что официальное закрепление современного статуса Тибетского автономного района (ТАР) как административной единицы Китая произошло лишь в 1965 г. Необходимость создания базовых условий для преобразования полуфеодального социума была продиктована исключительной отсталостью Тибета: основой экономики было сельское хозяйство, животноводство, ремесленные работы, вместе с тем, орудия обработки земли представляли собой примитивные деревянные инструменты, а в мастерских отсутствовало электричество; не было транспортной инфраструктуры, и весь объем энергии, используемой в Тибете, генерировался на 1 гидроэлектростанции. Включив в состав страны территорию площадью в 1/8 КНР, перед Коммунистической партией Китая (КПК) встала задача успешной

интеграции ТАР в китайскую экономику. Именно в этом регионе на начальном этапе проводилась политика «коммунизации», основными постулатами которой стали форсированное создание местных коммун и продовольственная развёрстка.

Немаловажное влияние на хозяйственное развитие района и модернизацию инфраструктуры оказывали межгосударственные отношения Китая и Индии по вопросу демаркации государственной границы, протяжённостью около 3.4 тыс. км. Непризнание КНР «линии Макмагона» в восточно-гималайском районе положило начало открытому противостоянию, проявившемуся в 3 приграничных войнах 1962 г., 1967 г. и 1987 г.

В настоящее время двусторонние отношения продолжают носить характер политической конфронтации и сопровождаются приграничными инцидентами (2013, 2016, 2017, 2020 гг.). Нежелание Нью-Дели присоединиться к мегапроекту «Пояс и Путь» приводит КНР к необходимости создания китайско-пакистанского экономического коридора через спорную территорию Джамму и Кашмир.

Проблема статуса Тибета с начала XX в. влияет на индийско-китайские отношения, так как демаркации подлежит именно граница Индии с ТАР. Вопрос территориальной целостности и внутривнутриполитической безопасности является особо значимым для Пекина, так как социальная напряжённость отмечается и в других особых автономных районах страны.

Необходимость усиления китайского присутствия и социально-экономического развития территории Тибета побудило КПК придерживаться политики проведения последовательных преобразований в ТАР для повышения уровня благосостояния населения и снижения уровня сепаратистских настроений среди тибетцев.

Меры экономического развития носили принудительный характер, и чтобы снизить недовольство тибетцев, Пекин использовал уже отработанные механизмы инкорпорирования территории как политического, так и экономического толка, которые можно было наблюдать в отношении Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР). Не имея иных рычагов влияния, КНР осуществляла свой внутреннеполитический курс опираясь на силовые и финансовые инструменты. Стремление КПК сохранить социальную стабильность отразилось в постоянных финансовых вливаниях из государственной казны в экономику автономного региона.

Параллельно с этим осуществлялась стратегия переселения этнической группы хань, ответственной за подъём региона и ставшей основой для формирования местного Производственно-строительного корпуса (ПСК) Народно-освободительной армии Китая (НОАК). ПСК НОАК создавались в СУАР, ТАР, приграничных провинциях Хэйлуцзян (располагается на северо-востоке страны) и Юньнань (южный регион). Из числа ханьцев в ТАР отбирались кандидаты на руководящие посты органов местного управления.

С расширением задач по развитию района в круг полномочий ПСК НОАК входило строительство объектов инфраструктуры, промышленности, содействие охране границ и обеспечение внутренней стабильности в ТАР. По результатам деятельности Корпуса в регионе было построено жилье для тибетцев, дороги, проведены новые ирригационные каналы.

С середины XX в. по начало XXI в. центральное правительство последовательно проводило политику освоения Тибета в соответствии с теми сферами, которые нуждались в модернизации. Основными этапами экономи-

ческой политики КНР по отношению к Тибетскому автономному району были:

- Политика «коллективизации» ТАР в 1949-1978 гг., которая была направлена на кооперацию сельхозпроизводителей и животноводов.
- Стратегия рыночных преобразований в Тибетском автономном районе с 1978 г. по 1999 г., нацеленная на диверсификацию структуры экономики.
- Программы развития транспортной, сетевой инфраструктуры в 2000-2014 гг., благоприятствующие туризму.
- Проекты рациональной эксплуатации природных ресурсов, реализация которых в начале XX в. способствовала решению проблемы пресной воды и повышению уровня энергетической безопасности района.

В 1950-1960 гг., ввиду отсталости уклада экономики в ТАР проводились реформы, направленные на развитие и поддержание аграрного сектора и постепенную «коллективизацию»: была создана новая классовая структура общества, реальная власть монахов ограничена, местные чиновники назначались центральным правительством, а обеспеченным домохозяйствам поначалу разрешалось оставить за собой право собственности на пастбища и скот, которыми они владели ранее.

Во исполнение установок и реализации целей центрального правительства Рабочий комитет Тибета в первой половине 1960 гг. принял «Положение о стратегии развития сельской местности», регламентирующее сферу сельского хозяйства и разведения скота [4]. Ключевыми задачами были заявлены поддержка аграриев и проведение публичной агитации за возрождение частного земледелия, планировалось отложить проведение коллективизации как минимум на 5 лет. Очевидно, что социально-экономический

уровень развития региона был низок, и Пекин не только не рискнул отменить институт частной собственности, но и принял решение закрепить его на законодательном уровне.

Образовавшиеся начиная с 1965 г. члены коммун использовались в том числе и в распашку земель и уборку урожая с полей, принадлежавших воинским частям НОАК. Пекин видел в коллективизации причину стремительного экономического роста ТАР, который совершил «скачок от крепостного феодализма к социализму» [6, с. 309].

В 1966-1969 гг. в рамках политической кампании «Великая пролетарская культурная революция» Пекин стремился завершить социально-экономическую перестройку Тибета по китайскому образцу, вытесняя местные национальные и культурные идеи. В результате новой политики сжигались древние философские и исторические материалы, архивные и письменные документы. Из тысячи монастырей на территории ТАР к 1976 г. уцелели 8, остальные стали помещениями для школ, складов, конюшен. В отношении монахов и жителей Тибета, которые открыто выражали свою преданность тибетским традициям, духовному наследию, применялись репрессивные меры [8, с. 439].

По итогам кампании Китай заявлял, что тибетцы совершили переход от отсталых устоев к производительному труду. Пекин форсировал выпуск аграрной продукции в ТАР изымая и направляя продовольствия в города Китая, вызывая тем самым недовольство крестьян региона. Необходимость этой меры была обусловлена политикой Мао Цзэдуна, запустившего политику «Большого скачка», в результате чего в КНР начался голод.

Таким образом, ТАР стал поставщиком продовольствия для пострадавших регионов. Напряжение усиливалось присутствием много-

численных частей НОАК, на обеспечение которых направлялась оставшаяся в регионе часть агропродукции, оставляя меньшую долю производящим коллективам.

Реагируя на нарастание протестов, КПК стремилась создать и развить транспортно-логистическую сеть, соединяющую как города и удаленные селения между собой, так и ТАР с прилегающими районами. Строительство современных автомагистралей служило стратегическим интересам Пекина иметь быстрый доступ к потенциальным очагам недовольства, вывоза продовольствия и было запущено еще в 1951 г. Китай проложил межрегиональные магистрали Цинхай-Тибет (введение в эксплуатацию: 1954 г.), Сычуань-Тибет (1954 г.), Синьцзян-Тибет (1957 г.), Юньнань-Тибет (1973 г.) и шоссе Китай-Непал (1965 г.), соединяющее Лхасу с Катманду [3, с. 611].

Социальное негодование нарастало, и вместе с продолжающимися притеснениями в культуре и религии оно вылилось в серию протестов в 1987-1989 гг. В указанный период в регионе произошло около 150 демонстраций, протесты сопровождалась актами агрессии. В марте 1989 г. сторонники движения за независимость Тибета перешли к открытому насилию в столице района, беспорядки продолжались несколько дней, вследствие чего Пекин объявил военное положение в ТАР, продлившееся до мая следующего года.

Примечательно, что в указанные временные рамки правительство Китая не оставляло без внимания развитие региона, и, параллельно с усилением китайского присутствия в ТАР, увеличивало размер инвестиций в развитие инфраструктуры для подъема местного хозяйства. Экономические программы по развитию должны были повысить уровень благосостояния жителей в регионе, однако коренное

население не принимало средств и методов, которые центральное правительство использовало в достижении заявленной цели.

По окончании режима военного положения Тибету в первую очередь предоставлялось право автономии в решении экономических вопросов; во-вторых, тибетцы освобождались от уплаты налогов, а практика неоплачиваемого труда признавалась незаконной; в-третьих, была принята стратегия перехода к рыночному укладу с увеличением числа действующих промышленных производств; в-четвертых, было признано, что устойчивый экономический рост невозможен без соответствующих социальных преобразований и повышения уровня жизни – на это выделялись дополнительные государственные ассигнования в соответствии с обозначенной КПК «Стратегией 8-7», направленной на сокращения уровня бедности среди местных жителей [21].

Стратегия рыночных преобразований в Тибетском автономном районе с 1978 г. по 1999 г. включала в себя передачу власти в экономических вопросах на местный уровень, изменения коснулись местных домохозяйств, наделённых правом собственности на землю и скот.

Несмотря на это, экономическое управление ТАР оставалось в руках центральных органов власти, регион зависел от субсидий китайского правительства и деятельности предприятий с государственным участием. К примеру, в 1988 г. доля правительственной помощи в местном бюджете составила 99.8%, в 2002 г. – 93.8%. Проводя сравнительный анализ объема денежной помощи, предоставляемой Пекином четырём другим автономным районам КНР, можно отметить, что Внутренняя Монголия, Синьцзян-Уйгурский, Гуанси-Чжуанский и Нинся-Хуэйский автономные районы получают ежегодно в среднем от 45% до 75% [14]. Таким об-

разом, можно увидеть, что степень зависимости ТАР от субсидий была намного выше, чем в других территориях. Это можно объяснить стремлением КПК снизить национальное недовольство тибетцев посредством постоянных финансовых вливаний в экономику, поскольку меры по освоению ТАР носили принудительный характер, что можно проследить на примере культурных гонений с момента окончательного вхождения в состав Поднебесной.

Развитие деловой жизни ТАР приносило пользу в основном жителям ключевых городов административной единицы, а не коренным тибетцам в отдалённых поселениях и деревнях [5, с. 44]. Учитывая, что основную массу городского населения составляли новоприбывшие ханьцы, именно они были как источником перемен, так и выгодоприобретателями построения «нового» Тибета. Неприятие методов центрального правительства по интеграции региона продолжало накапливаться среди этнических тибетцев.

С 1994 г. в ТАР стала форсироваться реализация ключевых инициатив в энергетике, транспорте, городском строительстве и других инфраструктурных проектах, которые способны преобразовать систему производительных сил района. Масштабное проектное финансирование осуществлялось с целью превращения Тибета в самодостаточный и успешный регион Китая, который, постоянно принимая ханьских мигрантов, становится всё более прокитайским.

В качестве примера необходимо отметить успешно реализованные программы по комплексному освоению бассейнов рек Цангпо, Лхаса и Ньянгу; реконструкцию действующих аэропортов; строительство железной дороги, соединяющей столицу ТАР с соседним областным центром, впоследствии продлённой до крупных городов страны.

На пороге XXI в. ТАР обладал развитой транспортной сетью, протяженность которой с момента официального закрепления статуса района в составе КНР выросла втрое — до 22.391 км. Все сельскохозяйственные производители были обеспечены необходимыми орудиями труда и оборудованием, а химические

удобрения вошли в обиход земледельцев удалённых деревень. В результате произошедших перемен выработка сельскохозяйственной продукции увеличилась более, чем в 20 раз по сравнению с 1952 г. Совокупный урожай зерна вырос на 460%, а поголовье скота удалось удвоить. (табл. 1).

	1952	1965	1975	1985	1995
Население (тыс. чел)	1.150	1.350	1.690	1.990	2.360
Урожай зерна (тыс. т)	1.553	2.907	4.458	5.307	7.196
Поголовье скота (тыс. голов)	9.740	17.010	21.170	21.790	23.790
Производство с/х продукции (млн. юаней)	143.1	264.2	340.3	1088.8	3589.6

Таблица 1. Показатели развития экономики ТАР в 1952-1995 гг.

Table 1. Indicators of the TAR economy development in 1952-1995

Источник: составлено автором на основе статистических показателей Базы ежегодных статистических альманахов КНР (China Statistical Yearbooks Database). [Электронный ресурс]. URL: <http://tongji.cnki.net/overseas/engnavi/YearBook.aspx?id=N2007080581&floor=1> (Дата обращения: 22.04.2020).

Совокупный ВВП Тибета вырос с 0.7 млрд юаней в 1978 г. до 13.9 млрд юаней в 2001 г. [10]

Несмотря на то, что в рассматриваемый период в регион был направлен значительный объем инвестиций, который привел к стремительному развитию экономики, недовольство местных жителей сохранялось, что выражалось в усилении национализма и сепаратизма. На вспышки недовольства, выразившиеся в очередной серии волнений, власти традиционно ответили ужесточением политики подавления тибетской этничности.

Особое значение ТАР приобрёл в XXI в. в связи со стремлениями китайского правительства укрепить экономический потенциал страны и увеличить влияние и присутствие на мировых рынках за счёт мобилизации всех потенциальных факторов роста.

В столице Тибета г. Лхаса в 2001 г. была открыта Национальная зона экономического

и технического развития (ЗЭТР), основной целью которой стало привлечение инвестиций для развития высокотехнологичных производств. Правительство ТАР привлекало иностранных производителей для освоения проектов, сосредоточенных в сфере переработки сельскохозяйственной продукции, легкой промышленности, транспорта, энергетики, электромеханики, полезных ископаемых, туризма. Около 40 предприятий открыли свои заводы в ЗЭТР, а к 2014 г. количество инвесторов удвоилось, в результате чего ЗЭТР Лхасы стала новым двигателем экономического развития ТАР [13].

Центральным правительством КНР была выбрана стратегия создания благоприятного инвестиционного климата для предпринимателей и инвесторов на основе предоставления льготных условий и использования сравнительных преимуществ региона: во-первых, Лхаса стала популярным туристическим

направлением для религиозного и медицинско-го туризма; во-вторых, Тибетское нагорье богато природными ресурсами, такими как золото, медь, литий, магнезит и проч.; в-третьих, стоимость рабочей силы и земли в ТАР невелика.

Приоритетными задачами были заявлены увеличение уровня занятости тибетцев и диверсификация структуры экономики района. Создание ЗЭТР способствовало снижению нестабильности развития экономики, решению проблем с инфраструктурой, что усилило степень интегрированности ТАР в китайскую экономику.

Если до 1990 гг. главной силой развития региона оставался Тибетский производственно-строительный корпус, то после проведения политики «открытия» Тибета, привлечения инвестиций, развития инфраструктуры основной движущей силой региона стал капитал китайского и иностранного бизнеса.

Для плодотворного функционирования ЗЭТР и индустрии Тибета в целом необходимо было создать устойчивую систему связи, и в рамках программы «Одна деревня — Один телефон» была проведена телефонизация региона [15].

Серия протестов, выразившаяся в самосожжениях тибетских монахов в 2009-2012 гг., несомненно, усугубила социальную обстановку в ТАР, данные действия стали формой политического протеста и способом привлечь внимание международного сообщества для оказания давления на КНР и выхода на результативные переговоры по вопросу обеспечения реальной автономии Тибета.

В ответ на это Пекин продолжил наращивать стратегическую сеть дорог, с целью связать все периферийные и потенциально нестабильные поселения с ближайшим городским центром, что должно было позволить контролировать перемещения местных жителей и осуществлять своевременную переброску частей

армии и МВД для подавления возникающих волнений. Кроме того, Тибет является приграничной территорией с Индией, в связи с чем в ТАР располагаются военные базы НОАК и размещаются межконтинентальные баллистические ракеты [2, с. 56]. Характерный высокогорный рельеф создаёт трудности для продвижения крупной армии и выступает своеобразным защитным барьером, так как даёт возможность контролировать как северо-западную границу КНР, так и часть Юго-Восточной Азии, что особенно актуально в условиях упомянутых китайско-индийских пограничных инцидентов.

В конце 2014 г. общая протяженность дорог в ТАР, достигла 75.000 км, 12.6% отличаются твёрдым покрытием и/или высококачественным настилом, 65 из 74 округов в ТАР получили дороги с асфальтовым полотном.

Создание коммуникационных сетей и строительство воздушных, наземных и железнодорожных коридоров позволило завершить эпоху транспортной «закрытости» Тибета, создать предпосылки для притока туристов, улучшить материальную инфраструктуру сельских поселений, обеспечить приток денежной массы. В период 2011-2014 гг. ежегодный прирост туристов в количественном выражении составил около 2-2.5 млн человек, и в 2014 г. более 15 млн человек посетили в Тибет, из которых 3 млн добрались до ТАР по воздуху [18]. Инвестиции в основной капитал превысили 16.000 млн юаней в 2013 г. за счет притока иностранного капитала, увеличившись в 5 раз по сравнению с 2006 г. [11]

Примечательно, что если в 1990 г. около 80% рабочей силы ТАР было занято в сельском хозяйстве и скотоводстве, то к 2014 г. на первичный сектор приходилось 44% занятых, на вторичный сектор – 14% и на сферу услуг пришлось 42% [9]. В связи с этим в КНР заговорили

об устойчивом росте уровня благосостояния населения региона: объем розничных продаж товаров народного потребления демонстрирует ежегодный рост на 12.9%, что может быть следствием увеличения располагаемого дохода на душу населения, в том числе среди сельских жителей (в 2014 г. данный показатель вырос на 14%). Однако, несмотря на шаги по повышению социально-экономического уровня тибетцев, 1/5 часть населения всё еще живёт за чертой бедности [21].

В период 50-ой годовщины Тибетского восстания 1959 г. желание тибетцев добиться реальной автономии в составе КНР проявилось в серии протестов и погромов (Лхаса, март 2008 г.). В выдвинутых лозунгах звучало недовольство неравной оплатой и условиями труда для местных жителей, вмешательством в религиозные практики, навязыванием китайского языка и оседлого образа жизни, а также высказывались требования положить конец «китайскому правлению» [1, с. 158].

Акции протеста были жестоко подавлены, по разным оценкам, погибло от 20 до 250 тибетцев. Стратегической задачей Пекина было не только подавить мятеж, но и не допустить подобных событий в других нестабильных регионах (например, в СУАР).

Накануне проведения Летних олимпийских игр 2008 г. Китай столкнулся с риском огласки ситуации в Тибете и методов подавления протестов с последующим бойкотированием Олимпиады рядом государств, в связи с чем объявил о закрытии Тибета на несколько месяцев, ограничив доступ в регион и обмен информацией. Данные события подорвали образ КНР как целостного полиэтничного государства, а социальное недовольство продолжилось серией самосожжений тибетских монахов.

В настоящее время Пекин проводит политику освоения водных и энергетических ресурсов Тибета, которых питают как сам ТАР, так и направляются в нуждающиеся густонаселённые промышленные районы и города КНР. Для освоения внушительных водозапасах региона в стране было разработано две специальные программы, так как ежегодный дефицит воды обходится стране примерно в 40-60 млрд юаней экономических потерь [22].

Первый проект, в рамках реализации стратегии «Поворот китайских рек», предполагает строительство 3 водоканалов длиной не менее 1.300 км каждый, одним из них является западный вектор, который может связать верховья р. Янцзы и р. Хуанхэ через высокогорное Цинхай-Тибетское плато с засушливыми частями страны.

Однако, несмотря на начало работ в 2010 г., ученые не смогли выработать план безопасного строительства в высокогорных зонах, и в настоящее время практическая возможность реализации западного участка продолжает изучаться.

Правительство не отказывается от изысканий, поскольку отвод вод ТАР несёт дополнительные возможности для сельскохозяйственного орошения, повышения качества жизни и социальной стабильности в аридном Синьцзян-Уйгурском автономном районе и других провинциях КНР.

Реализация масштабных гидропроектов в ТАР уменьшает сток трансграничных рек в соседние страны, однако правительство КНР не желает выходить на многосторонние переговоры по трансграничным рекам и закреплять ограничения на гидротехническую деятельность рамками соглашений. Помимо государств-соседей, подобные ирригационные проекты вызывают недовольство тибетцев, дома

которых могут стать на пути искусственно созданных каналов.

Вторым проектом с целью решения проблемы водоснабжения в периферийных уездах ТАР стал XI пятилетний план экономики (2006-2010), который включал более целостный и сбалансированный подход к использованию воды [16]. Проблему обеспечения пресной водой населения Тибета было решено устранять с помощью строительства ирригационных каналов для нужд 550 тыс. крестьян и скотоводов.

В период реализации инициативы в 2001-2013 гг. была отмечена тенденция к увеличению на 40% площади пахотных земель, которые подвергаются регулярной ирригации [12]. Средний доход фермеров и скотоводов на душу населения на проектных участках увеличился в 8 раз, с 805 юаней в 2003 г. до 6.578 юаней в год при закрытии проекта [19, 20].

В период XII пятилетки (2011-2015) в ТАР была предусмотрена задача активного освоения, использования и интенсификации строительства объектов возобновляемых источников энергии. Программа подразумевала как предоставление доступа к электричеству в зонах, где отсутствует энергоснабжение, так и обеспечение крупных городов, где солнечное излучение, ветер и геотермальные источники удовлетворяют потребности в электричестве зимой, когда тибетские реки замерзают.

В 2014 г. 3.24 млрд кВтч электроэнергии, произведенной в Тибете, было получено из возобновляемых источников, что составило 89.94% от общего объема против доли в 10.06%, полученной традиционным способом. Из 89.94% на ГЭС приходилось 80.64%, 9% — на иные «зеленые» энергоресурсы [7].

Подводя итог необходимо отметить, что среди последствий инициатив и проектов КНР в отношении экономического и социального

развития ТАР с одной стороны, политика центральных властей сопровождалась подавлением права на культурное самоопределение, сокращением свободы религиозных практик, уничтожением священных мест и изгнанием духовного наставника Далай-ламы, что привело к распространению сепаратистских настроений и волнениям среди автохтонного населения района. С другой – политика центральных властей по отношению к Тибетскому автономному району в 1949-2014 гг. привела к частичной интеграции региона в китайскую экономику, его умеренному развитию с помощью государственной поддержки.

Литература

1. Гарри И. «Тибетский вопрос» и тибетский буддизм в Китае: реформы и конфликты // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. №4. – С. 148–173.
2. Гулина Е. В. Тибетский вопрос во внешней политике КНР // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2014. №4. – С.50-59.
3. Сазонов С. Л. Скоростные железные дороги КНР // Общество и государство в Китае. 2015. №18 (2). – С. 609-619
4. Восстановление и модернизация. 10 марта 2010 // Центр тибетской культуры и информации. [Электронный ресурс]. URL: // <http://savetibet.ru/2010/03/10/modernization5.html> (Дата обращения: 09.04.2020).
5. Bass C. Education in Tibet: Policy and Practice Since 1950. London: Zed Books, 1998. – 300 p.
6. Shakya T. W. The Dragon in the Land of Snows: A History of Modern Tibet Since 1947. London: Pimlico, 1999. – P.308–310.
7. Shan Y., Zheng H., Guan D. Energy consump-

- tion and CO2 emissions in Tibet and its cities in 2014 // American Geophysical Union. [Электронный ресурс]. URL: // <https://agupubs.onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/2017EF000571> (Дата обращения: 03.05.2020).
8. Smith W. Tibetan Nation: A History Of Tibetan Nationalism And Sino-Tibetan Relations. New York: Avalon Publishing, 1997. – – 784 p.
9. Yang W., Tingmeng Sh. A Study on the Development Model of Tibet's Eco-industry // 5th International Conference on Social Science, Education and Humanities Research (SSEHR 2016). [Электронный ресурс]. URL: // <file:///C:/Users/julie/Downloads/25857752.pdf> (Дата обращения: 21.04.2020).
10. Comparing Tibet and Xinjiang through the structural dimensions of socio-economic change. 14 March 2016 // Asia Research Institute. [Электронный ресурс]. URL: // <https://theasiadialogue.com/2016/03/14/comparing-tibet-and-xinjiang-through-the-structural-dimensions-of-socioeconomic-change/> (Дата обращения: 18.04.2020).
11. Fixed Asset Investment: Tibet 2000-2013. CEIC Global Economic Data, Indicators, Charts & Forecasts. [Электронный ресурс]. URL: // <https://www.ceicdata.com/en/china/fixed-asset-investment-annual-rural/cn-fixed-asset-investment-rural-tibet> (Дата обращения: 10.04.2020).
12. Irrigation Practices and Water Security in the Tibetan Plateau. 19 June 2014 // Future Directions International. [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.futuredirections.org.au/publication/irrigation-practices-and-water-security-in-the-tibetan-plateau/> (Дата обращения: 02.05.2020).
13. Lhasa economic development zone to introduce 10 projects. 27 January 2010 // China Tibet Online. [Электронный ресурс]. URL: // <http://chinatibet.people.com.cn/6880640.html> (Дата обращения: 12.04.2020).
14. Quick Assessment of 60 years of Democratic Reform of the Tibet Autonomous Region: Development and Statistical Perspective. 18 November 2019 // Tibet Policy Institute. [Электронный ресурс]. URL: <https://tibetpolicy.net/quick-assessment-of-60-years-of-democratic-reform-of-the-tibet-autonomous-region-development-and-statistical-perspective/> (Дата обращения: 22.04.2020).
15. Telecommunication development in remote areas — the Tibet case // International Telecommunication Union. [Электронный ресурс]. URL: // <https://www.itu.int/itu-news/manager/display.asp?lang=en&year=2006&issue=10&ipage=Tibet-case&ext=html> (Дата обращения: 18.04.2020).
16. The 5th Five-Year Plan // The State Council of the People's Republic of China. [Электронный ресурс]. URL: // http://www.gov.cn/english/special/115y_index.htm (Дата обращения: 04.05.2020).
17. Tibetan farmers have more cash income this year. 26 November 2011 // Permanent Mission Of The People's Republic Of China To The United Nations Office At Geneva And Other International Organizations In Switzerland. [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.china-un.ch/eng/rqrd/jzdh/>

- t172805.htm (Дата обращения: 04.05.2020).
18. Tourism in Tibet // Tibetan Government, Services and Economics: Facts and Details. [Электронный ресурс]. URL: // <http://factsanddetails.com/china/cat6/sub37/item2846.html#chapter-1> (Дата обращения: 19.04.2020).
 19. Income of Tibetan farmers, herdsmen up in 2013. 11 March 2014 // China Daily. [Электронный ресурс]. URL: // https://www.chinadaily.com.cn/business/2014-03/11/content_17339905.htm (Дата обращения: 04.05.2020).
 20. Tibet's 12 pct GDP growth. 14 March 2015 // People's Daily Online. [Электронный ресурс]. URL: // <http://en.people.cn/business/n/2015/0314/c90778-8862995.html> (Дата обращения: 21.04.2020).
 21. The 8-7 national poverty reduction program in China: the national strategy and its impact // The World Bank [Электронный ресурс]. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/539811468743714961/The-8-7-national-poverty-reduction-program-in-China-the-national-strategy-and-its-impact> (Дата обращения: 12.04.2020).
 22. China's Massive Cross-country Water Project Approved. 26 November 2002 // People's Daily Online. [Электронный ресурс]. URL: // http://en.people.cn/200211/26/eng20021126_107475.shtml (Дата обращения: 03.05.2020).
 1. Garri I. «Tibetskij vopros» i tibetskij buddizm v Kitae: reformy i konflikty // Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom. 2016. №4. – S. 148–173.
 2. Gulina E. V. Tibetskij vopros vo vneshnej politike KNR // Aktual'nye problemy sovremennyh mezhdunarodnyh otnoshenij. 2014. №4. – S.50-59.
 3. Sazonov S. L. Skorostnye zheleznye dorogi KNR // Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae. 2015. №18 (2). – S. 609-619
 4. Vosstanovlenie i modernizaciya. 10 marta 2010 // Centr tibetskoj kul'tury i informacii. [Elektronnyj resurs]. URL: // <http://savetibet.ru/2010/03/10/modernization5.html> (Data obrashcheniya: 09.04.2020).
 5. Bass C. Education in Tibet: Policy and Practice Since 1950. London: Zed Books, 1998. – 300 p.
 6. Shakya T. W. The Dragon in the Land of Snows: A History of Modern Tibet Since 1947. London: Pimlico, 1999. – P.308–310.
 7. Shan Y., Zheng H., Guan D. Energy consumption and CO2 emissions in Tibet and its cities in 2014 // American Geophysical Union. [Elektronnyj resurs]. URL: // <https://agupubs.onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/2017EF000571> (Data obrashcheniya: 03.05.2020).
 8. Smith W. Tibetan Nation: A History Of Tibetan Nationalism And Sino-Tibetan Relations. New York: Avalon Publishing, 1997. – – 784 p.
 9. Yang W., Tingmeng Sh. A Study on the Development Model of Tibet's Eco-industry // 5th International Conference on Social Science, Education and Humanities Research (SSEHR 2016). [Elektronnyj resurs]. URL: // <file:///C:/Users/julie/Downloads/25857752.pdf>

References

1. Garri I. «Tibetskij vopros» i tibetskij buddizm v Kitae: reformy i konflikty // Gosudarstvo,

- (Data obrashcheniya: 21.04.2020).
10. Comparing Tibet and Xinjiang through the structural dimensions of socio-economic change. 14 March 2016 // Asia Research Institute. [Elektronnyj resurs]. URL: // <https://theasiadialogue.com/2016/03/14/comparing-tibet-and-xinjiang-through-the-structural-dimensions-of-socioeconomic-change/> (Data obrashcheniya: 18.04.2020).
 11. Fixed Asset Investment: Tibet 2000-2013. CEIC Global Economic Data, Indicators, Charts & Forecasts. [Elektronnyj resurs]. URL: // <https://www.ceicdata.com/en/china/fixed-asset-investment-annual-rural/cn-fixed-asset-investment-rural-tibet> (Data obrashcheniya: 10.04.2020).
 12. Irrigation Practices and Water Security in the Tibetan Plateau. 19 June 2014 // Future Directions International. [Elektronnyj resurs]. URL: // <http://www.futuredirections.org.au/publication/irrigation-practices-and-water-security-in-the-tibetan-plateau/> (Data obrashcheniya: 02.05.2020).
 13. Lhasa economic development zone to introduce 10 projects. 27 January 2010 // China Tibet Online. [Elektronnyj resurs]. URL: // <http://chinatibet.people.com.cn/6880640.html> (Data obrashcheniya: 12.04.2020).
 14. Quick Assessment of 60 years of Democratic Reform of the Tibet Autonomous Region: Development and Statistical Perspective. 18 November 2019 // Tibet Policy Institute. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://tibetpolicy.net/quick-assessment-of-60-years-of-democratic-reform-of-the-tibet-autonomous-region-development-and-statistical-perspective/> (Data obrashcheniya: 22.04.2020).
 15. Telecommunication development in remote areas — the Tibet case // International Telecommunication Union. [Elektronnyj resurs]. URL: // <https://www.itu.int/itunews/manager/display.asp?lang=en&year=2006&issue=10&ipage=Tibet-case&ext=html> (Data obrashcheniya: 18.04.2020).
 16. The 5th Five-Year Plan // The State Council of the People's Republic of China. [Elektronnyj resurs]. URL: // http://www.gov.cn/english/special/115y_index.htm (Data obrashcheniya: 04.05.2020).
 17. Tibetan farmers have more cash income this year. 26 Novemer 2011 //Permanent Mission Of The People's Republic Of China To The United Nations Office At Geneva And Other International Organizations In Switzerland. [Elektronnyj resurs]. URL: // <http://www.china-un.ch/eng/rqrd/jzzdh/t172805.htm> (Data obrashcheniya: 04.05.2020).
 18. Tourism in Tibet // Tibetan Government, Services and Economics: Facts and Details. [Elektronnyj resurs]. URL: // <http://factsanddetails.com/china/cat6/sub37/item2846.html#chapter-1> (Data obrashcheniya: 19.04.2020).
 19. Income of Tibetan farmers, herdsmen up in 2013. 11 March 2014 // China Daily. [Elektronnyj resurs]. URL: // https://www.chinadaily.com.cn/business/2014-03/11/content_17339905.htm (Data obrashcheniya: 04.05.2020).
 20. Tibet's 12 pct GDP growth. 14 March 2015 // People's Daily Online. [Elektronnyj resurs].

URL: // <http://en.people.cn/business/n/2015/0314/c90778-8862995.html> (Data obrashcheniya: 21.04.2020).

21. The 8-7 national poverty reduction program in China: the national strategy and its impact // The World Bank [Elektronnyj resurs]. URL : <http://documents.worldbank.org/curated/en/539811468743714961/The-8-7-national-poverty-reduction-program-in-China-the-national-strategy-and-its-impact> (Data obrashcheniya: 12.04.2020).

22. China's Massive Cross-country Water Project Approved. 26 November 2002 // People's Daily Online. [Elektronnyj resurs]. URL: // http://en.people.cn/200211/26/eng20021126_107475.shtml (Data obrashcheniya: 03.05.2020).

Информация об авторах

Куусела Юлия София

Факультет международных отношений

Институт бизнеса и делового администрирования

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при

Президенте Российской Федерации (РАНХиГС, Москва)

julie-sofie@yandex.ru

Эпштейн Виталий Анатольевич, научный руководитель, канд. социолог. наук, доцент

Кафедра мировой экономики и международных отношений

Институт бизнеса и делового администрирования

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при

Президенте Российской Федерации (РАНХиГС, Москва)

E-mail: epshteinv@gmail.com

Information about the Authors

Julia Sofia Kuusela

International Relations studies

Institute of Business Studies (IBS-Moscow),

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

(RANEPA, Moscow)

julie-sofie@yandex.ru

Vitaly A. Epsteyn, scientific supervisor, Ph.D. in Sociology, Associate Professor

International Relations department,

Institute of Business Studies (IBS-Moscow),

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA, Moscow)

epshteinv@gmail.com

Статья одобрена рецензентами: 30.04.2021

Статья принята к публикации: 11.05.2021

Reviewed: 30.04.2021

Accepted: 11.05.2021

The mental image of fox in the Japanese linguistic world view

Образ лисы в японской языковой картине мира

Сорокина Екатерина Сергеевна

г. Иркутск

shamaona@yandex.ru

DOI: 10.24412/2686-9675-2-2021-295-303

АННОТАЦИЯ

Языковая картина мира представляет собой заключенную в языке информацию об окружающем мире, которую носители языка фиксируют в своем сознании посредством языковых единиц. Проанализировав язык, можно увидеть, как носители языка воспринимают тот или иной образ. В Японии достаточно популярен образ лисы, который встречается не только в старых сказках, но и в произведениях массовой культуры. Образ лисы достаточно неоднозначен, поскольку лиса в японской культуре воспринимается и как опасное магическое животное, и как посланник божеств. С лисой связано множество японских поверий, а также различные пословицы и поговорки. В статье рассматривается образ лисы в языковой картине мира японцев. Проводится анализ различных слов и выражений японского языка, включающих лексему «лиса». Значительное внимание уделяется паремиям, в том числе ёдзидзюкуго. Рассматриваются наименования сказочных видов лис, поскольку разнообразие этих наименований также подтверждает значимость образа лисы для японцев и подчеркивает характеристику лисы как волшебного

ABSTRACT

Linguistic picture of the world is the information about the world which contained in language, and which native speakers fix in their minds through linguistic units. After analyzing the language, it is possible to understand how native speakers perceive a certain image. The image of fox which is found not only in old tales but also in mass culture is very popular in Japan. The image of fox is ambivalent enough since the fox in Japanese culture is perceived both as an evil magical animal and as a messenger of deities. Fox is associated with a lot of Japanese beliefs as well as various proverbs and sayings. The article considers the mental image of fox in the Japanese linguistic world view. An analysis of different words and phrases included lexeme "fox" is provided. Great attention is paid to paroemias including yojijukugo. Names of magical species of fox are considered since the variety of these names also confirms the significance of the fox image for Japanese and emphasizes the characteristic of fox as a magical animal. The article addresses relationship of fox with deities Inari and Dakini which is also reflected in the language.

животного. Затрагивается связь лисы с боже-ствами Инари и Дакини, которая также отраже-на в языке.

Ключевые слова: лиса, паремии, ёдзид-зюкуго, языковая картина мира, Япония.

Для цитирования: Сорокина Е.С. *Образ лисы в японской языковой картине мира.* Современные востоковедческие исследования. 2021; 3(2): 295-305.

ВВЕДЕНИЕ

Языковая картина мира представляет собой информацию о мире, переработанную и зафиксированную в языке. У носителей опреде-ленного языка формируется своя, специфич-еская картина мира. Образы окружающего мира, воспринимаемые носителями языка, находят отображение в языковых единицах (в первую очередь, лексике) и текстах [Гончарова, 2012, С. 404].

В японской культуре достаточно значим образ лисы. Лиса часто фигурирует в японском фольклоре — сказках, легендах, песнях и т.д. В произведениях современной массовой куль-туры Японии, в частности, аниме и манга, лиса также встречается довольно часто. Кроме того, лиса известна как посланник Инари – божества риса. Лисе, как и некоторым другим животным в Японии, приписывается способность к кол-довству и оборотничеству. С лисой связано до-статочно много поверий, которые также нахо-дят отражение в различных поговорках и по-словицах.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Автор статьи использует описательный метод, а также методы анализа и синтеза при изучении литературы, касающейся данной те-

Key words: fox, paroemias, yojijukugo, lin- guistic world view, Japan.

For citation: Sorokina Y.S. *The mental image of fox in the Japanese linguistic world view.* Modern oriental studies. 2021; 3(2): 295-305.

мы. Особое внимание уделяется анализу слов и выражений японского языка, включающих лексему «лиса». В статье используются матери-алы из электронного толкового онлайн- словаря Котобанк (яп. コトバンク), онлайн- словаря японского языка Weblio, словаря Кодзи Котовадза Дзитэн (яп. 故事ことわざ辞典), сло-варя Ёдзидзюкуго Дзитэн Онлайн (яп. 四字熟語 辞典オンライン) и словаря Котовадза Дзитэн Онлайн (яп. ことわざ辞典オンライン).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Иероглиф 狐 кицунэ (яп. «лиса») является фоноидеографическим. Иными словами, одна часть иероглифа отображает область понятий, к которым он относится, а другая — звук. В иероглифе 狐 часть 犭 — означает «собака/ зверь», а часть 瓜 — звук «ко», один из вариан-тов чтения данного иероглифа. Что касается этимологии самого слова «кицунэ», то суще-ствует несколько версий о его происхождении. Согласно одной из них, слово «кицунэ» произо-шло от звукоподражания голосу лисы — «кицукицу». По другой версии, этимология сло-ва «кицунэ» связана с цветом шерсти животно-го, так как, предположительно, «ки» — это

иероглиф 黄 ки — «желтый» [URL: <http://uain.jp/i/狐>]. Таким образом, лексема «лиса» может соотноситься с внешностью лисы (цветом шерсти), её голосом (кицукицу), и видовой принадлежностью (семейство собачьих).

В некоторых выражениях японского языка слово «лисий» используется в качестве характеристики внешнего вида. Так, например, золотистый цвет называется 狐色 кицунэиро — «лисий цвет». Поэтому блюда японской кухни, в которых содержится прожаренный до золотистого цвета тофу (абураагэ) называются «лисьими». Так в японской кухне существуют かつねうどん кицунэ удон, かつねそば кицунэ соба, かつね寿司 кицунэ суси, かつね丼 кицунэ дон и т.д. Возможно, именно из-за подобных названий в Японии появилось суеверие, что лиса очень любит жаренный тофу, хотя на самом деле, это не так.

Также существуют характерные выражения 狐目 кицунэмэ «лисий глаза» (т.е. глаза, по форме схожие с лисьими) и 狐顔 кицунэгао «лисийе лицо» (худое и длинное, как у лисы, лицо). Другая примечательная внешняя черта лисы отображена в поговорке 狐の子は面白 кицунэ но ко ва цурадзиро (дословно «у детеныша лисы — белая морда»), которая означает, что ребенок похож на родителя.

В паремических сочетаниях часто упоминается лисий мех, из которого делают шубы. Так, к примеру, существует ёдзидзюкуго (устойчивое сочетание из четырех иероглифов) 一狐之腋 икконоэки (дословно «подмышки одной лисицы»). Данное ёдзидзюкуго означает «нечто очень ценное, важное», так как подмышечная часть лисьей шкуры очень ценится из-за её белого цвета.

Другое ёдзидзюкуго 狐裘羔袖 кокю:ко:сю: — «шуба-то лисья, да рукава овечьи». К дорогой лисьей шубе (狐裘 кокю:) пришивают дешёвые овечьи рукава (羔袖 ко:сю:). Метафорически данное ёдзидзюкуго отображает ситуацию, когда по большей части все хорошо, но какая-то одна часть имеет проблемы, его также можно перевести как «хорошо, да не очень». Также это выражение существует в виде поговорки 狐裘にして羔袖す кокю: ни ситэ ко:сю:су.

狐裘蒙戎 кокю:мо:дзю: «беспорядок из-за лисьих шуб». 狐裘 кокю: — шуба на лисьем меху, в данном сочетании означает «люди, занимающие высокое положение». Лисий мех очень ценился, поэтому шубы на лисьем меху носили важные люди. 蒙戎 мо:дзю: означает беспорядок, путаница. Т.е. смысл данного сочетания заключается в том, что занимающие важный пост люди, злоупотребляя своим положением, приводят государство в беспорядок.

千金の裘は一狐の腋に非ず сэнкин но кю: ва икко но эки ни арадзу — «дорогая шуба за тысячу золотых не будет сделана с подмышечной части одной лисы», образно данное выражение означает «для управления страной требуется много великих людей».

Как мы можем видеть, лисий мех из-за своей ценности ассоциируется с чем-то дорогим и важным, в том числе и с людьми.

В нескольких фразеологизмах подчеркивается образ лисы как животного-оборотня, наряду с тануки — енотовидной собакой.

Выражение 狐と狸 кицунэ то тануки («лиса и тануки») или 狐と狸の化かし合い кицунэ то тануки бакасиай («лиса и тануки друг друга дурачат») обозначает двух хитрых персонажей, которые обманывают друг друга. Еще одно выражение — 狐狸变化 корихэнгэ «лиса и тануки — оборотни». 狐狸 кори — лиса и тануки. 变化 хэнгэ — оборотни, как в буквальном смысле, так и в переносном, т.е. люди, которым нельзя доверять. Также это выражение означает «делать зло тайком, исподтишка». Синонимично сочетанию 狐狸妖怪 кориё:кай (妖怪 ё:кай — «привидение, призрак, чудовище»). Однако хоть лиса и считается опасным и хитрым оборотнем, она слабее тануки, что подчеркивает поговорка 狐七化け 狸は八化け кицунэ нана бакэ тануки хая бакэ «у лисы семь обличий, а у тануки — восемь». Т.е. тануки действует умелей и хитрей, чем лиса.

Существует также выражение 一つ穴の狐 хитоцу ана но кицунэ «лисы из одной норы», синонимичное поговоркам 同じ穴の狸 онадзи ана но тануки «тануки из одной норы», и 同じ穴の貉 онадзи ана но мудзина «барсуки из одной норы». Эти поговорки можно расшифровать как «хотя на первый взгляд они не связаны, на самом деле заодно». Обычно эти выражения употребляются по отношению к злодеям.

В отношении злодеев, окружающих правителя употребляется ёдзидзюкуго 社鼠城狐 сякодзё:ко - «крысы в храме и лисы в городской стене (замке)». 社鼠 сясо — мышь в храме. 城狐 дзё:ко — лиса в замке. Когда лисы и мыши заводятся в таких местах, их очень трудно устра-

нить, поскольку для этого необходимо полностью разрушить эти места. Точно также сложно убрать злых людей у власти. Лиса здесь также сравнивается со злыми людьми.

В то же время, хотя лиса и тануки обманывают людей и вредят им, они не самые опасные в мире звери, что подтверждает поговорка 豺狼路に当たれり, 安んぞ狐狸を問わん сайро: мити ни атари, идзукундзо кори о тован «на дороге, где водятся дикие звери, не беспокойтесь о лисах и енотах». Слово 豺狼 сайро: «дикие звери» состоит из иероглифов 豺 сай «дикая собака» и 狼 ро: «волк». То есть, если в каком-либо месте водятся волки и дикие собаки, лисы и тануки по сравнению с ними не являются такой важной проблемой. В первую очередь необходимо устранить сильных и влиятельных врагов, а не беспокоиться о слабых противниках.

Лиса не самый сильный зверь, но она очень хитра, что подтверждает поговорка 狐、虎の威を仮る кицунэ, тора но и о кару (также есть вариант 虎の威を借る狐 тора но и о кару кицунэ и ёдзидзюкуго 狐仮虎威 кокакои) — «лиса одолжила могущество тигра». Образно это означает «пользоваться чужим влиянием и силой; бахвалиться, полагаясь на силу другого». Эта поговорка берет своё начало из китайской народной сказки, согласно которой, лиса, которую поймал тигр, заявила ему, что её нельзя есть, так как Бог назначил её правителем всех животных. Тигр последовал за ней и увидел, что другие животные в страхе разбегаются. На самом деле животные боялись тигра, но тот решил, что они боятся лисы, и поверил ей.

Лиса осторожна, что подчеркивает ёдзидзюкуго 狐疑逡巡 когисюндзюн «быть в нерешительности, терзаться сомнениями». 逡巡 сюндзюн означает «нерешительность, колебание», а 狐疑 коги — «сомнения, подозрительный, осторожный (словно лиса)».

Старых, очень опытных и ловких людей называют 古狐 фуругицунэ — «старая лиса». Также существует слово 昼狐 хиругицунэ (букв. «дневная лиса») — «лиса, которая вышла из норы днем». Так называют нервного, беспокойного человека, который нервничает, словно лиса, вышедшая из норы днём, а не ночью.

Лисе приписывают способность околдовывать и очаровывать. Выражение 狐につままれる кицунэ ни цумамарэру (букв. «околдован лисой») означает растерянность, когда происходит нечто непредвиденное. Человек не понимает, что происходит, как будто его околдовала лиса. Также в японском языке есть слово 狐媚 коби (букв. «лисье кокетство, лесь») которое значит «завлекать, обольщать; очаровывать, одурачивать».

Одно из «прозвищ» лисы — 迷わし鳥 маёвасидори. Слово 迷わし маёваси является 2-й основой от глагола 迷わす маёвасу, который означает: 1) озадачивать, ставить в тупик; приводить в замешательство (в недоумение, в растерянность); 2) вводить в заблуждение; 3) искушать, соблазнять; 4) очаровывать; одурманивать; завораживать. 鳥 тори в современном японском языке означает «птица», однако раньше в подобных словосочетаниях этот иероглиф обозначал не птицу, а любое животное.

Например, 紅葉鳥 момидзидори — олень, 夢見鳥 юэмидори — бабочка, 木の実鳥 кономидори — обезьяна и т.д. [URL: http://akaitori.tobihiro.jp/simpleVC_20101030203026.html] То есть, дословно 迷わし鳥 маёвасидори означает «очаровывающий зверь», что также указывает на способность лисы к обману и колдовству.

Непостоянный характер лисы подчеркивают такие слова, как 狐福 кицунэфуку (букв. «лисье счастье») — «неожиданное счастье, счастливый случай», 狐矢 кицунэя (букв. «лисья стрела») — «шальная (случайная) стрела» и 狐日和 кицунэбиэри (букв. «лисья погода») — «непостоянная, неустойчивая погода».

Лису связывают с различными необычными явлениями. Так, например, призрачные огни называются 狐火 кицунэби — «лисьи огни». Также их называют 狐の嫁入り кицунэ но ёмэири, «лисья свадьба». Кроме того, 狐の嫁入り кицунэ но ёмэири может обозначать «слепой дождь», то есть дождь при солнечной погоде. Считается, что лисью свадьбу можно увидеть во время таких необычных явлений.

Истинный облик лисы, принявшей образ человека, можно увидеть через 狐の窓 кицунэ но мадо (букв. «лисье окно») — фигуру из пальцев, скрещенных таким образом, чтобы между ними образовалось маленькое окошко. Не стоит путать 狐の窓 кицунэ но мадо со словом 狐窓 кицунэмадо, которое обозначает окно для вентиляции и освещения с деревянной решеткой кицунэгоси (яп. 狐格子 кицунэго:си (букв. «лисья решетка»)). Кицунэго:си — фонетически

искаженное 木連格子 кицурэго:си «деревянная решетка», иными словами, данное слово изначально не было связано с лисами.

Кроме вышеперечисленных слов и выражений, в японском языке существует множество названий для различных видов сказочных лис. Например, лисы-оборотни зовутся 化け狐 бакэгицунэ или 妖狐 ё:ко. Глагол 化ける бакэру означает «принять чей-либо образ, превратиться в кого-либо, что-либо». Иероглиф 妖 ё: значит «волшебный, чудесный, странный». Этот же иероглиф используется в слове «ёкай» (яп. 妖怪 ё:кай, «привидение, призрак, чудовище») — общем названии японских сверхъестественных существ. Можно сказать, что 妖狐 ё:ко — это именно лиса-ёкай. Также встречается такое название как 靈狐 рэйко (букв. «лиса-дух»).

Волшебные лисы могут быть как добрыми по отношению к людям, так и не очень. Добрых лис называют 善狐 дзэнко (букв. «добрая лиса»). Эти ёкай приносят людям удачу и счастье, и считаются посланниками богини Инари. Тех же лис, которые ведут себя недружелюбно, обманывают людей и вредят им, называют 野狐 яко (букв. «дикая лиса») [URL: <https://origami-japan.net/origami/2018/10/03/fox-japanese/>]. Интересно, что в этом слове используется иероглиф 野 я, который может обозначать «дикий, грубый». Также он может обозначать «оппозиция, неправительственные сферы» в политическом контексте. Однако у данного иероглифа нет значения «плохой, злой». То есть, яко не являются «абсолютным злом», но они могут нанести вред людям.

Лисам приписывается возможность вселяться в людей. Одержимость лисьим духом называется 狐憑き кицунэцуки. Истории об одержимости лисой встречаются по всей Японии. Есть также легенды о том, как некоторые семьи использовали лисьих духов в качестве духов-покровителей, чтобы достигать богатства и наводить различные болезни на своих врагов. Существуют различные виды таких лис, например, 管狐 кудагицунэ (лисий дух, который может поместиться в бамбуковую трубку (管 куда) — отсюда и название), 人狐 нинко/хитогицунэ (букв. «лиса-человек») и т.д. Магия для призыва лисьих духов, а также люди, умеющие это делать, называются 狐使い кицунэцукаи (狐 кицунэ — лиса, 使い цукай — поручение; послание; миссия; посланец; посыльный).

По японским поверьям, лисы с возрастом получают не только магические способности, но и дополнительные хвосты. Самой «развитой» лисой-оборотнем считается 九尾狐 кю:бико (также 九尾の狐 кю:би но кицунэ) — девятихвостая лиса.

Лисы различаются и по цвету шерсти. Так, например, существует 白狐 бякко (или хакуко) — белая лиса, 黒狐 куроко/кокуко — черная лиса, 金狐 кинко — золотистая лиса и 銀狐 гинко — серебристая лиса.

По достижению определенного возраста, лиса может стать духом, божеством (ками). К таким лисам относится 天狐 тэнко — небесная, божественная лиса. Кроме тэнко существуют такие разновидности божественных лис как 空狐 ку:ко и 気狐 кико. Иероглиф 空 ку: означает

«небо, воздух, погода, пустота». Иероглиф 気 ки — «воздух, атмосфера, энергия, настроение». Возможно, такие наименования связаны с тем, что лисы ку:ко и кико уже не имеют физической формы, являясь божественными существами с большой духовной силой [URL: <https://origamijapan.net/origami/2018/10/03/fox-japanese/>].

Также в японском языке существует слово 辰狐 синко. Одно из значений иероглифа 辰 син — «небесное тело». Таким образом, синко тоже можно перевести как «небесная лиса». Однако синко не является разновидностью лисы. На самом деле это слово служит наименованием буддийского божества Дакини-тэн (яп. 荼枳尼天 дакинитэн), чей образ в японской культуре XIII–XIV вв. ассимилировался с божеством Инари (яп. 稻荷 инари).

Инари — божество, защищающее урожай риса. Её имя можно перевести как «рис несущая». Изначально божеством риса в Японии считалась Ука-но-митама-но-ками (яп. 宇迦之御魂神). Этому божеству поклонялись в святилище у подножия горы Инари в Фусими, к югу от Киото, поэтому в дальнейшем название этой горы как имя божества плодородия распространилось по всей Японии [Лепехова, 2011]. Другим именем Инари считается Микэцуками (яп. 御饌津神). Имя Микэцуками также записывают иероглифами «три», «лиса» и «бог» — 三狐神 (также читается как «Сакудзи»). Данные иероглифы используются здесь фонетически, однако можно предположить, что такой способ записи обусловлен тем, что лисы являлись «защитниками риса», поскольку поедали

полевых мышей, пожирающих зерно. Таким образом, лиса стала считаться посланцем рисового божества – Инари.

Так как лиса считалась посланником Инари, она также стала ассоциироваться и с богиней Дакини. Хотя есть версия, что Дакини стала отождествляться с лисой из-за суеверий о лисьем колдовстве [Лепехова, 2011, С. 270]. К тому же, изначально дакини считались демоническими существами, пожирающими плоть умерших. В Индии их образ был связан с шакалами – пожирателями падали. Также спутником дакини считался вымышленный зверь под названием егань (якан) — животное, похожее на шакала (также это слово могло употребляться как наименование шакала). Слово «егань» (кит. 野干) вместе с буддийскими сутрами перешло в Китай [Иянага, 2003, С. 190]. В Китае этот зверь стал сравниваться с лисой, а в Японии слово «якан» стало одним из наименований лисы. В Нихон Рёики (VIII век), в легенде «Слово о лисице и ее сыне», в которой даётся сказочная этимология слова «кицунэ» (кицу-нэ — «приходи и спи» или ки-цунэ — «приходи всегда») лиса называлась именно «якан» [URL: <http://www.hyakujugo.com/kitsune/kenkyu/kigen01.htm>]. Таким образом, круг замкнулся – индийский егань, ассоциирующийся с демоническими дакини, постепенно эволюционировал в японскую лису, отождествляющуюся с Дакини-тэн.

ВЫВОДЫ

Как показывает проведенное исследование, образ лисы в японском языке достаточно многогранен. Много внимания уделяется внешности лисы, особенно её красивому меху.

По характеру лиса коварна, хитра и непостоянна, хотя и слаба. Она обманывает людей и вредит им. Подчеркивается её связь с колдовством, способностью к перевоплощению и одержимостью. В то же время, образ лисы как божественного посланца формирует положительное отношение к ней. И даже в качестве ёкая лиса может предстать в самых различных ипостасях — от дикой лисы яко до божества, наподобие тэнко или кико. Её образ достаточно неоднозначен и его нельзя назвать положительным или отрицательным. Однако можно точно сказать, что лиса занимает в картине мира японцев достаточно важное место.

Литература

1. Гончарова, Н. Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия Тульского государственного университета. 2012. №2 С. 396–405.
2. Иянага Нобуми. Дакини и император // Тантрический буддизм. Серебряные нити. М., 2003, 400 с.
3. Лепехова, Е. С. Специфика восприятия женских синтоистских божеств в эзотерическом японском буддизме XII–XIV вв // Гуманитарный вектор. 2011. №4(28). С. 269–273.
4. 古名[電子リソース]. — URL: http://akaitori.tobihiro.jp/simpleVC_20101030203026.html (2020年2月28日).

5. 第一節「狐女房」伝説[電子リソース]. — URL: <http://www.hyakujugo.com/kitsune/kenkyu/kigen01.htm> (2020年2月28日).
6. 日本の伝承『稲荷神、お狐さま、妖狐、化け狐』名前・種類一覧【40選】[電子リソース]. — URL: <https://origamijapan.net/origami/2018/10/03/fox-japanese/> (2020年2月28日).
7. 由来・語源辞典 - 狐[電子リソース]. — URL: <http://yain.jp/i/狐> (2020年2月28日).

References

1. Goncharova, N. N. (2012) Yazykovaya kartinna mira kak ob"ekt lingvisticheskogo opisaniya [Linguistic picture of the world as an object of linguistic description] Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2. pp. 396–405.
2. Iyanaga N. (2003) Dakini i imperator [Dakini and Emperor] Tantricheskij buddizm. Serebryanye niti. Moscow. 400 p.
3. Lepekhova, E. S. (2011) Specifika vospriyatija zhenskih sintoistskih bozhestv v ezotericheskom yaponskom buddizme XII–XIV vv [The transformation of shinto female goddesses in medieval Japanese buddhism (12th–14th centuries)] Gumanitarnyj vektor. 4(28). pp. 269–273.
4. 古名[電子リソース]. — URL: http://akaitori.tobihiro.jp/simpleVC_20101030203026.html (2020年2月28日).

5. 第一節「狐女房」伝説[電子リソース]. — URL: <http://www.hyakujugo.com/kitsune/kenkyu/kigen01.htm> (2020年2月28日).
6. 日本の伝承『稲荷神、お狐さま、妖狐、化け狐』名前・種類一覧【40選】[電子リソース]. — URL: <https://origamijapan.net/origami/2018/10/03/fox-japanese> (2020年2月28日).
7. 狐[電子リソース]. — URL: <http://yain.jp/狐> (2020年2月28日).

Информация об авторе

Сорокина Екатерина Сергеевна

г. Иркутск

Электронная почта: shamaona@yandex.ru

Information about the Author

Mgr. Ekaterina Sorokina

664523, Irkutsk, Beresovy, 87, 13

Russia

shamaona@yandex.ru

Статья одобрена рецензентами: 30.04.2021

Статья принята к публикации: 11.05.2021

Reviewed: 30.04.2021

Accepted: 11.05.2021

Genesis of the gender system in Vietnam

Генезис гендерной системы во Вьетнаме

Балакин Дмитрий Александрович, Кудрявцева Дарья Алексеевна

Казанский федеральный университет

lorenzo.merk.31@gmail.com

DOI: 10.24412/2686-9675-2-2021-304-317

АННОТАЦИЯ

Работа посвящена изучению исторического развития гендерных отношений во Вьетнаме с древнейших времен по настоящее время. Рассматриваются роли уксорилокальности и вирилокальности в развитии семейных отношений во вьетнамском обществе. Основное внимание уделено вьетнамской гендерной системе и изменениям, происходившим в ней на протяжении истории. Подробно рассказано о преобразованиях в социальном положении женщин внутри этой гендерной системы, так как именно они кажутся более динамичными по сравнению с преобразованиями в социальном положении мужчин. Значительное внимание уделено разнице развития гендерных отношений в высших и низших слоях общества в дореволюционный период и разнице развития гендерных отношений в городе и деревне после принятия курса обновления. Противопоставляются строгие нормы неоконфуцианства и традиционные вьетнамские обычаи. Подчеркивается более высокое социальное положение вьетнамских женщин относительно китайских. Основными критериями для характеристики гендерных отношений вьетнамского общества в тот или иной период служат отношение вьетнамцев романтическим и добрачным отношениям, наличие определенных свобод в поведении у того или иного пола, наличие санкций,

ABSTRACT

The work is devoted to the study of the historical development of gender relations in Vietnam from ancient times to the present. The role of uxori-locality and virilocality in the development of family relations in Vietnamese society is considered. The main focus is on the Vietnamese gender system and the changes that have taken place in it throughout history. It is described in detail about the transformations in the social position of women within this gender system, since they seem to be more dynamic in comparison with the transformations in the social position of men. Considerable attention is paid to the difference in the development of gender relations in the upper and lower strata of society in the pre-revolutionary period and the difference in the development of gender relations in the city and village after the adoption of the renewal course. The strict norms of neo-Confucianism and traditional Vietnamese customs are opposed. The higher social status of Vietnamese women relatively to Chinese women is emphasized. The main criteria for characterizing the gender relations of Vietnamese society at one time or another are the attitude of the Vietnamese to sexual activity, romantic and premarital relationships, the presence of certain freedoms in behavior for one sex or another, the presence of sanctions

карающих за те или иные формы проявления гендерных отношений.

Ключевые слова: неоконфуцианство, уксорилокальность, вирилокальность, Вьетнам, вьетнамское общество, гендерная система

Для цитирования: Балакин Д.А., Кудрявцева Д.А. *Генезис гендерной системы во Вьетнаме*. Современные востоковедческие исследования. 2021; 3(2): 304-317.

ВВЕДЕНИЕ

Гендерные отношения — это совокупность биологических, психофизиологических, душевных и эмоциональных реакций, переживаний и поступков человека, связанных с проявлением и удовлетворением полового влечения. World Health Organization определяет гендерные отношения как центральный аспект человеческого существования на протяжении всей жизни человека. Существуют два подхода к пониманию человеческой гендерных отношений: биологический детерминизм и культурный детерминизм. Биологический детерминизм рассматривает гендерные отношения как сугубо биологическое явление, половые различия в обществе имеют природную основу. Приверженцы культурного детерминизма утверждают, что гендерные отношения формируются под влиянием социальных процессов. Так, представители разных культур проявляют ее неодинаково. Автор данной работы придерживается мнения, что на становление гендерных отношений влияние оказывают и биологические, и социальные факторы, превалируя одни над другими в разные исторические периоды. В данной работе автор с упором на гендерную систему показывает, как менялись гендерные отношения вьетнамского общества, подвергаясь влиянию сначала в основном природных, а затем социальных факторов в ходе истории.

punishing certain forms of gender relations.

Key words: gender relations, Neo-Confucianism, uxori-locality, viri-locality, Vietnam, Vietnamese society, gender system

For citation: Balakin D.A., Kudryavtseva D.A. *Genesis of the gender system in Vietnam*. Modern oriental studies. 2021; 3(2): 304-317.

Определенные характеристики развития общества в тот или иной исторический период обеспечивают потребность общества в изменении социального положения полов относительно друг друга. Возникает необходимость в применении понятий уксорилокальность (норма брачного поселения, при которой молодые живут там, где до этого постоянно жила невеста), вирилокальность (супруги селятся там, где раньше жил муж), матрилинейность (счёт происхождения и наследования по материнской линии). Для культуры Дальнего Востока характерны патрилинейность и патрилокальность, для культуры ЮВА — матрилинейность и матрилокальность. Вьетнам в этом плане представляет особый интерес, так как является государством, культура которого соединила элементы культур Дальнего Востока и ЮВА. При этом факт сохранения относительно либерального отношения к проявлению гендерных отношений и более высокого социального положения женщин свидетельствует о доминировании Юго-Восточных тенденций развития культуры, независимо от китайского давления на развитие Вьетнама и может служить аргументом в споре об успехе или провале попыток Китая насадить свою культуру.

Понятие гендерных отношений и половые ценности, сформировавшиеся в период с 1945 по 1975, несмотря на крупные изменения,

произошедшие после принятия курса обновления, все еще не изжили себя. Иными словами, во Вьетнаме сосуществуют строгие социалистические нормы и подходы к гендерным отношениям и современные, относительно гораздо более либеральные нормы половой деятельности. Такая ситуация порождает следующую проблему: общество, получив определенное количество свобод, не способно пользоваться ими разумно за неимением прошлого опыта и надлежащих знаний. Увеличивается распространенность заболеваний ИППП, наблюдается бум абортот. Вьетнамское общество еще не готово полностью принять или понять некоторые феномены общественной гендерных отношений, например, феномен ЛГБТ+. Поэтому существует необходимость проведения исследований на соответствующие тематики для понимания современного вьетнамского общества и того, как с ним работать.

По тематике данного исследования написаны такие работы, как «Renovating Masculinity. Urban Men's Experiences and Emergent Masculinity Models in Doi Moi Vietnam» Филипа Мартина, «Matrilineal Societies in Southeast Asia: Examples from Highland Vietnam» Нила Олсена, «Being Special for Somebody: Urban Sexualities in Contemporary Vietnam» за авторством Tine Gammeltoft, «Bilateral social pattern and the status of women in traditional Vietnam» Инсуна Ю.

Цель исследования — рассмотрение генезиса гендерных отношений во Вьетнаме на протяжении его истории, а также описание сопряженных с данной тематикой реалий, играющих значимую роль для исторического развития вьетнамского общества вплоть по настоящее время. Научная новизна работы заключается в выборе темы, так как до сих пор в российском вьетнамоведении заметен острый недостаток работ подобной тематики. Сами вьетнамские

ученые отмечают относительно слабую развитость социальных наук во Вьетнаме, что способствует минимальному росту количества исследований на данную тему. Выводы данного исследования могут быть использованы в качестве аргументов в спорах о китайском и западном влиянии на Вьетнам, а также при организации проектов по работе с населением. В результате выявлена динамика отношения вьетнамцев к половой активности, к романтическим отношениям, динамика положения женщин в обществе.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для составления общей канвы истории были проанализированы и сопоставлены работы зарубежных исследователей и на их основе сделаны и логически связаны самостоятельные выводы. Автор также прибегает к визуальному анализу археологических памятников.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Исследование полового поведения в прошлом во Вьетнаме осложнено нехваткой материалов в виде историографических документов. Это объясняется влиянием буддизма и конфуцианства, которые считали данную тему недостойной внимания. По этой причине изучение гендерных отношений во Вьетнаме в прошлом возможно только благодаря анализу фольклора, ритуалов и этнографических материалов.

Археологические памятники, обычаи и ритуалы

С древних времен вьетнамцы воспринимали половую активность как естественную часть жизни, выполняющую важную функцию продолжения рода, выступающую в гармонии с вселенной и не вызывающую стыда и стеснения. Этому служат свидетельством сосуд Dao Thinh бронзового века (рис.1) и бронзовый

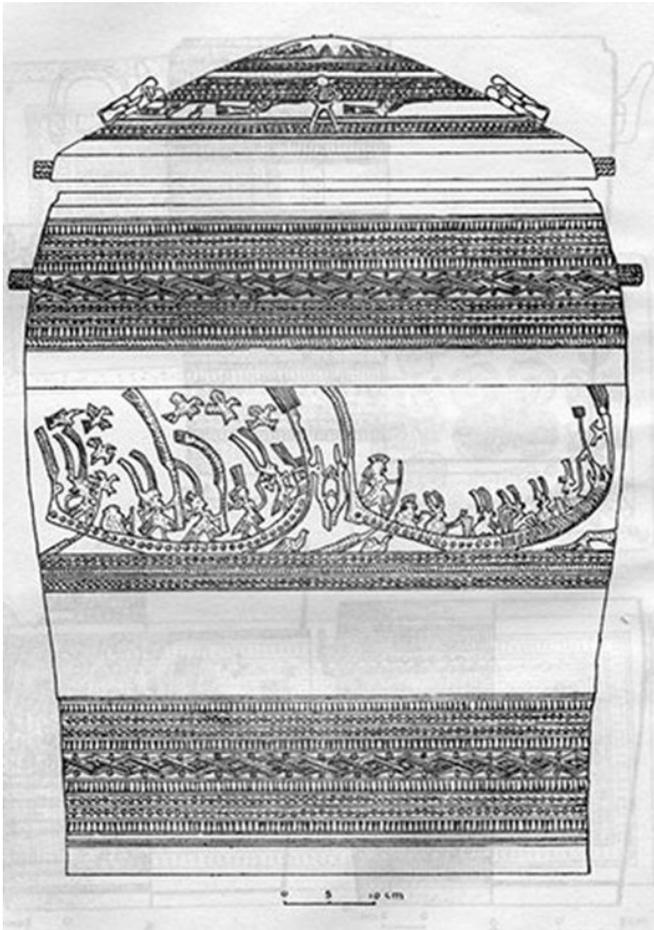

Рис.1 Бронзовый сосуд Dao Thinh, Национальный музей истории, Ханой

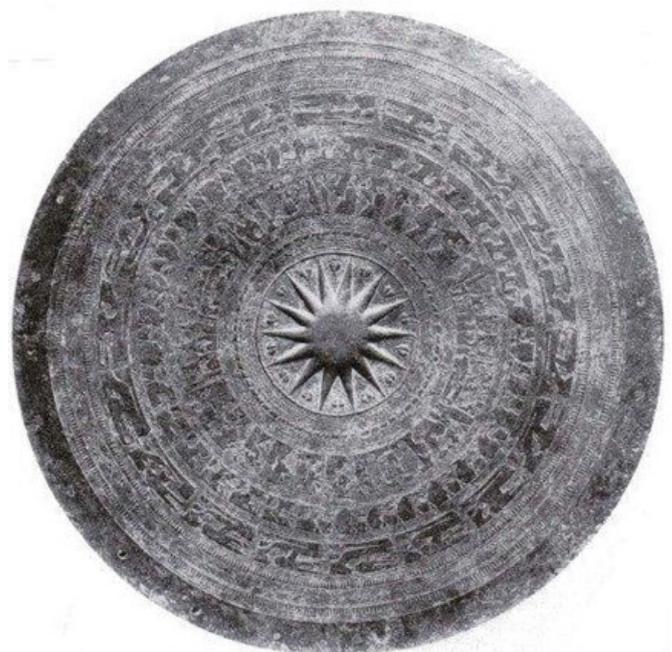
Figure 1 Dao Thinh Bronze Vessel, National History Museum, Hanoi

барабан Ngoc Lu (рис.2), изображающие пары в момент совершения полового акта наравне с сюжетами из обыденной бытовой жизни.

Проводились ритуалы, фестивали, игры, включавшие в себя действия сексуального характера или полностью состоявшие из них. Вплоть до 1945 некоторые деревни поклонялись богу No Nuong, в котором No подразумевал мужской половой орган, а Nuong — женский. Ежегодно старейшины деревень совершали жертвоприношения. В течение процессии глава деревни и его помощник ритмично ударяли друг о друга No и Nuong. В конце мероприятия молодые парни и девушки разбивались по па-

рам, чтобы весь последующий год им сопутствовала удача. В деревне Ту, провинция Vinh Phu, один из местных богов представлен в форме гениталии. В местах проживания чамов, чья культура испытала сильное влияние со стороны Индии, сохраняется культ поклонения Линга и Йони, символам божественной производящей силы. Линга и Йони выступают как неотъемлемая часть танцев Мо, Инь Ян и фестиваля Dong Ку. После проведения ритуала, в котором Линга вводится в Йони трижды, его участники начинают толкать друг друга для достижения «прелестной одержимости» и обретения удачи.

Подобные игры и ритуалы проводятся в деревне Nga провинции На Вас как часть поклонения богине Linh Son My Nuong. Либеральное отношение к половой активности также выражается в проведении таких фестивалей, как Hoan Song в провинции Vinh Phu, фестиваль песнопений коммуны Quang Lam и фестиваль в деревне Quang Lam в провинции На Вас.

Ngoc Lu bronze drum (Vietnam)

Рис.2 Бронзовый барабан Ngoc Lu
Fig. 2 Ngoc Lu Bronze Drum

С принятием конфуцианства как официальной идеологии вьетнамское общество ощутило естественную необходимость в поисках компромисса между древними обычаями и строгой этикой конфуцианства. Некоторые традиции подверглись модификации. Например, в 19 веке император Tu Duc из ревностной преданности канонам конфуцианства был вынужден наложить запрет на ритуал, проводимый в честь полового сношения бога Dung и богини Da, которые также являлись братом и сестрой. Однако, как только в деревнях начались эпидемии болезней, данный ритуал был восстановлен с учетом того момента, что после имитации полового акта куклами, изображавших Dung и Da, куклам отрывали головы, а их тела окропляли петушиной кровью и отправляли в плавание по Красной реке.

Гендерная система с древности по 1945г.

Вьетнамские историки обычно склонны считать, что вьетнамское общество было преимущественно матрилинейным в эпоху неолита, а затем постепенно стало патрилинейным в эпоху бронзы. Тем не менее, есть основания полагать, что матрилинейность полностью не исчезла из вьетнамского общества. Существует также теория, которая рассматривает систему родства в традиционном вьетнамском обществе как двустороннюю, с равным распределением власти и влияния между полами. Например, разделение 100 сыновей между отцом и матерью в мифах происхождения Вьетнама, по-видимому, отражает двустороннюю семейную систему. Некоторые ученые также утверждают, что система родства во вьетнамском обществе Ле (1428-1788) все еще сохраняла двусторонние аспекты, хотя в основном она была патрилинейной.

В течение истории мужчины приобретали более высокое социальное положение относи-

тельно женщин из-за большей роли, которую они играли в производстве. Историки добавляют, что наследование престола мужчиной было отражением мужского превосходства в обществе Ван Ланга. Фактически же, власть женщин была тесно связана с легитимностью вьетнамских правителей почти на протяжении всей вьетнамской истории. Независимо от того, трансформировалось ли древнее вьетнамское общество из матриархата в патриархат с возвышением Ван Ланга, несомненно, что двусторонний социальный образец поддерживал высокий социальный статус женщин. Вьетнамским женщинам, в отличие от китайских, разрешалось покидать дома выбирать себе мужа и вступать в брак без разрешения родителей. Вьетнамская практика перешла от уксорилокальности к вирилокальности, поскольку общество начало ориентироваться на мужчин в связи с растущим развитием сельского хозяйства. Распространение вирилокальности также стало результатом политики Китая. Тем не менее, уксорилокальность долгое время оставалась глубоко укоренившимся феноменом во вьетнамском обществе. Ле Тхань Тонг (1460-1497) запретил обычай, по которому жених жил в доме родителей невесты в течение трех лет, считая это противоречащим конфуцианской этике. Неясно, в какой степени был соблюден этот указ. Традиция уксорилокальности была более распространена в южной части страны, где влияние конфуцианства было слабым.

Тем не менее, нельзя отрицать, что со временем вирилокальность стала более распространенной, чем уксорилокальность. Но это изменение не повлияло на относительно высокое положение женщин и их отношения с семьей. Хвалебные изображения и поклонение восставшим женщинам (сестры Trung, Trieu Au и т.д.), должно быть, помогали женщинам поддерживать свой высокий статус даже

в ориентированном на мужчин обществе. Муж не имел права наследовать имущество своей жены. Жена также не имела права наследовать права своего мужа. Если один из супругов умер и у пары не было детей, имущество умершего, включая половину нового имущества, приобретенного во время брака, возвращалось его или ее родителям для его или ее культа. Это говорит о том, что женщины не были включены в семью своего мужа через брак и что они поддерживали тесные отношения со своей родной семьей. Близкие отношения женщин с их родителями, должно быть, сыграли важную роль в поддержании высокого положения женщины. Когда женщина была недовольна своей семейной жизнью, она могла без труда попросить о разводе. Следовательно, женщины не были обязаны быть покорными, и они могли настаивать на своем мнении. Если их муж отказывался от развода, они возвращались домой без его согласия. Это может свидетельствовать о финансовой независимости женщин. Более того, если их муж не заботился о них должным образом, закон позволял им обращаться в органы власти. В случае развода женщина может забрать свое имущество и половину совместного имущества, нажитого в браке. Кроме того, она имела достаточно власти над детьми. Вьетнамцы предпочитали детей мужского пола женскому, но последние никогда не исключались из наследства. Женская преемственность практиковалась настолько широко, что в Кодексе Ле провозглашалось, что, если родители не могли произвести на свет детей мужского пола, старшая дочь имела право на землю для отправления культа предков.

В начале 19 века правители династии Нгуен стали уделять больше внимания конфуцианской семейной морали, ориентированной на мужчин. Следовательно, патрилинейная тенденция стала более очевидной, а двусторонний

социальный паттерн ослаб. Тем не менее, традиционное вьетнамское общество нельзя было назвать находящимся под строгим контролем конфуцианской морали; нельзя также сказать, что положение женщин было таким же низким, как в Китае. В отличие от кодекса законов, традиционные обычаи по-прежнему уважали права женщин на собственность и требовали их согласия при продаже семейной собственности.

Родители в знатных, конфуцианских семьях предпочитали отдавать дочерей замуж по достижению ими пубертатного возраста (в среднем 12 лет на 19 век), чтобы уберечь их от половых связей до брака, так как женская девственность считалась главным критерием при заключении брака. Деревня же переживала ряд противоречивых явлений. С одной стороны, люди более низкого социального статуса сохраняли более либеральное отношение к половой активности, сохраняли обычаи и ритуалы, подобные описанным ранее, а в то же время были вынуждены подвергать некоторые традиции изменениям. Хуат Тху Хонг пишет, что в прошлом женщину, нарушившую супружескую верность, брили налысо, а беременную незамужнюю женщину отправляли дрейфовать по реке. Предположительно, что ответом на это стало появление в фольклоре сюжетов, призванных защитить таких женщин. Это были сюжеты, по которым женщина, вступив в следы животных, чудовищ или услышав их рев, оказывалась беременна и рожала талантливого ребенка с великой судьбой. Женщины в фольклоре делали смелые заявления, объявляя, что «умная женщина беременна без мужа, простушка — беременна в браке», «целомудренная женщина еще достойна поклонения» и т.д. В свою очередь, когда конфуцианство требовало от мужчин, чтобы те сдерживали свои плотские желания, вьетнамцы отвечали, что «в этом мире мужчина не может отказать себе только

в трех вещах: в крепком алкоголе, в жирном козле и в юных девушках». Хуат Тху Хонг указывает, что, согласно исследованию Vũ Thị Phụng, с 19 века женщины в деревне были исключены из общественной жизни, должны были служить и подчиняться мужу. Муж имел право публично оскорблять или даже убить жену, если подозревал ее в измене. Половые отношения до брака не допускались, тайные ухаживания считались признаком распущенности. В это же время Инсун Ю свидетельствует о наличии гораздо больших свобод у женщин низкого социального статуса.

Вопреки народной культуре официальная культура старалась поддерживать строгие взгляды конфуцианства на половое поведение и женское целомудрие. Все литературные произведения периода феодализма во Вьетнаме описывают женщину как робкую и застенчивую пленницу своих покоев. Конфуцианство как официальная идеология диктовало особые правила поведения для мужчин и женщин. Согласно этой философско-этической системе, мужчины должны были заботиться о своих женах и быть с ними справедливы, женщины же должны были слушаться своих мужей, быть им верны и хранить девственность до брака. Неограниченные физические контакты между двумя полами запрещались. Идеальный мужчина по конфуцианству представлял из себя человека, который неустанно совершенствовался через самодисциплину и познание. В обществе он выступал в роли хозяина, завоевателя, правителя или учителя. Чтобы утвердить свой успех в обществе, он мог иметь несколько жен и бросать их, как его интерес к ним угасал. Жизнь женщины находилась под полным контролем мужа и его семьи. Поскольку неоконфуцианство основывалось на понятии гармонии во вселенной, женщина ставилась в дополняющую, пассивную роль по отношению к муж-

чине. Вся ее жизнь должна была быть посвящена подчинению и услужению сначала отцу, затем мужу и, после смерти последнего, сыну. Существовало понятие о Четырех добродетелях, обязательных к исполнению женщинами. Согласно им, женщина должна была быть хорошей хозяйкой, быть физически привлекательна для мужа, но не для других мужчин, быть кроткой, послушной и пассивной.

По нормам конфуцианства половые отношения считались потенциальным источником всех социальных зол. Отсюда женщина тоже рассматривалась как источник социальных зол по причине того, что могла вызвать в мужчине половое влечение. При этом женская ценность главным образом состояла из ее верности и невинности. Неоконфуцианство содержало в себе идеи и учения, по которым женская неприкосновенность ценилась выше ее жизни даже в случае изнасилования. Теоретически целомудрие девушки было важным критерием отбора, но так или иначе в этот период добрые отношения имели место быть. Об этом свидетельствует история любви молодой пары, упомянутая в исследовании деревни в дельте Красной реки Ну Van Luong [1992]. В этой истории девушка после связи с молодым человеком в последствие выходит замуж за другого юношу без каких-либо препятствий.

С середины XIX века до начала XX века западная культура, в основном, французская, начала оказывать влияние на крупные городские территории Вьетнама, хотя ее распространение было ограничено. Новые идеи и стиль жизни были переняты только небольшими социальными группами: интеллектуалами, государственными служащими, учеными, торговцами. Более того, даже внутри этих социальных групп французское влияние было поверхностным, без колебания глубинных аспектов конфуцианской и вьетнамской культуры. На жизнь

большинства же крестьян в сельской местности французская культура не оказала никакого влияния.

Тем не менее, французское влияние сыграло важную роль в понижении влияния конфуцианства. Впервые широкому кругу вьетнамцев стали доступны работы западных авторов (Дюма, Гюго, Руссо, т.д.), что привнесло свои тенденции в развитие вьетнамской литературы. Вьетнамские авторы принялись критиковать браки по договоренности и строгость конфуцианских норм, их все больше волнует важность свободной от социальных рамок любви. Благодаря этому ряд зажиточных семей впервые позволил своим детям самостоятельно выбрать себе супругов, однако говорить, насколько широко распространился в то время данный феномен, сложно. В это же время французы не проявляли понимания и уважения по отношению к праву на собственность женщин более низких социальных слоев и рассматривали его как пережиток прошлого.

Гендерная система при социализме и в военное время (1945-1975)

В новой социальной ситуации изменение представлений о половых отношениях происходит уникальным образом. Отвергаются старые представления о различиях между мужчинами и женщинами, институт брака по договоренности и феномен абсолютной власти главы семьи. Первая конституция ДРВ провозглашала гендерное равноправие. Право детей свободно выбирать супругов было официально признано на законодательном уровне в 1959г. Это вывело брак из-под строгого контроля родителей. Однако данный закон не мог изменить бытовое восприятие вьетнамцами гендерных отношений. Половые отношения все еще считались допустимыми внутри брака только в целях репродукции. Основное внимание людей было

направлено на строительство и оборону государства, поэтому отдельные любовные потребности игнорировались. Романтические идеи и идеи индивидуализма в литературе подвергались критике, воспевалось принесение в жертву личных чувств ради общего блага. Общей темой литературы было сдерживание естественных желаний ради долга перед великим делом. Персонажи никогда не решались зайти слишком далеко в своих отношениях, самые интимные моменты описаны через робкие поцелуи в щеку. Люди в целом испытывали меньше дискомфорта в вопросах гендерных отношений и проявлении симпатии, однако в обществе личные чувства критиковали как неприемлемые.

Попытка обеспечения равенства полов была осуществлена жестким догматическим способом, через устранение гендерных различий. Женщины должны были выполнять мужскую работу и носить мужскую одежду. За ношение макияжа и западных причесок женщину могли посчитать за представителя ленивого, беззаботного эксплуататорского класса. Все западное считалось источником распущенности. Интерес женщин к моде рассматривался как «сексуальная провокация», низменная и присущая животным. Под красотой понимались чистота, простота и здоровье. Стильных мужчин также не уважали. Представителям полиции позволялось разрезать брюки граждан, если те оказывались недостаточно широкими. Предпочтение в моде отдавалось военной форме.

На смену образу идеального конфуцианца, строгого приверженца Трех правил и Пяти постоянств, пришел образ солдата — совершенного человека, готового пожертвовать своей жизнью ради целей нации и революции. Для женщин же добродетель теперь выражалась в терпеливом и верном ожидании возвращения

мужей и обеспечении нужд и потребностей всей семьи. Пропаганда широко использовала образ женщины с ружьем на плече, вспахивающей рисовое поле. Военные песни, стихи и прочие произведения уподобляли отношения пары союзу товарищей, дружбе солдат на поле боя или в тылу, объединенных готовностью отдать жизнь ради страны и нации.

Несмотря на то, что общество боролось за свободную любовь, внебрачные половые отношения считались серьезным преступлением. Уличенные в них люди необратимо теряли свое социальное положение и достоинство в глазах других, санкции против них включали понижение в должности, исключение из партии, отправка в родное село. Мужчинам после обнаружения их участия в «незаконных» отношениях было проще вернуться к относительно нормальной жизни в сельской местности, чем женщинам. Первые все еще могли жениться или вернуться в семью, женщины же считались уже «ни на что не годными».

Не существовало понятия любви ради любви, любовь всегда была связана с революционным делом, с любовью к родине и к социализму и таким образом была идеализирована. Конфуцианский лозунг «Мужчины и женщины не должны иметь физического контакта» по-прежнему был стандартом в любви; парам не полагалось держаться за руки, целоваться или обниматься в общественных местах. Личные отношения также контролировались молодежными организациями (Лига Молодежи), которые наравне с родителями могли давать согласие на потенциальные отношения пары или воспрепятствовать им. При посещении молодым человеком дома девушки, последняя должна была сидеть в своей комнате, пока юноша общался с ее родителями. В ходе этого общения родители первым делом обращали внимание

на семейное происхождение молодого человека. Если его родственники проявляли трусость на поле боя или его предкам до 1945г. принадлежали земельные участки, то мальчику отказывали. Если же мальчик был членом Коммунистической партии Вьетнама, его считали «идеальным» кандидатом для девушки, независимо от его характера. Члены партии должны были сообщить о своем намерении начать встречаться с кем-то в местное партийное подразделение, так как партия хотела убедиться, что ее члены общаются с «квалифицированными» людьми. В случае неявки в подразделение члена партии исключали.

Согласно исследованию Хуат Тху Хонг, в то время отмечается абсолютное отсутствие полового просвещения. Детям запрещалось читать многие из дореволюционных книг, в которых упоминались половые отношения; матери не информировали дочерей о менструации. Родители строго следили за отношениями их дочерей с мужчинами. Одно наличие молодого человека у девушки могло стать поводом для побоев и жестоких наказаний. Хуат Тху Хонг также отмечает, что вплоть до свадьбы женщины не имели никакого представления о половых отношениях, в то время как многим, но далеко не всем, мужчинам удавалось получить какую-то информацию по этой теме в разговорах с друзьями. Ограничение гендерных отношений привело к поиску в обществе способов неофициального доступа к материалам (книгам, журналам) по данной теме. Вопреки строгому контролю добрачные половые отношения имели место быть, особенно в студенческой среде (санкцией по отношению к студентам было исключение из учебного заведения).

Гендерная система в период обновления и после

Диверсификация экономики помогла ускорить производство и развитие общества, привлекая значительную рабочую силу и увеличивая как социальные, так и индивидуальные источники дохода. Возвращение к домашним хозяйствам в качестве основной экономической единицы стимулировало индивидуальный динамизм и творческий подход, что позволило многим увеличить свои доходы. Эти экономические изменения также привели к заметным изменениям в общественных отношениях. Свобода личности и положение женщин заметно улучшились благодаря возможностям увеличения доходов и экономической независимости. Родители постепенно теряют контроль над своими взрослыми детьми. Контакт с западной культурой — еще один важный фактор, ведущий к социальным и культурным изменениям. С конца 1990-х годов коммерческие товары, ориентированные на женщин, заполняют городские районы Вьетнама. Торговые центры и местные рынки начали продавать косметические продукты и иностранную одежду. Через конкурсы красоты и рост популярности соответствующих коммерческих продуктов выражение гендерных отношений становится частью общественной жизни. Вьетнамские женщины больше не чувствуют дискомфорта, когда следуют модным тенденциям. Происходит резкое увеличение печати модных журналов и журналов для женщин, ориентированных на разные экономические слои. С импортом косметических товаров также пришли иностранные взгляды на ценность женщин. До 1990-х годов красота вьетнамских женщин никогда не ассоциировалась с гендерными отношениями и, как правило, означала внутреннюю, а не просто физическую, красоту. Однако с середины 1990-х годов вторжение корейских фильмов в прайм-

таймы вьетнамских телевизионных программ положило начало подавляющей тенденции следовать корейской моде и стилю макияжа (разноцветные волосы, темная помада, открытая одежда).

Наиболее заметны изменения в половых отношениях. Быстро растет интерес к данной тематике, увеличивается количество статей на эту тему. Были рассмотрены многие вопросы, связанные с любовью и гендерными отношениями — добрачные половые отношения, супружеская измена, способы поддержания интимной жизни между мужем и женой, а также способы избежать домогательств. В книжных магазинах увеличивается число книг, авторы которых углубляются в тематику гендерных отношений. Признавая популярность этих книг, вьетнамские газеты и журналы также начали включать в свое содержание колонки о любви и отношениях. Стало допустимым проявление физической близости на публике. Происходит рост числа добрачных аборт (в Ханое и Хошимине незамужние женщины составляют 20-30% от общего числа абортов). Настоятельная директива о сокращении прироста населения смягчает политику в отношении абортов. Женщинам больше не нужно предъявлять удостоверение личности, и они могут скрывать свое настоящее имя, адрес, семейное положение и возраст. Кроме того, плата за аборт невысока.

Также растет число женщин, родивших раньше первых девяти месяцев после вступления в брак. Женщины по-прежнему склонны помещать половые отношения в семейный контекст, но, в отличие от женщин старшего возраста, молодые женщины подчеркивают важность чувства удовлетворенности подобными отношениями для обеспечения семейного счастья. Мужчины не ограничивают обсуждение половых отношений рамками брака, но

подчеркивают важность наличия в подобных связях взаимопонимания.

Большие изменения также касаются и сельскохозяйственных районов Вьетнама, хотя происходят гораздо медленнее. В сельских районах Вьетнама традиционные учения о гендерных ролях и гендерных отношений все еще сохраняются. Молодые девушки во внегородской среде чаще находятся под строгим контролем родителей, однако при соблюдении определенной осторожности им все же удается нарушать строгие нормы.

ВЫВОДЫ

До 1945г. гендерные отношения вьетнамского общества развивается по двум противоречащим путям: сохранение относительно либерального подхода к гендерным отношениям с древних времен в низших слоях общества и ее строгое конфуцианское отрицание в высших общественных слоях. Конфуцианство диктовало первостепенность роли мужчины в обществе, крайнюю важность целомудренности и пассивности женщины, строго порицало до- и внебрачные отношения. В низших слоях общества население обладало большей половой свободой, пусть и претерпевало некое давление со стороны конфуцианства; женщина сохраняла относительно высокое социальное положение. Традиционное вьетнамское общество сохраняло характеристики двусторонней системы родства. Однако роль неконфуцианских норм в некоторой степени падает с началом влияния французской культуры на верхи общества.

После революции все вьетнамское общество (и город, и деревня) развивается в русле единой тенденции воспитания касательно гендерных отношений: оно признает факт романтических отношений, но при этом считает их крайне постыдными, мешающими борьбе за

нацию. Попытка установления гендерного равенства осуществляется за счет строгого ограничения поведения и равенства на мужчин, при этом женщины претерпевают гораздо больше ограничений. Отмечается крайне низкий уровень сексуальной просвещенности населения. До — и внебрачные отношения все так же считаются неприемлемыми. Возможность людей вступать в отношения также регулировалась официальными организациями. Таким образом, можно отметить усиление строгого подхода к гендерным отношениям по сравнению с предыдущим периодом.

С принятием курса обновления и диверсификацией экономики увеличиваются шансы женщин достичь финансовой независимости, их социальное положение улучшается. Личная жизнь детей выходит из-под контроля родителей. Проникновение западных реалий обеспечивает рост сексапильной рекламы и коммерческих товаров для женщин, популярность ценностей моды. Понятие красоты все чаще связывается с внешностью. Растет общественный интерес к теме половых отношений. Увеличивается частота аборт. Добрачные отношения уже не считаются чем-то постыдным; половой акт ассоциируется не только с зачатием детей, но и с любовью. Однако последствия процессов предыдущего периода все еще играют важную роль во вьетнамском обществе, что порождает ряд значительных проблем и некоторую неопределенность в обществе.

Вьетнамское население обладает крайне низкой осведомленностью о феномене ЛГБТ+, что объясняет традиционное неприятие вьетнамцами данной социальной группы в силу восприятия последней как противоестественной, чужой. Отмечается также низкая осведомленность касательно ЗППП, что обеспечивает накал эпидемиологической ситуации в стране.

Литература

1. Esther Horat. Rearranging Care, Reconfiguring Gender: Family and Household Business in Post-Đổi Mới Vietnam. 2017. 17 c.
2. Philip Martin. Renovating masculinity // Urban men's experiences and emergence masculinity models in Đổi Mới Vietnam. Melbourne, 2013. 259 c.
3. Neil H. Olsen. Matrilineal Societies in Southeast Asia: Examples from Highland Vietnam. 1976. C. 249-256.
4. Tine Gammeltoft. Being Special for Somebody: Urban Sexualities in Contemporary Vietnam. 2002. C. 476-492.
5. Steffanie Scott, Daniele Belanger, Nguyen Thi Van Anh, Khuat Thu Hong. Gender, Kinship and Agrarian Transitions in Vietnam. Ottawa, 2009. 30 c.
6. Insun Yu. Bilateral social pattern and the status of women in traditional Vietnam. C. 215-231.
7. Sharon Ghuman, Vu Manh Loi, Vu Tuan Huy, John Knodel. Continuity and Change in Premarital Sex in Vietnam. 2006. C. 166-174
8. Matthijs Steur. Sexual Morals and Sexual Behavior in Vietnam // Vietnamese Socialism in Transition after Doi Moi: Changing Sexual Morals and Sexual Behavior. 2013. 39 c.
9. Quang-Anh Richard Tran. From Red Lights to Red Flags: A History of Gender in Colonial and Contemporary Vietnam. Berkeley, 2011. 116 c.
10. Being LGBT Young People in Vietnam: Life on the Streets and the Light through the Crack. A Summary of Research Findings. Ho Chi Minh, 2015. 36 c.
11. Khuat Thu Hong, Le Bach Duong, Nguyen Ngoc Huong. Easy to joke about, but hard to talk about: gender relations in contemporary Vietnam. 2009. 170 c.
12. Khuat Thu Hong. Study on Gender relations in Vietnam: The Known and Unknown Issues. Hanoi, 1998. 52 c.
13. Esther Horat (2017). Rearranging Care, Reconfiguring Gender: Family and Household Business in Post-Đổi Mới Vietnam. 17 p.
14. Philip Martin (2013). Renovating masculinity // Urban men's experiences and emergence masculinity models in Đổi Mới Vietnam. Melbourne. 259 p.
15. Neil H. Olsen (1976). Matrilineal Societies in Southeast Asia: Examples from Highland Vietnam. pp. 249-256.
16. Tine Gammeltoft (2002). Being Special for Somebody: Urban Sexualities in Contemporary Vietnam. pp. 476-492.
17. Steffanie Scott, Daniele Belanger, Nguyen Thi Van Anh, Khuat Thu Hong (2009). Gender, Kinship and Agrarian Transitions in Vietnam. Ottawa. 30 p.
18. Insun Yu. Bilateral social pattern and the status of women in traditional Vietnam. C. 215-231.
19. Sharon Ghuman, Vu Manh Loi, Vu Tuan Huy, John Knodel (2006). Continuity and Change in Premarital Sex in Vietnam. pp. 166-174
20. Matthijs Steur (2013). Sexual Morals and Sexual Behavior in Vietnam // Vietnamese Socialism in Transition after Doi Moi: Changing Sexual Morals and Sexual Behavior. 39 p.
21. Quang-Anh Richard Tran (2011). From Red Lights to Red Flags: A History of Gender in

- Colonial and Contemporary Vietnam. Berkeley. 116 p.
22. Being LGBT Young People in Vietnam: Life on the Streets and the Light through the Crack. A Summary of Research Findings (2015). Ho Chi Minh. 36 p.
 23. Khuat Thu Hong, Le Bach Duong, Nguyen Ngoc Huong (2009). Easy to joke about, but hard to talk about: gender relations in contemporary Vietnam. 170 p.
 24. Khuat Thu Hong (1998). Study on Gender relations in Vietnam: The Known and Unknown Issues. Hanoi. 52 p.
- ### References
1. Esther Horat. Rearranging Care, Reconfiguring Gender: Family and Household Business in Post-Đổi Mới Vietnam. 2017. 17 c.
 2. Philip Martin. Renovating masculinity // Urban men's experiences and emergent masculinity models in Đổi Mới Vietnam. Melbourne, 2013. 259 c.
 3. Neil H. Olsen. Matrilineal Societies in Southeast Asia: Examples from Highland Vietnam. 1976. C. 249-256.
 4. Tine Gammeltoft. Being Special for Somebody: Urban Sexualities in Contemporary Vietnam. 2002. C. 476-492.
 5. Steffanie Scott, Daniele Belanger, Nguyen Thi Van Anh, Khuat Thu Hong. Gender, Kinship and Agrarian Transitions in Vietnam. Ottawa, 2009. 30 c.
 6. Insun Yu. Bilateral social pattern and the status of women in traditional Vietnam. C. 215-231.
 7. Sharon Ghuman, Vu Manh Loi, Vu Tuan Huy, John Knodel. Continuity and Change in Pre-marital Sex in Vietnam. 2006. C. 166-174
 8. Matthijs Steur. Sexual Morals and Sexual Behavior in Vietnam // Vietnamese Socialism in Transition after Doi Moi: Changing Sexual Morals and Sexual Behavior. 2013. 39 c.
 9. Quang-Anh Richard Tran. From Red Lights to Red Flags: A History of Gender in Colonial and Contemporary Vietnam. Berkeley, 2011. 116 c.
 10. Being LGBT Young People in Vietnam: Life on the Streets and the Light through the Crack. A Summary of Research Findings. Ho Chi Minh, 2015. 36 c.
 11. Khuat Thu Hong, Le Bach Duong, Nguyen Ngoc Huong. Easy to joke about, but hard to talk about: gender relations in contemporary Vietnam. 2009. 170 c.
 12. Khuat Thu Hong. Study on Gender relations in Vietnam: The Known and Unknown Issues. Hanoi, 1998. 52 c.
 13. Esther Horat (2017). Rearranging Care, Reconfiguring Gender: Family and Household Business in Post-Đổi Mới Vietnam. 17 p.
 14. Philip Martin (2013). Renovating masculinity // Urban men's experiences and emergent masculinity models in Đổi Mới Vietnam. Melbourne. 259 p.
 15. Neil H. Olsen (1976). Matrilineal Societies in Southeast Asia: Examples from Highland Vietnam. pp. 249-256.
 16. Tine Gammeltoft (2002). Being Special for Somebody: Urban Sexualities in Contemporary Vietnam. pp. 476-492.
 17. Steffanie Scott, Daniele Belanger, Nguyen Thi Van Anh, Khuat Thu Hong (2009). Gender, Kinship and Agrarian Transitions in Vietnam. Ottawa. 30 p.
 18. Insun Yu. Bilateral social pattern and the status of women in traditional Vietnam. C. 215-231.

19. Sharon Ghuman, Vu Manh Loi, Vu Tuan Huy, John Knodel (2006). Continuity and Change in Premarital Sex in Vietnam. pp. 166-174
20. Matthijs Steur (2013). Sexual Morals and Sexual Behavior in Vietnam // Vietnamese Socialism in Transition after Doi Moi: Changing Sexual Morals and Sexual Behavior. 39 p.
21. Quang-Anh Richard Tran (2011). From Red Lights to Red Flags: A History of Gender in Colonial and Contemporary Vietnam. Berkeley. 116 p.
22. Being LGBT Young People in Vietnam: Life on the Streets and the Light through the Crack. A Summary of Research Findings (2015). Ho Chi Minh. 36 p.
23. Khuat Thu Hong, Le Bach Duong, Nguyen Ngoc Huong (2009). Easy to joke about, but hard to talk about: gender relations in contemporary Vietnam. 170 p.
24. Khuat Thu Hong (1998). Study on Gender relations in Vietnam: The Known and Unknown Issues. Hanoi. 52 p.

Information about the Author

Assistant **Dmitry A. Balakin**

Institute of International Relations

Kazan Federal University

420015, Kazan, Pushkina str., 1

Russia

dimbalakin73@gmail.com

Second grade student **Daria Kudryavtseva**

Institute of International Relations

Kazan Federal University

420015, Kazan, Pushkina str., 1

Russia

lorenzo.merk.31@gmail.com

Статья одобрена рецензентами: 30.04.2021

Статья принята к публикации: 11.05.2021

Reviewed: 30.04.2021

Accepted: 11.05.2021

Информация об авторах

Ассистент **Балакин Дмитрий Александрович**

Институт международных отношений Казан-

ского федерального университета

420015, Казань, ул. Пушкина, 1

Россия

dimbalakin73@gmail.com

Студентка 2 курса **Кудрявцева Дарья**

Алексеевна

Институт международных отношений Казан-

ского федерального университета

420015, Казань, ул. Пушкина, 1

Россия

lorenzo.merk.31@gmail.com

REVIEW: The History of Chinese Civilization:

in 4 vols. Yuan Xingpei et al.;

trans. from Ch. edited by I. F. Popova. M.: International Publishing Company "Shans",
LLC, 2020. 672 + 608 + 754 + 696 с.

ISBN 978-5-907277-68-7. Circulation of 1000 (300 for sale) copies.

РЕЦЕНЗИЯ: История китайской цивилизации:

в 4 т. / Гл. редколл. Юань Синпэй и др.;

пер. с кит. под ред. И.Ф. Поповой. М.: ООО Международная издательская
компания «Шанс», 2020. 672 + 608 + 754 + 696 с.

ISBN 978-5-907277-68-7. Тираж 1000 (в продажу 300) экз.

Мартынов Дмитрий Евгеньевич, д.и.н., профессор¹

¹Российская Федерация, г. Казань, ИМО КФУ

dmitrymartynov80@mail.ru

Мартынова Юлия Александровна, к.и.н., доцент²

²Российская Федерация, г. Казань, ИМО КФУ

DOI: 10.24412/2686-9675-2-2021-318-335

АННОТАЦИЯ

В рамках одной рецензии немислимо даже сколько-нибудь последовательно представить изложение сюжетов, содержащихся более чем в 2000-страничном компендиуме «Истории китайской цивилизации». По этой причине рецензенты отразили лишь те концептуальные моменты данной работы, которые радикально расходятся с принятыми в российской и западной синологии и близки нашим интеллектуальным интересам. Освоение содержания четырёхтомника, естественно, будет продолжаться ещё долго, но, как мы надеемся, приведёт к серьёзным дискуссиям и новому осмыслению первоисточников и корпуса историографии.

ABSTRACT

Within the framework of a single review, it is unthinkable to even present a consistent presentation of the information contained in the more than 2000-page compendium of the History of Chinese Civilization. For this reason, the reviewers reflected only those conceptual aspects of this work that are radically different from those accepted in Russian and Western sinology and are close to our intellectual interests. The development of the content of the four-volume book, of course, will continue for a long time, but, as we hope, it will lead to serious discussions and a new understanding of the primary sources and the corpus of historiography.

Ключевые слова: Юань Синпэй, синология, история Китая, историография Китая, Пекинский университет.

Для цитирования: Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А. Рецензия: История китайской цивилизации: в 4 т. / Гл. редколл. Юань Синпэй и др.; пер. с кит. под ред. И.Ф. Поповой. Современные востоковедческие исследования. 2021; 3(1): 318-335.

Общие сведения. Рецензируемое издание изначально создавалось большим коллективом учёных и преподавателей Пекинского университета, во главе с Юань Синпэем (袁行霈). Четырёхтомник вышел в свет в апреле 2006 г., став результатом семи лет упорного труда¹. Как принято в китайских академических кругах, глава авторско-редакторского коллектива относится к старшему поколению, ибо родился в 1936 г. в Уцзине (Цзянсу). После окончания Пекинского университета Юань Синпэй сразу был приглашён туда на работу, сделавшись признанным специалистом по китайской литературе эпохи Шести Династий, состоял в научных обществах изучения китайской поэзии и наследия Ли Бо. С 1984 г. он удостоился профессорского звания, долгое время был деканом Института изучения китайской цивилизации Пекинского университета, главным редактором журнала «Госюэ яньцзю». Не являясь членом КПК, Юань Синпэй отличался политической активностью: с 1987 г. состоял в Демократической лиге Китая, в 1997 г. избирался вице-председателем восьмого созыва её руководства. В 1998–2003 гг. входил в состав Постоянного комитета НПКСК восьмого и девятого созывов, в Комитет по присуждению учёных степеней при Госсовете КНР. Его монографии и учебники приняты в качестве базовых для ВУЗов Китая и Сингапура.

Keywords: Yuan Xingpei, sinology, history of China, historiography of China, Peking University.

For citation: Martynov D.E., Martynova Y.A. Review: *The History of Chinese Civilization: in 4 vols. Yuan Xingpei et al.; trans. from Ch. edited by I. F. Popova.* Modern oriental studies. 2021; 3(1): 318-335.

В составе авторского коллектива «Истории китайской цивилизации» множество именитых китайских учёных разных направлений и поколений, полным составом представляющих старейший в Китае Пекинский университет. Таковы: специалист по истории христианства в Китае Сунь Шанъян (孙尚扬), исследователь эстетики Ван Цзиньминь (王锦民), известный партийный деятель Юэ Цинпин (岳庆平), исследователь политической мысли эпохи Хань Чэнь Сужэнь (陈苏镇), археолог Чжао Хуэй (赵辉), и многие другие выдающиеся китайские учёные, развёрнутое перечисление заслуг которых заняло бы половину объёма нашей рецензии. В общей сложности, в проекте были задействованы 36 специалистов, преимущественно работающих в сфере археологии, исторической науки, философии и культурологии. Полный список авторов с указанием их званий, специализации, разделов, над которыми они работали, помещён в послесловии (Т. 4 наст. изд., с. 584–586), кроме того, в конце каждого конкретного тома указаны авторы его разделов.

В анонсе, размещённом на сайте Института изучения китайской цивилизации Пекинского университета, указано, что книга удостоивалась высшей литературной награды Китайской национальной библиотеки (2007), Пекинского конкурса изданий по социальным и гуманитарным

¹中华文明史 (共4册) / 楼宇烈作者。北京市: 北京大学出版社, 2006。1778页数。ISBN 9787301106020

наукам (2008), а также награды Пекинского университета в социально-гуманитарной сфере в честь 30-летия реформ и открытости². Проект получил высокие оценки китайских государственных деятелей (включая заместителя министра культуры и директора Музея императорского дворца Чжэна Синьмяо), удостоился рецензии в газете «Гуанмин жибао» (выпуск от 8 января 2008 г.). Издание имело успех: к 2009 году пришлось делать несколько допечаток тиража, в том числе три в первый же год. Общий тираж китайского издания составил 33 800 четырёхтомных комплектов.

В том же анонсе много внимания уделено междисциплинарному характеру работы, то, что она, основываясь на достигнутом уровне научных достижений, «стремится к инновациям и прорывам в теоретических схемах и методах исследования» и даже «раскрытию законов цивилизационного развития». Авторами была поставлена чрезвычайно амбициозная задача представить комплексное описание развития китайской цивилизации от её зарождения до начала XX в. Авторский коллектив не собирался отказываться от понятия истины и концепции её поиска на основе изучения фактов, почерпнутых из разнообразных источников, письменных, археологических, вещественных. Всё это воплощает китайский академический подход к прошлому самого Китая и его места в мире древности и современности. Характерно, что и в предисловии к русскому изданию И.Ф. Попова обратила внимание на сентенцию из послесловия, в которой «все участники проекта сошлись во мнении, что работа над “Историей китайской цивилизации” обогатила их научный опыт и стала прекрасной возможностью

повысить собственный уровень знаний» (Т. 1, с. 8; Т. 4, с. 583).

Переводы. Поскольку на Западе так и не закончилось издание «Кембриджской истории Китая» (ведётся с 1978 г.), проект Пекинского университета с самого начала вызвал большой интерес. Вдохновителем английского перевода «Истории китайской цивилизации» стал профессор-эмерит Университета штата Вашингтон Дэвид Кенектес (*David R. Knechtges*, род. 1942). Под влиянием известного немецкого синоведа Гельмута Вильгельма (1905–1990) он занялся китайской литературой и защитил в Гарварде диссертацию о ханьской поэтической традиции (1968). В 1972–2014 гг. Кенектес преподавал в Сиэтле, крупнейшим его проектом явился полный перевод образцовой поэтической антологии *Вэнь сюань* (文選) на английский язык, осуществляемый с 1982 г. Он также участвовал в написании и издании «Кембриджской истории китайской литературы» и справочника по древней и средневековой китайской литературе, опубликованного в Лейдене престижным издательством «Брилль».

Английский перевод «Истории китайской цивилизации» вышел в свет в 2012 г.³ Его главный редактор в 2014 г. был удостоен специальной премии китайского правительства.

Само по себе осуществление русского перевода «Истории китайской цивилизации» является грандиозной задачей, сопоставимой по масштабам с написанием оригинального труда. Один из соавторов данной рецензии (Д.Е. Мартынов) прекрасно помнит, как в сентябре 2012 г. во время проведения в Казани VIII съезда российских востоковедов, беседовал с И.Ф. Поповой, и именно от неё узнал о планируемом

² 袁行霈: 《中华文明史》(1–4卷) // 中国高校人文社会科学信息网. URL: <https://www.sinoss.net/2010/0320/19709.html>

³ The history of Chinese civilization: In 4 vols. / general editors: Yuan Xingpei [and others] ; English text ed. by David R. Knechtges. Cambridge, N.Y. : Cambridge University Press, 2012. 2000 pp. ISBN 9781107013094 (set).

переводе. Собственно, работа над ним стартовала в 2014 г. с составления плана, определения круга переводчиков, с учётом их интереса и квалификации. В результате сводный список специалистов, участвовавших в переводе, способен поразить воображение не менее, чем перечень авторов оригинала. Идейным вдохновителем проекта и переводчиком предисловий научного редактора выступила директор Института восточных рукописей РАН И.Ф. Попова, были активно задействованы также ведущие специалисты из Москвы, Санкт-Петербурга и Владивостока: М.Ю. Ульянов, Т.А. Пан, Н.О. Азарова, Е.И. Митькина, Е.Н. Колпачкова, Ю.С. Мыльникова, К.Ю. Солонин, Д.И. Маяцкий, Е.А. Завидовская, Н.А. Сомкина, С.Ю. Врадий, В.В. Башкеев и А.Э. Терехов (последний проделал чрезвычайно трудоёмкую работу по составлению дополнительных библиографий), составителем глоссариев во всех томах выступил В.П. Зайцев, и перечисление коллег далеко не полно.

Методические замечания к компендиуму в целом. Огромный объём текста «Истории китайской цивилизации» вынуждает нас в рецензии коснуться как сюжетов, интересующих лично каждого из соавторов, так и концептуальной основы издания. В данном контексте важно и ценно то, что уже третье поколение отечественных китаистов получает добротные научно-учебные издания, написанные ведущими специалистами из страны изучаемого языка, истории и культуры. Почин был начат ещё в пору «Великой дружбы» 1950-х гг., когда специалисты и просто интересующиеся получили замечательные (и актуальные до сих пор) труды Фань Вэньляня, Го Можо, Шан Юэ, и некоторых других, в переводах исследователей, которые ныне сами сделались классиками, как, например, Л.С. Переломов (Цзи Ляола, 嵇辽拉). В 1989 г. специалисты СССР получили вузов-

ский учебник «История китайской философии», написанный коллективом китайских ученых, в блистательном переводе В.С. Таскина. Огромным достоинством всех перечисленных изданий было то, что в их тексте содержались объёмные выдержки из первоисточников, зачастую, только в таком виде доступные специалистам, не владеющим классическим литературным языком *вэньянь*. Таким образом, «Историю китайской цивилизации» также можно считать частью сложившейся в отечественном китаеведении традиции.

Юань Синпэй и его коллеги представляют дисциплину, именуемую в Китае 国学 (*госюэ*), причём если в древности это сочетание иероглифов обозначало «государственные школы» (и было зафиксировано в *И-цзине*), то в современном употреблении стало обозначением «[китайской] синологии» (лично нам нравится неологизм «родиноведение»), синонимами его являются 中国学 и 汉学. Семантически термин *госюэ* включает «совокупность традиционно признанных в Китае фундаментальных основ духовной культуры, образованности и учености, а во-вторых, отражающую их китаистику — комплексную междисциплинарную науку о Китае и его культуре, прежде всего языке, литературе, истории, религии и философии» (определение А.И. Кобзева)⁴. Собственно, именно это и составляет содержание четырёхтомника. Тем более важно и ценно получить его в доступном для широких кругов русскоязычных гуманитариев виде, ибо, по сути, западная синология изначально возникла на базе китайских энциклопедических и комментированных изданий (традиционно имеющих огромный объём) и продолжает зависеть от достижений «туземных комментаторов» (как серьёзно выражался В.П. Васильев и иронически В.М. Алексеев) в полной мере. Иной вопрос,

⁴ Кобзев А.И. Китаистика и *summa sinologiae* // Архив российской китаистики. Т. I. М.: Наука – Вост. лит., 2013. С. 8.

что ветви синологии-китаистики методологически и лингвистически очень сильно отличаются друг от друга и нуждаются в разъяснении. В настоящее время в КНР доступны все основополагающие тексты западной методологии и философии истории и культуры (начиная от «Философии истории» Гегеля, переведённой ещё в 1962 г., и заканчивая трудами М. Фуко), активно переводятся и достижения западной энциклопедической классификации, вплоть до попытки перевести на китайский язык «Советскую историческую энциклопедию», частично реализованной в 1992 г. Ранее увидела свет «Краткая Британская энциклопедия» (1986), и даже перевод эталонного исторического источника — «Истории» Геродота (希羅多德編撰的《歷史》), впервые выполненный Ван Ичжу (王以鑄) в 1959 г.⁵

«Введение» Юань Синпэя. Насколько можно считать инновационной в идейно-методологическом плане всю «Историю китайской цивилизации»? Структурные и методологические основы компендиума изложены во «Введении» (Т. 1, с. 9–40), включающем пять параграфов; автором его является Юань Синпэй. Констатируется, что возникновение человеческой цивилизации является уникальным в масштабе Вселенной, а человечество является «творцом цивилизации и одновременно воплощением её плодов» (Т. 1, с. 9). История творчества и развития человечества, собственно, и является историей цивилизации, частью которой является создание и развитие китайской цивилизации (там же). Дано и рабочее определение цивилизации — «единство материально-технических достижений, исторического процесса и духовности, т.е. триединство независимости от природы, общественной организации и духовного развития челове-

ства» (там же). Центром истории является человек и его созидательная деятельность, тогда как материальная цивилизация, исторический процесс и духовная культура рассматриваются как три опоры прогресса человечества. Междисциплинарность рассматривалась авторами не как самоцель, а как важный инструмент в ситуации, когда общая история цивилизации не может рассматриваться в виде простой суммы истории общества, культуры, науки, техники, и т.п. (Т. 1, с. 10). В рассуждении Юань Синпэя используется понятие «достоверные факты», а важнейшими качествами историка названы «беспристрастность, критическая оценка, и ясность изложения» (там же). Иными словами, авторы использовали проверенные веками и тысячелетиями принципы традиционной китайской историографии, равно присущие Сыма Цяню или Лян Цичао. Весьма ярко это проявилось в следующих пассажах рассматриваемых пролегоменов.

Первый параграф озаглавлен «Четыре древние цивилизации мира», отражая четверичную классификацию, свойственную китайской культуре. Именно в этом разделе констатируется полицентричность антропогенеза, принятая в китайской исторической науке: Китай является вторым после Африки центром сапиентизации и возникновения человечества. Возникновение современного человека, его «переход к стандартам цивилизации» признаётся очень поздним, и относящимся к периоду неолита: от 10 до 4 тысяч лет до новой эры, со ссылкой на «Большую китайскую энциклопедию» (Т. 1, с. 11). Древнекитайская цивилизация вписана в контекст ещё трёх изначальных цивилизаций Земли: древнеегипетской (начало которой отнесено к 4000 г. до н.э.), вавилонской (шумеро-аккадской, начало которой отнесено к тому же времени), индской, или Харап-

⁵ В 2000-е гг., помимо многократно переиздаваемого перевода Ван Ичжу, печатался новый перевод Сюй Сунъяна (2008), а также выпущенное на Тайване «Краткое изложение исторических классиков Запада» под ред. Чэнь Циньэна (2002).

пской (расцвет которой отнесён к 2300–1750 гг. до н.э.). Китайская цивилизация, по сравнению с вышеназванными, возникла позже всего, однако оказалась единственной, непрерывно развивавшейся с древнейших времен. «... Китайская цивилизация продемонстрировала колоссальную центростремительную силу. Она не только никогда не прерывалась, но и не разделялась, а лишь обогащалась» (Т. 1, с. 13). Объяснение этому дано от условий окружающей среды: египетская и вавилонская цивилизации были замкнуты долинами Нила и Евфрата, занимая небольшое пространство, напротив, китайская цивилизация обнимала огромное разнообразие различных речных ландшафтов, поэтому разрушения от войн, завоеваний и стихийных бедствий, не затрагивали всей территории страны. К важнейшим факторам, цементирующим китайскую цивилизацию, отнесён и культ предков, проявлявшийся на микроуровне — семьи, и макроуровне — клана, народа и государства (Т. 1, с. 13–14).⁶

Далее следует «Содержание основных идей китайской цивилизации». К важнейшей из них относится категориальная пара *инь-ян*, которая трактуется не только на изобильном цитировании классиков от *И-цзина* и *Ши-цзина* до *Го юй*, но и «Постижения истории» А. Тойнби (Т. 1, с. 17–19). Не менее примечательно отождествление человеческой культуры с гуманизмом, которая также проводится от комментариев к «Канону перемен». «Обретение культуры в китайской цивилизации происходит не путем насилия, а путем воспитания с помощью обрядов и музыки, и что человеческая культура и природа (небесные узоры) одинаково равны (Т. 1, с. 19). Далее констатируется, что благодаря культу предков китайская цивилизация рассматривает межчеловеческие отношения как более важные, чем отношение человека к миру сверхъестественного (Т. 1, с. 20). Нравственные

ценности («душевная чистота и воспитание») разъясняются почти исключительно на образцовых канонах конфуцианского «Четверокнижия», включая разъяснение смысла важнейших конфуцианских категорий, включая разновидности «единства» *хэ* (和) и *тун* (同), прибегая даже к комментариям величайшего неоконфуцианского классика Чжу Си (Т. 1, с. 22–23). Завершается этот раздел концепцией «совпадающего единства природы и человека» и холизма китайского мышления, которому противостоит аналитический метод Запада. Превосходство китайского «коррелятивного мышления» обосновывается ссылкой на Дж. Нидэма (Т. 1, с. 25–26).

Китайская цивилизация характеризуется и как «единство в многообразии», когда к этнокультурной общности *хуася* относится всё население долин Хуанхэ и Янцзы, т.е. китайская цивилизация полиэтнична, но в ходе её развития этносы не истребляли друг друга, а интегрировались (Т. 1, с. 27). Именно в этом разделе указано, что этническое единство сформировалось самое позднее в эпоху Чжоу, а современный ханьский этнос — в эпоху Хань. Нападения северных народов, начиная от *сюнну* и *сяньби*, а также тюрков, приводили к их ассимиляции, тогда как ханьцы, двигаясь на юг, ассимилировали *ицзу* и *байцзу*. Империя Юань (1280–1368), созданная монголами, именуется «моделью единого государства», а ханьско-монгольские отношения характеризуются как «беспрецедентное сближение». Похожим образом описываются и маньчжуро-китайские переселения в эпоху Цин (1644–1911). Инокультурные влияния также не игнорируются, так, выделены пять аспектов влияния буддизма на китайскую литературу (Т. 1, с. 28–29); особо этот сюжет рассматривался во втором томе (Т. 2, с. 302–308).

Предложенная в четырёхтомнике периодизация истории китайской цивилизации (Т. 1,

⁶ В этом пассаже автор ссылался на Цянь Му (錢穆, 1895–1990) и Жуань Вэя (阮炜, род. 1955).

с. 32) включает четыре периода и восемь этапов: доциньский; от Цинь до Северных и Южных династий; от Суй до первой половины Мин; вторая половина Мин – Цин. В общем, данная периодизация учитывала традиционное деление исторического процесса по династиям, но не унаследовала её конфуцианский моральный аспект, равным образом, не привлекались марксистская триада («древность/ рабовладение — средневековье/феодализм — новое время/капитализм») или принятое в «Кембриджской истории Китая» тройственное деление на доимперскую, имперскую и постимперскую историю Китая. Точкой отсчёта принята археологическая культура Луншань, привязанная к 3000 г. до н.э. (там же). Это, однако, не означало полного отказа от марксистской схемы общественно-экономических формаций, поскольку раздел о периодизации завершается упоминанием Синьхайской революции, завершившей «длившийся не одну тысячу лет период господства феодальных правителей» (Т. 1, с. 36). Имеется и откровенно идеологизированный раздел «Будущее китайской цивилизации», особенно интересный нам изложением генеральной линии китайского руководства в отношении планов КНР на интеграцию и глобализацию. Именно в этом разделе указана и главная цель четырёхтомника: *«мы обязаны показать миру наш настоящий образ»* (Т. 1, с. 39).

Том первый. Говоря о разделах первого тома, посвящённых предыстории и ранним этапам развития китайской цивилизации, мы можем полностью согласиться с оценками, представленными в кратком послесловии М.Ю. Ульянова, который курировал соответствующую часть перевода (Т. 1, с. 595–596). Самое замечательное в этом контексте вплетение элементов мифологии в исторический дискурс, что особенно контрастно в чередовании глав со скрупулёзным изложением археологических находок и следующих за ними обобщающими

разделами с избыточным цитированием древних текстов. Китайскими историками полностью усвоены древние мифологические эпохи «Пяти владык» (или «Пяти императоров»), которая соотнесена с археологической культурой Луншань (Т. 1, с. 135), и полностью завершён процесс «историзации» легендарной первой династии Ся, который вёлся ещё с конца 1950-х гг. (она соотносится с культурой Эрлитоу: Т. 1, с. 149). Древнекитайские божества Хуан-ди, Яо и Шунь (Т. 1, с. 133–134) рассматриваются как реальные исторические фигуры, историчность которых доказывается цитатами из соответствующих текстов и привязана к конкретным археологическим культурам. Точно так же рассматривается фигура легендарного основателя Ся – Юя Великого (Т. 1, с. 156–159). Иными словами, традиционное китайское историческое сознание, не разделяющее мифического и исторического, а, точнее, вписывающее миф в историческую канву, в полной мере существует и в наши дни, отлично сосуществуя с современными рационалистическими подходами.

Ко времени существования следующих древних династий — Шан и Чжоу, авторы четырёхтомника привязали «расцвет цивилизации хуася», т.е., собственно, древнекитайской этнической общности (Т. 1, с. 190). Иными словами, мы вновь наблюдаем традиционную для китайской историографии картину, когда остро дискуссионные в западной науке (и активно обсуждаемые в КНР в предыдущие десятилетия) концепции считаются в Срединном государстве давно решёнными вопросами, а выводы — чуть ли не трюизмами. Это же касается существования легендарной системы землепользования, названной в каноне Мэн-цзы «колодезными полями». Самое примечательное в данном контексте, что здесь нашлось прямое «доказательство» (точнее, в древнекитайском духе, авторитетное утверждение), что именно патриархальная система передачи власти и родовая организация землепользования ещё на

заре истории Китая сформировали феодальный строй, который и поныне в историографии КНР именуется «надельной системой» (Т. 1, с. 203). В полном соответствии с традиционной манерой исторического письма, авторы непринуждённо рассматривают позиции основателя ханьской историографии Сыма Цяня (145? – 86? гг. до н.э.) и позднецинского эрудита Ван Говэя (1877–1927) как равноценные и равнозначные, несмотря на то, что их отделяло друг от друга более 2100 лет (Т. 1, с. 205–207).

Собственно, система «колодезных полей» описана в сугубо традиционном духе канонического исследования, причём и здесь равным авторитетом пользуются президент Академии наук КНР Го Можо и величайший из сунских неоконфуцианцев Чжу Си (Т. 1, с. 215–221). Корни надельной системы отнесены к эпохе Ся, а про времена Шан говорится, что «колодезная система имела распространение». Примечательно, что материалы археологии привлекаются только после задействованных классических текстов, а не наоборот, как в главах про праисторию.

Изложение событий истории эпох Чуньцю и Чжаньго ведётся по классическим текстам, включая «Цзо-чжуань» и «Го юй». Здесь масса интересных моментов, включая не критические замечания о царстве Вьет, т.е. Юэ, правящая династия которого именуется потомками сяского вана Шао-кана (Т. 1, с. 247–248). Не менее примечательно, что распад чжоской централизованной системы, основанной на родовом принципе, признаётся прогрессивным, ибо новая система была основана на «назначении высокоморальных и способных людей» (Т. 1, с. 249). Это несколько не мешает констатации того, что в эпоху Чуньцю существовал рынок земельной собственности, а отношения купли-продажи были законным явлением (Т. 1, с. 256). В данном контексте (последовательного утверждения древности

и автохтонности китайской цивилизации) вполне характерен сюжет о возникновении фарфоровой технологии и производства. Если соавторам известно как само собой разумеющееся, что каолин в производстве керамики в Китае стал использоваться со времен династии Хань, полихромные глазури разработали при Тан, а «настоящий» твердый фарфор стали производить в эпоху Юань, то в первом томе «Истории» заявляется весьма многомерная картина. Иными словами, технология «протофарфора» (твёрдой белой керамики) удревняется до эпохи Ся и точно — эпохи Чжоу, причём данная разновидность керамики однозначно ассоциируется с ритуалами правящего дома (Т. 1, с. 297–298). К этому сюжету авторы вернулись во втором томе (Т. 2, с. 156–157), демонстрируя различия в развитии технологии фарфора на Севере и Юге Китая; при этом утверждается, что к V–VI вв. технология производства селадона (толстого фарфора со светло-зелёной глазурью) полностью сложилась.

Вся седьмая глава первого тома посвящена происхождению и раннему развитию китайской иероглифики. Она, безусловно, заслуживает отдельной рецензии (как, в принципе, каждая глава каждого тома). Изложение открывается анализом мифологемы о легендарном создателе письменности Цан Цзе (Т. 1, с. 406–409), а далее последовательно рассматриваются попытки археологов найти древнейшие образцы письменности (Т. 1, с. 410–413) и приводятся критерии отождествления находок. Равным образом, представлены попытки отыскать протописьменность в китайском неолите (Т. 1, с. 416). Напрямую с этим сюжетом связаны истории о возникновении различных систем гадания и истоках «Книги Перемен» (Т. 1, с. 446–457), однако подход редакции четырёхтомника к этой теме оказался сугубо консервативным и сводится к пересказам традиционных источников по этому вопросу.

Девятая глава первого тома именуется «Развитие образования и расцвет наук». Именно в этом разделе появляется изложение и оценка учения Конфуция. Этому предшествует параграф о возникновении китайского понятия «учёные мужи», причём большим авторитетом в этом вопросе признаётся цинский историк Чжан Сюэчэн (1738–1801), который утверждал, что издревле в Китае знание и наука были монополизированы государством. Конфуций противопоставляется этой ситуации как создатель системы частного образования (Т. 1, с. 478–479). Специфика конфуцианства представлена также в сугубо ортодоксальном ключе (на материале составленного в XII в. «Четверокнижия»), характерном для современного «конфуцианского ренессанса» в КНР: приоритет проблем политического и социального порядка, «правления посредством добродетели» и «исправления имён» (Т. 1, с. 482–483). В этом же разделе рассмотрены доктрины Мэн-цзы и Сюнь-цзы, причём последний рассматривается как вполне канонический мыслитель и важнейший исследователь проблемы ритуала и музыки для перевоспитания подданных в доциньском конфуцианстве (Т. 1, с. 484–488). Сугубо традиционно — по биографии Сыма Цяня — описан и древний даосизм (Т. 1, с. 494 и далее). Из альтернативных конфуцианству философских школ древности достойное место уделяется моизму, причём классификация древнекитайских «ста школ» дана по классической библиографии Бань Гу (Т. 1, с. 506). На первое место в доктрине Мо-цзы выносятся его концепция «всеобщей любви», которая сочеталась с практичностью и утилитаризмом (Т. 1, с. 509). Легизм рассмотрен неровно: «скороговоркой» говорится о Шан Яне, и несравнимо больше места уделено Хань Фэю (Т. 1, с. 510–514). Китайская военная стратегия вынесена в отдельный параграф (Т. 1, с. 518–530). Важнейшим выводом из этой главы следует считать то, что «тенденции политической консолидации име-

ли свой коррелят и в интеллектуальной среде» (Т. 1, с. 546).

Том второй. Содержание второго тома охватывает период около 800 лет, точно датированных по династиям от 221 г. до н.э. по 581 г. н.э. В специальном введении продемонстрированы все генеральные тенденции в развитии Китая данного периода. В первую очередь, это создание единого «полиэтнического» государства, причём создатель империи Цинь Ши-хуан определяется как великий реформатор, который создал абсолютно новый общественный строй на основе «прогрессивных тенденций в политике различных царств» (Т. 2, с. 7, 9). Экономический строй нового государства обозначается как «феодално-помещичий», причём отдельно (впервые со ссылкой на К. Маркса и Ф. Энгельса) говорится о необходимости вмешательства государства в процессы становления частной собственности (Т. 2, с. 13–14). Более того, прорываются утверждения о существовании «элементов рабовладельческого строя» в эпоху Западного Чжоу (Т. 2, с. 21). В русле общей установки поиска коррелятов между политикой, экономикой и идеологией, утверждается, что уже в эпоху Западной Хань конфуцианство сделалось господствующим учением, а его основой сделалось каноноведение (Т. 2, с. 25). Культура эпохи Цинь и Хань обозначается как «великое единство» (Т. 2, с. 28–29). Соответственно, и в первой же главе, описывающей формирование циньской имперской системы, особое место занимает реформа иероглифической письменности (Т. 2, с. 38–39). Примечательно, что она описывается со ссылкой на канонический словарь «Шовэнь цзецзы», а не на находки доциньских текстов, из которых следует, что в Древнем Китае было три основных иероглифических системы, а не шесть. Описание политических событий эры Хань, в принципе, стандартное, с опорой на канонические тексты Сыма Цяня и Бань Гу, что очень заметно в пассажах, касающихся взаимо-

отношений с северными и южными соседями – сюнну и вьетами (дунъюэ и нанъюэ). В противоположность традиции образцовых исторических сочинений, эпохи Троецарствия, Цзинь, Южных и Северных династий не описаны в категориях «смуты», что соответствует современным тенденциям в историографии. Подчёркивается амбивалентность происходящего: с одной стороны, 270 лет между падением Цзинь и объединением страны, были переполнены междоусобицами и политической нестабильностью, с другой стороны, за это время произошло освоение Южного Китая и значительные перемены в сельском хозяйстве, ремесле и торговле (Т. 2, с. 73).

Вторая глава второго тома специально посвящена развитию бюрократического аппарата (здесь вспоминается фундаментальное исследование В.М. Рыбакова «Танская бюрократия», которое параллельно по времени издавалось в Петербурге). В этой главе речь идёт о доктрине «Мандата Неба» (Т. 2, с. 81), рассматриваются и практические аспекты деятельности чиновников, включая попытки подсчитать их численность в ханьскую эпоху (Т. 2, с. 85). В то же время характеристика радикальных реформ управления, предпринятая при Ван Мане и Цао Цао, которые стремились к возвращению системы «колодезных полей», помещена в следующую главу, посвящённую экономике (Т. 2, с. 134–135).

Особое место в изложении занимает культурное воздействие Китая на окружающие народы, особенно Корейского полуострова и Японских островов (Т. 2, с. 177–181). Очень кратко повторены легенды об эмиграции в Корею Ци-цзы (ещё во времена Шанского Чжоусиня) и Вэй Маня, а также широкое расселение китайцев в Северной Корее V в. Весьма объёмно описание хорошо сохранившегося захоронения короля древнекорейского государства Пэкче

Мурён-вана, причём особый акцент сделан на доказательствах влияния китайской культуры.

Четвёртая и пятые главы посвящены религиозным учениям переходного периода: от борьбы конфуцианства за роль ведущей идеологии Ханьской державы, до его упадка в эпоху Трёх государств и распространения «Учения о сокровенном», именуемом в западной традиции неодаосизмом, причём отдельный параграф посвящён отличиям его от проникающего в Китай буддизма. Особо отмечено, что проникновение буддизма в Китай было подготовлено даосизмом, и переводчики сознательно или бессознательно использовали язык и философский арсенал даосских писаний (Т. 2, с. 276–277). Шестая глава посвящена процессу распространения буддизма в Китае и складывания современных версий даосизма в этой стране. Как обычно, все эти процессы описаны консервативно, на основе традиционных китайских источников. Колоссальное значение имеет изобильное цитирование, характерное для китайской академической литературы. Немало страниц посвящено переводческой деятельности Кумарадживы (Т. 2, с. 292–295), чьи тексты признаются «в ряде случаев не уступающими известным произведениям классической китайской литературы». На с. 299–300 помещена и история конфликта между Фань Чжэнем и буддийскими иерархами, и констатируется, как конфуцианский учёный реагировал на буддизм и полемизировал с его учением. Напротив, даосизм прямо именуется «исконной китайской религией» (Т. 2, с. 308), и повторяются известные западной синологии ещё в XIX в. тезисы, что древнее учение Лао-цзы и Чжуан-цзы являлось интеллектуальной традицией, а складывание даосской религии происходило с эпохи Восточной Хань. В этом же разделе помещены сведения о восстании «Жёлтых повязок» и секте *Тайпин-дао* (Т. 2, с. 312–314). Примечательно, что авторы сумели сказать добрые слова даже о даосской алхимии Гэ Хуна и Тао

Хунцзина, поскольку она увязана с традицией китайской медицины. Исследование сохранившихся доханьских медицинских текстов свидетельствовало об отсутствии химических средств врачевания, мазей и эликсиров, которые появились в результате деятельности даосских алхимиков, значительно продвинувших китайскую фармакопею (Т. 2, с. 324–325).

Отдельная глава второго тома посвящена зарождению и развитию историографии, парой к которой идет география. Основанием выступает создание Сыма Цянем и Бань Гу жанра всеобщей и династийной истории в форме «анналов и жизнеописаний» (Т. 2, с. 326). Своду «Ши цзи», жанрам династийной и локальной историографии отведены в этой главе отдельные параграфы. Некоторые из анализируемых текстов (авторства Чжао Е, Юань Кана, Чань Цюя и Яо Сюаньчжи) практически неизвестны отечественной историографии. Очень важным фактором в развитии историографии являлось государство, чему приводятся конкретные доказательства. В эпохи Троецарствия, Южных и Северных династий государство не сумело организовать проекты, подобные ханьским, что привело к выходу интеллектуалов из-под правительственного контроля. Исторические сочинения перестали быть дополнением к каноническим текстам, что привело и к повышению статуса истории как науки, которая в традиционной библиографической классификации поднялась на второе, после конфуцианства, место. Приводится и любопытная статистика числа исторических сочинений, создаваемых частным образом (Т. 2, с. 327). Естественным продолжением данной темы является восьмая глава, посвящённая художественной литературе. Следующая далее глава «Расцвет искусства» носит откровенно описательный характер, и в этом отношении, безусловно, уступает объёмным трудам М.Е. Кравцовой, доступным рус-

скоязычному читателю. Описательность характеризует и остальные главы второго тома, посвящённые различным аспектам общественной жизни и даже традиционной науки и техники; главная их ценность — в представленном систематическом изложении источников и новейшей литературы. К сожалению, приходится констатировать, что том, посвящённый малоизученному и малоизвестному на Западе периоду Троецарствия и Южных и Северных династий, в концептуальности и аналитичности не может сравниться с третьим томом фундаментальной «Истории Китая», основными авторами которого явились И.Ф. Попова и М.Е. Кравцова.⁷ Достаточно сказать, что соответствующий том «Кембриджской истории Китая» появился лишь в нынешнем, 2020 г.

Том третий. Выбор хронологических границ содержимого третьего тома «Истории китайской цивилизации» (581–1525 гг.) вполне объяснён в предисловии. В этот период китайские историки выделяют три существенных периода в развитии китайской цивилизации, причём Танский и Сунский культурные подъёмы прямо именуются «наиболее значительными». Общей тенденцией развития заявлено «обновление в процессе интеграции» (Т. 3, с. 5–6). Это заметно и в композиции текста: если в предыдущих томах материал излагался, преимущественно, в хронологическом порядке, то в третьем томе — тематически, иногда охватывая материалы всех династий.

Интеграция становится общим лейтмотивом всего третьего тома. Для эпохи Суй — Тан рассматривается интеграция культур Севера и Юга Китая, причём она понимается как следствие намеренной политики тюркизированных правителей Северного Китая (Т. 3, с. 37–38). Чёткие акценты расставлены относительно полиэтнической политики династии Тан, по-

⁷ Мартынов Д.Е. О третьем томе «Истории Китая» (вместо рецензии) // Общество и государство в Китае. Т. XLV, ч. 2. Учёные записки ИВ РАН, Отдела Китая. Вып. 18. М.: ФГБУН ИВ РАН, 2015. С. 1013 – 1015.

сколько основатели дома Ли по материнской линии были потомками некитайцев, точнее, сяньбийцев (Т. 3, с. 40, 75). Высокая оценка потому выносится императрице У Цзэтянь, поскольку она, происходя из не слишком знатного провинциального рода, «уповала на народ как опору своей власти» (Т. 3, с. 41). Далее её судьбе посвящён целый параграф, касающийся роли женщин в китайском обществе; собственно, он и завершает третий том (Т. 3, с. 606 – 622). Отдельный параграф посвящён строительству Великого канала — единственного водного пути Китая, проложенного по меридиану между долинами Хуанхэ и Янцзы.

Весьма примечателен третий параграф первой главы, поскольку он рассматривает некитайские народы на территории современной КНР как органическую часть империи Тан. Характеристика Тюркскому каганату даётся только по материалам династических историй, вплоть до цитирования истории, как каган испросил разрешения императрицы У Цзэтянь о расселении тюрков, «изъявивших покорность» династии Тан. Особое место в данном контексте занимает создание «сферы культурного влияния Китая», основанной на иероглифике, что подтверждается цитированием как классика сунской историографии Сыма Гуана (1019–1086), так и российских и японских историков С.Г. Кляшторного и Нисидзима Садао (Т. 3, с. 52–55). Характеристика древних уйгур также приведена исключительно по материалам «Суй шу», причём цитируется история о присвоении этому народу нового имени в 788 г.: по «просьбе» уйгурского кагана династия Тан переименовала его народ «возвращающимися соколами» (回鹘, вместо исконного 回纥), что символизировало, как «уйгуры вьются вокруг Тан, словно стая соколов». Определенно политизированным и модернизированным следует считать утверждение, что уйгуры, пользуясь танской политикой умиротворения, получили гораздо

больше, «чем сунну и тюрки могли добиться военными действиями» (Т. 3, с. 58). Вполне логично, что следующая глава посвящена Великому Шёлковому пути и культурному взаимодействию Китая и внешнего мира. Ключевым здесь является третий параграф «Продвижение китайской цивилизации на Восток», особенно Японию и Корею. Изложение хронологически непоследовательно, захватывает даже распространение неоконфуцианства в государстве Чосон XVI в. и Вьетнаме XIX в. (Т. 3, с. 104–106).

Примечательно, что авторы третьего тома также избегали рассуждений о социально-политическом строе Китая эпохи Тан, ограничиваясь скрупулёзным цитированием источников в главе об экономике (Т. 3, с. 122–123), причём очень любопытные сведения приводятся о распространении арендных отношений, данный процесс прослежен вплоть до эпохи Сун (Т. 3, с. 130–132). Четвёртая глава целиком посвящена экзаменационной системе, главному инструменту формирования сословия чиновников — социальной базы всех китайских династий на протяжении 1300 лет (Т. 3, с. 172, 186). Представлено и смелое утверждение, что китайское общество эпохи Сун отличалось достаточно высокой степенью открытости в силу отсутствия устойчивого положения у знатных и незнатных (Т. 3, с. 192). Отдельный параграф этой главы посвящён неоконфуцианцам XI в., деятельность которых рассматривается как «рефлексия служилых людей, которые стремились всеми силами сохранить строгое отношение к самим себе» (Т. 3, с. 204). Пятая глава посвящена функционированию танской и сунской бюрократии.

Примечательно в данном контексте помещение дискуссии о природе неоконфуцианства в особую главу о развитии религиозности, и комплексное рассмотрение неоконфуцианства (точнее, «учения о принципе») вплоть до периода Мин (Т. 3, с. 250–251), т.е. Ван Янмина

(описание его биографии и учения достаточно объёмно: Т. 3, с. 267–269). С исторической точки зрения, это совершенно корректно, но, по видимому, вновь отражает консервативно-традиционный подход авторов «Истории китайской цивилизации», в данном случае — опору на классические труды Хуана Цзунси (1610–1695). Отсутствует и хронологическая последовательность: биография Ван Янмина помещена между описанием учения Чжу Си и его учеников. Подобающее место уделено развитию буддизма и даосизма, причём, традиционно, делается попытка рационализировать учение о внутренней даосской алхимии (Т. 3, с. 298). Интеллектуальным достижениям посвящена седьмая глава, первый же параграф который касается неразрывного единства каноноведения и историографии. Это глубоко не случайно, ибо каноноведение стало важнейшей основой образовательного цикла в эпоху господства системы государственных экзаменов (Т. 3, с. 301). Весьма обстоятельно рассмотрена разница в подходах танских и сунских канонистов, чья экзегеза конфуцианских текстов последовательно эволюционировала от собственно текстологии и филологии к философии, стремлению понять смысл канона как целого (Т. 3, с. 302). Определяющим на все последующие века для развития историографии, вплоть до эпохи Мин, называется запрет на частное историописание (Т. 3, с. 305). Отдельной характеристикой удостоились: эталонное для своего времени теоретическое сочинение «Ши тун» кисти Лю Чжицзи (Т. 3, с. 307–308) и энциклопедия «Тун дэнь», составленная Ду Ю (Т. 3, с. 308–310). Не менее примечательны страницы с очерком истории библиографии традиционного Китая (Т. 3, с. 319–324). Следующий далее параграф о системе образования примечателен, на наш взгляд, тем, что объём текста об образовательной реформе Ван Аньши превосходит очерк о его экономической и управленческой реформе (Т. 3, с. 330–332). Отдельного парагра-

фа удостоена конфуцианская трансформация китайского общества, заложенная трудами Чжу Си (Т. 3, с. 338–349).

В восьмой главе третьего тома изложение возвращается к этносам Северного Китая и их вкладу в развитие ханьской цивилизации. Речь здесь идёт о крайне неоднозначной (особенно, с конфуцианской точки зрения) эпохе создания собственной государственности киданями, чжурчжэнями и древними тангутами, не говоря о монголах. Не случайно, много места занимают пассажи о непонимании конфуцианского учения ханом Хубилаем и резком понижении статуса китайских учёных (Т. 3, с. 358–359). Примечательно, что параграф о «культуре северных народов», фактически посвящён лишь созданию киданями, тангутами, чжурчжэнями и монголами собственной письменности; сюда же вошли пассажи о национальной монгольской историографии эпохи Юань, существовавшей отдельно от китайской при той же династии (Т. 3, с. 367). В следующем далее очерке системы управления, созданной Юаньской династией, внимание читателя акцентируется на то, что впервые в истории Китая пограничные территории были уравнены в обязанностях с собственно китайскими, и на них была выстроена единая администрация и налоговая система (Т. 3, с. 372). Далее отдельный параграф посвящён межэтническим отношениям, главным образом, в эпоху Юань. Именно к этой эпохе возводится ситуация, когда «проживающие во Внутренней Монголии КНР монголы составляют важную часть единой нации Китая» (Т. 3, с. 380).

Глава девятая касается вопросов установления контактов Китая и Европы. Авторы не могли не упомянуть Марко Поло, сирийских несториан и епископа Пекинского Джованни де Монтекорвино (Т. 3, с. 384–387). Следующий параграф посвящён экспедициям Чжэн Хэ, чему предшествует очерк морской торговли эпохи Юань. Упомянуты археологические раскопки

на месте верфей, где возводились «корабли-сокровищницы» и даже приводится фотография тематического парка в Нанкине, сооружённого в 2002 г. на месте раскопок (Т. 3, с. 394–395). Параграф, посвящённый Чжэн Хэ, требует отдельной рецензии, поэтому остановимся лишь на одном сюжете. Речь идёт об экзотической (и откровенно прокитайской) гипотезе, опубликованной в 2002 г. бывшим британским морским офицером Г. Мензисом.⁸ Согласно этой гипотезе, флот Чжэн Хэ открыл Америку. Хотя данное предположение авторами «Истории китайской цивилизации» отвергнуто, но зато утверждается, что минский флот мог достигнуть побережья Мозамбика и даже мыса Доброй Надежды — за 83 года до Б. Диаша (Т. 3, с. 399–400).

Глава десятая, касающаяся научной мысли, вводится историей возникновения в Китае ксилографического книгопечатания (Т. 3, с. 403–404). Старейшей книгой, набранной разборным шрифтом, называется «Благая тантра всеобщего согласия», выпущенная в Тангутском государстве, найденная археологами в 1990-е гг. Примечательно, что китайские авторы дали решительный ответ претензиям корейских исследователей, настаивающих на первенстве Кореи: «в начале XV в. корейцы позаимствовали у китайцев метод печати с помощью наборных шрифтов» (Т. 3, с. 409).⁹

Три завершающих главы, посвящённые собственно культуре и искусству, потребуют обширной отдельной рецензии. Во всяком случае, они примечательны тем, что рассматривают разнообразные структуры повседневности, делая акцент, преимущественно, на достижениях династии Тан. Главной особенностью китайской литературы тысячелетнего периода VI–XV вв. называется её «демократизация», то есть дословно «движение вниз» (Т. 3, с. 438). Это утверждение резко контрастирует со следую-

щим же параграфом о «движении за возврат к древности», начатым Хань Юем и Лу Цзунъюанем (Т. 3, с. 439). После констатации, что создатели стиля гувэнь ставили прямую зависимость между чистотой литературного стиля и чистотой выражения конфуцианских истин, авторы переходят к описанию золотого века танской поэзии и жанра ши (Т. 3, с. 448). Изложение, как обычно в «Истории китайской цивилизации» выстроено в традиционалистском духе, ключевыми, естественно, являются «“Поэт-небожитель” Ли Бо и “Поэт-совершенномудрый” Ду Фу», появившиеся на литературной арене Китая одновременно, в чём заключается одно из великих чудес в истории китайской цивилизации» (Т. 3, с. 459).

Том четвертый. Заключительный том, изданный под редакцией Лоу Юйле (楼宇烈, род. 1934 г.), охватывает завершающую стадию развития традиционного общества Китая и охватывает временной промежуток 1525–1911 гг. Самым примечательным в данном контексте является принципиально иной подход, по сравнению с распределением материалов десятитомной российской «Истории Китая», равно и «Кембриджской истории Китая», в которых династические режимы Мин и Цин разделены по томам и противопоставляются друг другу. Напротив, китайские специалисты в принципе не разделяют эпохи поздней Мин и Цин до самого её падения в 1911–1912 гг. Не случайно, что общее предисловие к тому начинается с констатации уровня социально-экономического развития Китая в XVI–XIX вв., ключевым показателем для оценки которого является рост народонаселения (Т. 4, с. 6–7). Немало места уделено и проблеме этнической интеграции (в русле «генеральной линии» компендиума вообще), которая отсчитывается от дарения нефритовой печати пятому кармапе

⁸ Существует перевод на русский язык: Мензис Г. 1421 – год, когда Китай открыл мир. М.: Яуза, 2004.

⁹ Ср.: Хан Ёнъю. История Кореи: новый взгляд / пер. с кор. под ред. М.Н. Пака. М.: Вост. лит, 2010. С. 192–194.

школы кагью тибетского буддизма в 1407 г. Цинская же династия характеризуется следующими достижениями: «укрепление связей между различными этносами в стране», «отвоевание обратно Тайваня», «отпор царской России», «усмирение джунгаров» и установление управления над Тибетом (Т. 4, с. 9). Констатируется также независимость этнических процессов от интеллектуального синтеза, который в эпоху Цин происходил дважды — первый раз при переходе власти, второй — после «Опиумных» войн (Т. 4, с. 10). В таком же порядке идет распределение материала по главам. Заметим, что логика расположения материала, в том числе его хронологический порядок, лично для нас не являлась очевидной.

Первая глава, посвящённая социально-экономическому развитию, носит описательный характер. Характеризуя рост населения в эпохи Мин — Цин, авторы также описывают основные волны миграций китайского населения (в Сычуань и провинции региона Линнань), после чего проводится попытка связать начало ширококомасштабной миграции китайцев в Южном Китае с «колумбовым обменом»: распространением американских продовольственных и технических культур (Т. 4, с. 26–27). В целом данная глава исключительно интересна описанием традиционных сельских технологий и ссылками на китайских аграрных мыслителей XVIII–XIX вв., кажется, вовсе не известных западной и российской синологии. Сюда же вошли очерки о городской жизни эпохи Цин и ситуации в финансовом секторе, особенно, касающейся обмена медных и серебряных денег. Главным каналом поставок серебра в Китай также являлся Новый Свет (Т. 4, с. 51–57).

Вторая глава посвящена интеллектуальным тенденциям поздней эпохи Мин, в которой особо выделяются превращение чжусианства в официальную доктрину, и превращение янминизма в оппозиционную доктрину.

Последователи учения о сердце Ван Янмина, Тайчжоуской школы и «проклятые мыслители» круга Ли Чжи объединены под общим обозначением просветителей (Т. 4, с. 58–59). Превращение чжусианства в официальную идеологию прослеживается от эпохи Юань, с многочисленными отсылками к первоисточникам. Отдельный параграф посвящён Дунлиньской группировке как политическому институту оппозиции. Выдающиеся мыслители-практики Ранней Цин — Хуан Цзунси, Гу Яньбу, Фан Ичжи, Ван Фучжи рассмотрены далее. Сюда же попало описание учения Янь Юаня и его учеников.

Для нас весьма примечательной оказалась четвёртая глава, носящая название «Становление и развитие многонационального государства». В первой же фразе уточняется, что речь идёт о династии Цин — «следующего после империи Юань примера образования на территории Китая одним из северных народов единого огромного государства» (Т. 4, с. 137). Описание захвата маньчжурами Северного и Южного Китая дано в максимально деликатной форме. Как и в остальных томах компендиума, грандиозные крестьянские войны, периодически сокрушавшие китайские империи, едва упоминаются, а трагические подробности войны «трёх данников» даны чуть ли не намёком (Т. 4, с. 142–144). Напротив, упор делается на усилении Китая, оформлении современной конфигурации государственных границ и «двухсот лет спокойствия». Российско-цинские отношения также характеризуются в стандартной для современной школьной практики КНР манере (Т. 4, с. 146). Второй параграф целиком посвящён деятельности Палаты по делам инородцев и ламаистской буддийской организации на территории Монголии. Весьма интересен третий параграф о внешней политике Цинской династии. В противоположность принятой на Западе характеристике изоляционизма, авторы «Истории китайской цивилизации» находят массу примечательных сюжетов. Например, со

ссылкой на «Повесть о доставке по морю помощи Корее» императора Канси, упоминается о поставке 30 000 даней риса в Корею, пострадавшую от неурожая в конце XVII в. (Т. 4, с. 162). Не обошлось без упоминания, что именно Цинская династия формально утвердила название государства Вьетнам (Т. 4, с. 163). На странице 166 упоминаются и правила обращения с европейцами, принятые в Гуандуне после утверждения соответствующей политики. Инциденты с посольствами Маккартни (1792 г.) и Амхерста (1816 г.) трактуются сугубо традиционно — как «конфликты на почве этикета», причём далее приводится цитата из статьи К. Маркса «История торговли опиумом» (Т. 4, с. 167–169).

Пятая глава открывается описанием центральных органов власти имперского абсолютизма от воцарения Чжу Юаньчжана. Эта система, после всех её модификаций, была почти в неизменном виде унаследована маньчжурами. Однако при Цин возникли другие органы власти, прежде всего, Государственный военный совет, функции которого разобраны вполне обстоятельно (Т. 4, с. 176). Подчеркивается единство правительственного аппарата Мин и Цин, и также рассмотрены изменения в административной системе местного управления (Т. 4, с. 178–179). Как типологически родственная (её функция — ослабление управленческой автономии провинций) представлена удельная система минского императора Хунъю (Чжу Юаньчжана) и цинская модель «восьми генерал-губернаторов и пятнадцати губернаторов» (Т. 4, с. 181–183). В составе этой главы включен параграф о перевозке налогового зерна Великим каналом, с изобильным цитированием источников (Т. 4, с. 199–207). Далее следует раздел о стихийных бедствиях и правительственной борьбе с ними. В этом разделе (Т. 4, с. 212) мы впервые заметили опечатку в русском тексте: «1615 г.» вместо 1715 г., когда в конце правления Канси императорский двор

стремился поощрить население жертвовать зерно в запасные склады.

Шестая глава посвящена интеллектуальным достижениям эпохи Цин. Она вводится цитатой из Ван Говэя, который определял научное знание начала Цин как «огромное», достижения правлений Цяньлун и Цзяцин как «рафинированные», а правлений Даогуан и Сяньфэн — как «обновлённые» (Т. 4, с. 221). Первый параграф касается универсализации знания — цинскому «энциклопедизму», который выразился в реализации колоссальных по объёму энциклопедий, компендиумов и библиотек-серий. На с. 224–227 даётся характеристика энциклопедии «Гуцзинь тушу цзичэн» и библиотеки «Сыку цюаньшу». Весьма интересными являются сведения о росте библиофилии в эпоху Цин: Чжэн Жусы и Сяо Дунфа насчитали в эпоху Цин не менее 500 выдающихся библиофилов, многие из которых собрали ценнейшие личные коллекции, имеющие общекультурное значение. Это привело и к интенсивной публикационной деятельности таких корифеев, как Жуань Юань, Би Юань, Цзи Юнь, Ван Миншэн, и других (Т. 4, с. 227–229). Составители «Истории китайской цивилизации» не скрывали, что колоссальный всплеск историко-филологических штудий при Цин, отчасти, был вынужденным, и порождался правительственной политикой контроля над духовной жизнью. Идеологическая монополия чжусианства приводила интеллектуалов к конкретным изысканиям в области текстологии, лексикологии, и проч. Деятельность императора Цяньлуна по усовершенствованию гражданского правления на основе неоконфуцианских добродетелей, напротив, оценивается весьма высоко. Цитируются и современные китайские исследователи Цянь Му и Юй Инш (встречаются и ссылки на известного историка интеллектуальной мысли Бенджамина Элмана), которые всячески подчёркивали, что расцвет историко-филологической науки коренился в самих

тенденциях развития китайской интеллектуальной среды, а политический фактор был глубоко вторичным. Иными словами, контроль над комментированием древней классики порождал и контроль за общественным сознанием (Т. 4, с. 230–234). Среди выдающихся цинских учёных — канонистов и историков — особенно выделяется наследие Жуань Юаня и Чжан Сюэчэна (Т. 4, с. 237–254). К сожалению, не получил достойного его места выдающийся экономист и политический мыслитель Бао Шичэнь (包世臣, 1775–1855), поскольку первое всеобъемлющее монографическое исследование о нём было выпущено У. Роу в 2018 г., и оперативно было переведено на китайский язык год спустя.

Китайско-западному культурному обмену целиком посвящена седьмая глава «Истории китайской цивилизации». Она начинается цитированием сентенции Лян Цичао, что проникновение западной математики и астрономии в эпохи Мин и Цин само по себе должно занимать целые тома трудов китайских учёных (Т. 4, с. 266). Содержание почти всего первого параграфа касается деятельности Маттео Риччи, замечательно перечисление его друзей — представителей высшей минской элиты (Т. 4, с. 268–269). Второй параграф описывает деятельность «трёх столпов китайского католицизма» (Сюй Гуанци, Ян Тинъюня и Ли Чжицзао), а также их оппонентов-конфуцианцев (Т. 4, с. 273–281). Третий параграф касался деятельности иезуитской миссии в Пекине при Цинах до её запрещения; нашлось место и для описания фигуралистских споров (Т. 4, с. 282–290). Ещё более примечателен параграф «Проникновение китайской науки на Запад». Изложение начинается с «аренды» Макао португальцами в 1557 г., после чего сразу же начинается описание моды на «китайщину» в стиле рококо XVIII в., а далее, почти без перехода — перечисление трудов иезуитов о Китае, издан-

ных в просвещенческой Европе, их интерпретации П. Бейлем и Лейбницем (Т. 4, с. 301–309).

Глава восьмая компендиума посвящена религиозным практикам Мин и Цин, а в девятой даётся характеристика литературной жизни эпохи. В полном соответствии с традицией, заложенной Лян Цичао и Лу Синем (хотя цитат из них, против ожидания, не приводится), главным достижением эпохи именуется создание романного жанра на простонародном языке (Т. 4, с. 339–341). Немалое место посвящено «проклятому» минскому философу Ли Чжи как теоретику литературы, и перекидывается мостик к воззрениям Юань Хундао и цинского Юань Мэя (Т. 4, с. 355–358). В четвертом параграфе рассматривается роман «Сон в красном тереме», причём делается попытка доказать, что уже современники оценили значение этого текста. Из цитируемых авторов почётное место занимают суждения Ван Говэя (Т. 4, с. 374–384).

Новаторский характер носит глава десятая, посвящённая жизни общества. Описание структур повседневности открывается с анализа модели традиционной конфуцианской семейной морали и жизненного ритма, выстроенного в соответствии с ритуалом. Сюда же попало обсуждение женского вопроса (Т. 4, с. 385–398). Ещё во времена Ван Янмина было ясно, что новые формы экономических отношений, завязанных на рыночную систему, противостоят традиционному укладу, данный процесс был неостановим. В параграфе втором десятой главы приведены любопытные примеры изменения общественной морали под воздействием предпринимательства в регионе Цзяннани, с чем были вынуждены мириться даже цинские монархи (Т. 4, с. 401–406). На контрасте в третьем параграфе показана модель идеального поведения литературной элиты и практических её проявлений. В качестве примеров немало места занимали обстоятельства жизни Юань Мэя и даже Хун Лянцзи (Т. 4, с. 424–426). Вполне логично следующая глава повествует о государственном и частном образовании в эпохи Мин и Цин. Здесь немало места посвящено образованию женщин в традиционном Китае

и возможностям, которые это давало для их социального возвышения в новой экономической реальности (Т. 4, с. 463–467).

Двенадцатая глава, посвящённая градостроительству и развитию городов, служит и логическому переходу к проблеме коренной ломки традиционного уклада китайской цивилизации в результате вторжения империалистических держав в 1840–1860-е гг. Лично нам очень импонирует принятое в главах 12 и 13 комплексное изложение, по хронологии охватывающее около столетия. При этом традиционный способ отбора и организации материала сохраняется. Так, в параграфе первом тринадцатой главы («Обучение у “варваров”») подчеркивается процесс усвоения новых технологий, от строительства железных дорог, до технологии литографирования, что позволило выпустить классический «Словарь Канси» разовыми тиражами 40 000 и 60 000 экземпляров, принеся издательству солидную прибыль (Т. 4, с. 523–524). Отмечено изменение структуры потребления китайцев в приморских портах в XIX в. (Т. 4, с. 527–528). В параграфе, посвящённом интеллектуальным переменам позднего периода Цин, нашлось место для воззрений Кан Ювэя и Лян Цичао (Т. 4, с. 540–541), Янь Фу и его круга (Т. 4, с. 548–551). Немало место посвящено и проникновению и восприятию в Китае естественноисторического круга знаний. Завершающий параграф тринадцатой главы касается проникновения новых политических идей, утверждения конституционализма. Завершается четвертый том изложением идей Сунь Ятсена, которые названы «самым значимым символом китайской политической культуры нового времени» (Т. 4, с. 577).

Завершая нашу рецензию (повторимся, объём и значение материалов, приведённых в четырёхтомной книге, заслуживают много большего объёма), выскажем ещё раз восхищение трудом авторского коллектива Пекинского университета, и не меньшее преклонение перед трудом переводческого коллектива, объединившего лучших российских китаистов двух поколений. Специалисты по Китаю и интересу-

ющиеся достижениями традиционного Китая получают новый почти неиссякаемый источник информации и повод осмыслить существующие в современной интеллектуальной истории КНР теоретические и эмпирические подходы. Бесспорно, «История китайской цивилизации» не заменит уже созданных в России и на Западе многотомных комплексных исследований истории и культуры Среднего государства, но дополнит копилку наших представлений и выведет китаеведческие штудии на новый уровень.

Информация об авторах

Профессор, д.и.н. **Мартынов Дмитрий Евгеньевич**
Кафедра алтаистики и китаеведения
Казанский федеральный университет
420008, Казань, ул. Кремлёвская 18
Россия
dmitrymartynov80@mail.ru

Доцент, к.и.н. **Мартынова Юлия Александровна**
Кафедра алтаистики и китаеведения
Казанский федеральный университет
420008, Казань, ул. Кремлёвская 18
Россия

Information about the Authors

Professor, Dr. Sc. **Dmitry Martynov**
Department of Altaic and Chinese Studies
Kazan Federal University
420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18
Russia
dmitrymartynov80@mail.ru

Associated Professor, PhD **Yulia Martynova**
Department of Altaic and Chinese Studies
Kazan Federal University
420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18
Russia

Рецензия одобрена рецензентами: 18.02.2021

Рецензия принята к публикации: 15.03.2021

Reviewed: 18.02.2021

Accepted: 15.03.2021

КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
АССОЦИАЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ПФО
ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ КФУ

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас опубликовать
результаты Ваших научных трудов в нашем издании
«СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
/ MODERN ORIENTAL STUDIES»

«Современные востоковедческие исследования» — международный периодический журнал открытого доступа. Целью нашего научного издания является освещения основных научных достижений в области восточной филологии, истории, культуры и философии Востока.

К публикации в журнале принимаются наиболее значимые научные труды, соответствующие тематике, обладающие научной новизной и содержащие материалы собственных научных исследований автора. В журнал принимаются статьи на 8 языках: русском, английском, китайском, турецком, арабском, японском, корейском, вьетнамском по следующим специальностям:

10.00.00. Филологические науки

07.00.00. Исторические науки

09.00.00. Философские науки

13.00.00 Педагогические науки

Публикация в научном журнале бесплатная. Принимаются ранее не опубликованные научные статьи, обзорные статьи, рецензии, информационные материалы, соответствующие

направлениям рецензируемого научного издания (оригинальность научных работ должна составлять не менее 75%).

Все научные статьи, поступившие в редакцию журнала, проходят обязательное слепое рецензирование. Статьи, получившие отрицательную рецензию, снимаются с публикации.

Периодичность выхода журнала: 4 номера в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Выпуски журнала размещаются в базах РИНЦ (www.elibrary.ru) на основании лицензионного договора с Научной электронной библиотекой, РГБ, ТАСС, Cyberleninka.

Журнал издается с соблюдением всех требований Высшей аттестационной комиссии с целью последующего включения его в перечень ВАК.

Требования к оформлению работ и порядок приема статей прилагаются.

Готовые статьи принимаются только на адрес Редколлегии журнала:

modernorientalstudies@gmail.com

УДК

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА РУССКОМ

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА ЯЗЫКЕ
НАПИСАНИЯ СТАТЬИ

ФИО (полностью)¹, ФИО (полностью)² и т.д.

Место работы¹, Место работы² и т.д.

электронный адрес (первого автора)

Аннотация

Текст (150-250 слов)

Ключевые слова: слово(5-7)

Для цитирования: ФИО. Название статьи (курсивом). Современные востоковедческие исследования. Год публикации; Том (Номер выпуска):

Образец на русском: Магдеев Р.Р., Халиуллина А.А. Динамика экономических отношений между Россией и Японией: основные мотивы. Современные востоковедческие исследования. 2020; 1(2):

Abstract (на языке написания статьи)

Text

Keywords and phrases: word (5-7), на языке написания статьи

For citation: Magdeev R.R., Khaliullina A.A. Dynamics of economic relations between Japan and Russia: basic motives. Modern oriental studies. 2020; 1(2):

ВВЕДЕНИЕ

Согласно Н.В. Иванову [1981], текст.

Текст [Халидов, 1981, С. 23]. Текст

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

(на усмотрение автора)

Текст

РЕЗУЛЬТАТЫ

Текст

Русский	Китайский	Японский	Корейский
текст	текст	текст	текст

Таблица 1. Название таблицы
(дублирование на английском)

Рис. 2: Название диаграммы

(дублирование на английском)

ВЫВОДЫ

Текст

Литература

Обязательно используйте нумерованные списки

1. Шмелева Т.В. Лингвистические идеи и педагогические принципы В.А. Белошапковой // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1997. № 3. С. 78–86.

2. Шмелева Т.В. Уроки Белошапковой // Лингвистические идеи В.А. Белошапковой и их воплощение в современной русистике / сост., отв. ред. Л.М. Байдуж. Тюмень, 2010. С. 26–33.
3. Белошапкова Т.В. Россия в истории одной семьи, или Девять новелл из жизни В.А. Белошапковой // Традиционное и новое в русской грамматике : сб. статей памяти Веры Арсеньевны Белошапковой / сост. Т.В. Белошапкова, Т.В. Шмелева. М., 2001. С. 9–19.
4. Закиров Р.Р., Мингазова Н.Г., Мухаметзянов И.М. Арабский язык. 5 класс. Казань, 2011. 128 с.

References

Be sure to use numbered lists

1. Shmeleva, T.V. (1997) Lingvisticheskie idei i pedagogicheskie printsipy V.A. Beloshapkovoy [Linguistic ideas and pedagogical principles of Beloshapkova]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya. 3. pp. 78–86.
2. Shmeleva, T.V. (2010) Uroki Beloshapkovoy [Lessons of Beloshapkova]. In: Bayduzh, L.M. (ed.) Lingvisticheskie idei V.A. Beloshapkovoy i ikh voploshchenie v sovremennoy rusistike [Linguistic ideas of V.A. Beloshapkova and their embodiment in modern Russian philology]. Tyumen: Mandr i Ka.
3. Beloshapkova, T.V. (2001) Rossiya v istorii odnoy sem'i, ili devyat' novell iz zhizni V.A. Beloshapkovoy [Russia in the history of one family, or nine novels from the life of V.A. Beloshapkova]. In: Beloshapkova, T.V. &

Shmeleva, T.V. (eds) Traditsionnoe i novoe v russkoy grammatike: sb. statey pamyati Very Arsen'evny Beloshapkovoy [Traditional and new in Russian grammar: a collection of articles in memory of Vera Arsenyevna Beloshapkova]. Moscow: Indrik.

4. Zakirov, R.R., Mingazova, N.G., Mukhametzyanov, I.M (2011). Arabskiy yazyk (Level I for the 5th grade) [Arabic for non-native speaking children]. Kazan, Russia: Magaryf-Vakyt publishers. 128 p.

Information about author

Associate Professor, PhD **Alfiya Alikberova**

Department of Altaic and Chinese Studies

Kazan Federal University

420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18, Russia

alfikas@mail.ru

Принята к публикации: (фразу вписать, даты проставляет Редакция после получения рецензии)

Submission Date:

ISSN 2686-9675

9 772686 967007 >